ГОДЪ II-й

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

ПРОТИВОСЕКТАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1897 ГОДЪ

Іюль | Книга 1-я.

„Яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы". Іоанн. XX, 21.

„Идите **паче** ко овцамъ погибшимъ дому Израилева". Мѳ. X, 6.

„Скорбь ми есть велія по братіи моей". Римл. IX, 1—3.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1897.

Содержаніе 1-й кн. за Іюль

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе" за 1897 годъ.

I. **Нѣмецкій пасторъ о русскомъ штундизмѣ.** *Н. Л. Вишневскаго* . . . . 563—578

II. **Оренбургскіе хлысты.** Изъ залы судебнаго засѣданія. Проф. Казанск. дух. акад. **Н И. Ивановскаго.** . 578—588

III. Судъ православной Церкви надъ еретиками. . . 588—593

IV. **Архимандритъ о. Павелъ (прусскій) и его противосектантская дѣятельность:** (продолженіе).
II гл. Пребываніе Петра среди ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища въ Москвѣ. III Пребываніе о. Павла въ Пруссіи и его дѣятельность въ должности настоятеля прусскаго ѳедосѣевскаго монастыря. **Н. Беренскаго.** . . . 594— 606

V. **Миссіонерскіе запросы и отвѣты.** . . . . 607—612
а) Какъ поступать священникамъ *при бракосочетаніяхъ* тѣхъ новоприсоединен. изъ раскола и сектантства къ православію лицъ, лѣта коихъ достовѣрно священнику неизвѣстны? б) Какъ понимать прошеніе великой ектеніи о соединеніи святыхъ церквей?

VI. Изъ дневника пастыря—миссіонера. *Березницкаго.* . 612—619

VII. **Лѣтопись печати по вопросамъ миссіи:**
по поводу пятидесятилѣтія австрійскаго лжесвященства изъ воспоминаній бывшаго лжепопа противоокружника. Роль женщины въ сектантскомъ и раскольничьемъ мірѣ. Полемика по вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ и о церк.-приходск. школѣ, какъ средствахъ *миссіонерской* борьбы съ расколомъ и сектантствомъ. Къ характеристикѣ современнаго раскола. *Н. Л. Вишневскаго.* . . . . 619— 630

VIII. **Миссіонерство, секты и расколъ.** (Хроника).
Миссіонерская борьба съ сектантствомъ въ херсонской епархіи за истекшій годъ и характеристика религіозно-нравств. его состоянія. Два слова по поводу сообщенія о херсонской штундѣ. Чигиринскіе штундо-анархисты. Разоблаченіе раскольничьей лжи и штундовые соглядатаи у раки св. Ѳеодосія Черниговскаго. Новое чудо исцѣленія больнаго и обращеніе сектантовъ—паломниковъ. Симпатичный способъ руководственныхъ сношеній миссіонера съ приходскимъ духовенствомъ. Раскольничій Самарскій логофетъ въ роли лѣниваго наемника. . . . . 631— 649

IX. **Библіографич. отзывы о книгахъ:**
а) *Г. П. Добротина* «Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ лжеученію и расколу». **И. Козицкій** . 650—654
б) *А. Надеждина* «Спиритизмъ предъ судомъ христіанства». П. Козицкій. . . . . 654—656
в) Пр. *М. Разногорскаго* «Сборникъ статей въ обличеніе штундизма и въ утвержденіе неопытныхъ въ истинахъ православной вѣры». *Н. В.* . . . 656—659

X. **Извѣстія и замѣтки.**
а) Знаменательный документъ. . . . . 659—
б) Обслѣдованіе закавказскаго сектантства. . . . 660—

Нѣмецкій пасторъ о русскомъ штундизмѣ.

(„Der stundismus in Russland". Studie und Erinnerungen von Hermann Dalton. Gütersloh. 1896).

Въ октябрѣ истекшаго года появилась на нѣмецкомъ языкѣ новая книга—«Der stundismus in Russland» (Штундизмъ въ Россіи). Авторъ этой небольшой (въ 59 страницъ) книжки Германъ Дальтонъ—пасторъ лютеранской евангелической церкви, болѣе тридцати лѣтъ прожившій въ Россіи и за это время многое видѣвшій, многое наблюдавшій и изучившій и кой о чемъ изъ видѣннаго даже писавшій. Какъ лицо духовное, онъ, конечно, больше всего интересовался дѣлами и вопросами церковными,—изучалъ исторію и современное положеніе лютеранской церкви въ Россіи, а равно и исторію, внутреннее устройство и современное состояніе православной русской церкви[1]). Но, какъ пасторъ протестантской церкви, онъ при наблюденіи и изученіи современной жизни русской церкви и русскаго общества съ особеннымъ интересомъ останавливалъ свое вниманіе на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ чуялъ вѣяніе родного ему протестантскаго духа. Отсюда нашъ штундизмъ и движеніе, возбужденное въ русскомъ обществѣ лордомъ Редстокомъ и Пашковымъ, привлекали преимущественное вниманіе Дальтона. Мало того, въ отношеніи къ этимъ явленіямъ онъ уже не ограничивался ролью простаго наблюдателя, но и самъ принималъ активное участіе въ томъ движеніи, которому, будучи искреннимъ и ревностнымъ протестантомъ, вполнѣ, конечно, сочувствовалъ. 1862 году онъ, еще двадцатилѣтнимъ юношей случайно попадаетъ на собраніе нѣмецкихъ штундистовъ въ Херсонской губерніи, гдѣ видитъ уже и русскихъ крестьянъ, будущихъ первыхъ проповѣдниковъ штундизма. И вотъ, съ тѣхъ поръ онъ всегда принимаетъ близкое участіе во всемъ, что кѣмъ либо предпринималось съ цѣлью насажденія въ русскомъ народѣ протестантскихъ идей. Въ семидесятыхъ годахъ

---

[1]) См. его сочиненія: „Geschichte der reformirten Kirche in Russland". 1865; „Urkundenbuch der evang.—reform. Kirche in Russland", 1889; „Die Russische Kirche", Leipzig, 1892 и др.

мы видимъ его близко стоящимъ къ руководителямъ пашковщины и къ «Обществу поощренія духовно-нравственнаго чтенія». Въ русско-турецкую войну онъ на берегахъ Дуная съ восторгомъ отмѣчаетъ «благотворное» дѣйствіе изданій этого общества на душу простого русскаго солдата. Въ своихъ странствованіяхъ по Кавказу онъ поддерживаетъ и ободряетъ ссыльныхъ сектантовъ. Въ то же время у него широкій кругъ знакомствъ и связей среди вліятельныхъ лицъ Петербурга; въ своей книжкѣ онъ нерѣдко вспоминаетъ объ этихъ связяхъ и довольно прозрачно старается показать читателю, что, благодаря именно своимъ знакомствамъ и вліятельнымъ связямъ, могъ получать такія свѣдѣнія касательно положенія русскихъ сектантовъ, которыхъ инымъ путемъ, пожалуй. и невозможно было бы добыть.

Такимъ образомъ, пасторъ Дальтонъ имѣлъ полную возможность изучить русскій штундизмъ основательно и всесторонне. Поэтому, когда онъ берется писать объ этомъ явленіи, то мы вправѣ требовать и отъ его изслѣдованія основательности и всесторонности. Мало того, отъ автора, прожившаго болѣе тридцати лѣтъ въ Россіи, изучавшаго условія русской жизни, присматривавшагося къ народному характеру и къ проявленіямъ религіозной жизни въ народѣ и въ образованномъ обществѣ,—отъ такого автора мы вправѣ ожидать, что онъ съумѣлъ сколько нибудь постигнуть самый духъ православія и правильно понять ту точку зрѣнія, которой руководится православная Церковь въ своемъ отношеніи къ штундистамъ и подобнымъ имъ сектантамъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что авторъ —протестантъ долженъ самъ оцѣнивать изслѣдуемый имъ штундизмъ съ православной точки зрѣнія: нѣтъ, отъ изслѣдователя претендующаго на серьезность и поставленнаго въ благопріятныя условія требуется быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Этой-то объективности въ соединеніи съ основательностью и всесторонностью мы вправѣ требовать и отъ Дальтона, выступившаго предъ нѣмецкими читателями съ своей новой книжкой о русскомъ штундизмѣ. Къ сожалѣнію, ни того, ни другаго мы въ этой книжкѣ не находимъ. Въ ней авторъ выступаетъ не изслѣдователемъ штундизма, а его адвокатомъ, старающимся изобразить своего кліента въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ и пользующимся для этой цѣли чисто адвокатскими пріемами.

Уже въ томъ, что разсказываетъ Дальтонъ о штундизмѣ нѣмецкомъ, отъ котораго получилъ свое начало и русскій штундизмъ, явно сказывается желаніе автора представить это явленіе въ возможно лучшемъ видѣ. Возникновеніе штундизма на нѣмецкой почвѣ въ формѣ извѣстныхъ братствъ «штунде» относится еще къ началу XVIII вѣка и стоитъ въ связи съ усиленіемъ въ эту эпоху мистическаго и піетистическаго настроенія въ германскомъ обществѣ. Въ общинахъ южной Германіи новыя братства скоро пріобрѣли особенно важное значеніе. Они не только не стояли въ оппозиціи къ церкви, въ лонѣ которой возникли и окрѣпли, но напротивъ, служили для самой церкви надежнымъ оплотомъ противъ всякаго рода сектаторскихъ стремленій; члены этихъ братствъ составляли, по выраженію Дальтона, «соль общины». Однако, въ концѣ прошлаго вѣка мирныя отношенія между братствами «штунде» и церковью нарушились вслѣдствіе того, что духъ усилившагося раціонализма началъ проникать и въ самую церковь. «Штунды» не захотѣли принять новой литургіи, новаго исправленнаго молитвенника и рѣшили лучше покинуть отечество, нежели уступить духу времени. Къ этому присоединились еще мистическія чаянія скораго пришествія Мессіи, имѣющаго явиться на дальнемъ востокѣ. И вотъ, братья «штунде» начинаютъ выселяться и направляются на востокъ въ поискахъ новаго мѣстожительства, болѣе спокойнаго и болѣе близкаго къ мѣсту будущаго явленія Спасителя. Въ это то время небольшая колонія выходцевъ изъ Виртемберга, направлявшаяся къ Самарканду, осѣла въ Новороссійской степи, въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи. Въ 1809 г. присоединилась къ нимъ новая партія выходцевъ изъ Пфальца, пришедшая сюда по вызову императора Александра I. Новые поселенцы, соединившись вмѣстѣ съ старыми, основали колоніи: Рорбахъ и Вормсъ. Какъ извѣстно, изъ этихъ то колоній и получилъ свое начало русскій штундизмъ.

На новомъ мѣстѣ, среди раздолья степей, пользуясь полной религіозной свободой и вообще свободой отъ всякихъ посторонних вліяній, германскіе выходцы могли устроить свою церковную жизнь вполнѣ по своему вкусу. Условія ихъ новой жизни въ чужой землѣ, среди чужаго народа и притомъ въ рѣдко населенной мѣстности заставляли ихъ тѣснѣе сплотиться вокругъ того, что вынесли они изъ своего отечества и что поддерживало въ нихъ сознаніе связи съ этимъ отечествомъ, — вокругъ церкви, школы и «штунды». И

дѣйствительно, мы видимъ, что братства «штунде» въ новыхъ поселеніяхъ сразу же начали играть весьма видную роль въ церковно-общественной жизни колонистовъ. Первые пасторы этихъ колоній Бонекемперъ и Улингеръ прекрасно поняли важное значеніе этихъ братствъ въ жизни оторванныхъ отъ родной почвы колонистовъ и потому всячески поддерживали ее (стр. 6—8).

Въ 1862 году Дальтонъ, обозрѣвая нѣмецкія колоніи Херсонской губерніи, посѣтилъ между прочимъ Рорбахъ и и Вормсъ. Въ теченіе дня онъ сказалъ три проповѣди, а къ вечеру получилъ приглашеніе посѣтить собраніе «штунде». Такъ какъ до сихъ поръ онъ никогда еще не видѣлъ этихъ собраній, хотя много слышалъ о самомъ братствѣ «штунде», то охотно, конечно, принялъ приглашеніе. «Собраніе происходило въ школѣ. Небольшая душная комната была биткомъ набита мужчинами и женщинами. Мы тѣсными рядами усѣлись на низкихъ школьныхъ скамьяхъ. Руководитель собранія (Stundenhalter), простой крестьянинъ, почтенный и сѣдовласый старецъ, открылъ вечернее назиданіе. Мы спѣли изъ книги церковныхъ пѣснопѣній; руководитель произнесъ сердечную, свободную молитву и прочиталъ отрывокъ изъ св. Писанія, который и объяснилъ своимъ «штундистамъ», обнаруживъ при этомъ глубокое пониманіе слова Божія. Для меня это объясненіе было особенно дорого и, хотя прошло съ тѣхъ поръ уже много лѣтъ, оно и теперь еще ясно вспоминается мнѣ. Милый, благочестивый старецъ вмѣстѣ съ большинствомъ изъ присутствовавшихъ здѣсь слышали три произнесенныя мною въ теченіе дня проповѣди; и вотъ, то, о чемъ юный еще проповѣдникъ могъ говорить недостаточно понятно для простыхъ людей, онъ теперь воспроизвелъ своей острой памятью простаго крестьянина, облекъ въ свою простую рѣчь и объяснилъ пониманію своихъ братьевъ. Сидя на жесткой школьной скамьѣ, я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и полагаю, что въ этотъ незабвенный вечеръ научился кой-чему отъ простаго благочестиваго крестьянина» (стр. 5—6).

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ начать рѣчь о русскихъ штундистахъ, Дальтонъ считаетъ нужнымъ изложить сначала ихъ родословную, какъ бы желая напередъ убѣдить читателя, что эти духовныя дѣти «добрыхъ и благочестивыхъ» нѣмецкихъ родителей и сами—не болѣе, какъ только добрые и благочестивые христіане. Конечно, связь русскаго штундизма съ штундизмомъ нѣмецкимъ несомнѣнна и пониманіе послѣдняго много способствуетъ выясненію сущности и характера перваго. Но именно характеристика нѣмец-

каго штундизма, какую даетъ намъ Дальтонъ, если даже смотрѣть на это явленіе съ точки зрѣнія протестантской церкви, не можетъ быть не признана невѣрной и односторонней. Нѣмецкій штундизмъ всегда съ самаго своего возникновенія стоялъ въ оппозиціи къ церкви. Если въ первое время существованія штундизма эта оппозиція не проявлялась особенно рѣзко, то только благодаря отсутствію подходящаго повода. Когда же такой поводъ явился, оппозиція перешла даже въ полное отдѣленіе, повлекшее за собою тѣ самыя выселенія, о которыхъ разсказываетъ авторъ. Въ Россіи, конечно, эта оппозиція еще менѣе могла быть замѣтна, потому, что здѣсь сами штундисты являлись представителями протестантской церкви. Здѣсь и самый характеръ штундистскихъ общинъ потерялъ до нѣкоторой степени свою опредѣленность и ясность. Съ точки зрѣнія протестантской церкви это были общества сектантовъ, отдѣлившихся отъ своей церкви. Сами же штундисты продолжали считать свои общины чисто-протестантскими церковными общинами. Такъ же съ теченіемъ времени привыкли смотрѣть на нихъ и всѣ окружающіе, тѣмъ болѣе, что въ своей жизни и церковномъ устройствѣ они ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ настоящихъ лютеранъ. Однако, въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія первоначальный оппозиціонный и сектаторскій характеръ нѣмецкаго штундизма начинаетъ обнаруживаться. Въ это время почти во всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ юга Россіи начинается сильное религіозное броженіе. Въ Бессарабіи появляется секта назарянъ и начинаетъ съ успѣхомъ распространяться среди херсонскихъ колонистовъ, особенно же въ братствахъ «штунде». Около того же времени возникаетъ секта скакуновъ и въ тѣхъ же братствахъ «штунде» находитъ благодарную почву и для своего распространенія. Пасторы нѣмецкихъ колоній борются съ распространяющимся сектантствомъ, но усилія ихъ не всегда сопровождаются успѣхомъ.

Всѣхъ этихъ обстоятельствъ могъ не знать Дальтонъ въ 1862 году, когда онъ еще былъ «двадцатилѣтнимъ юношей», и потому неудивительно, что тогда и братья «штунде» показались ему такими «милыми», «простыми» и «благочестивыми». Но удивительно то, что и теперь, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, онъ, заговоривъ о штундизмѣ, обнаруживаетъ то же юношеское невѣдѣніе его истиннаго характера и тѣ же наивные восторги предъ неосмысленнымъ раньше имъ явленіемъ.

На томъ самомъ собраніи нѣмецкихъ штундистовъ, которое описываетъ намъ Дальтонъ, ему въ числѣ другихъ присутствовавшихъ указали *и двухъ русскихъ крестьянъ*. Ко времени посѣвовъ и жатвы, замѣчаетъ по этому поводу Дальтонъ, изъ окрестныхъ русскихъ деревень приходитъ не мало крестьянъ наниматься въ работники къ нѣмецкимъ колонистамъ. Даже изъ сосѣдней Кіевской губерніи приходятъ въ колоніи русскіе рабочіе, часто изъ года въ годъ одни и тѣ-же. Во время работъ, продолжающихся недѣли и мѣсяцы, многіе изъ нихъ выучиваются по нѣмецки, нѣкоторые настолько хорошо, что могутъ присутствовать даже на собраніяхъ «штунде». «Тѣ два крестьянина, которыхъ мнѣ указали, были, какъ потомъ я узналъ, изъ сосѣдней русской деревни Основы. Именъ ихъ мнѣ тогда не сказали, да они для меня были и безразличны. Такъ что я не знаю, были-ли эти два бѣдные работника изъ Основы тѣ самые Онищенко и Ратушный, которые уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *регулярно приходили въ Рорбахъ на полевыя работы, всегда принимали участіе въ собраніяхъ «штунде» и были извѣстны даже въ домѣ пастора». Отъ этихъ-то двухъ рабочихъ и пошелъ русскій штундизмъ* (стр. 8—10).

Не смотря на все свое сочувствіе къ штундизму, Дальтонъ, однако, вполнѣ вѣрно указываетъ тѣ причины и условія, которыя содѣйствовали возникновенію и быстрому распространенію его на русской почвѣ, хотя и не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что давно уже извѣстно объ этомъ въ русской литературѣ о штундизмѣ. *Первое мѣсто въ ряду такихъ причинъ онъ отводитъ вліянію нѣмецкихъ колонистовъ на простыхъ русскихъ рабочихъ.* Затѣмъ, въ числѣ другихъ условій онъ указываетъ на экономическую бѣдность и безпомощность русскаго населенія, особенно ярко бросавшіяся въ глаза на ряду съ благосостояніемъ и тѣсной сплоченностью сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ; на малочисленность православныхъ храмовъ и невысокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія православнаго духовенства; на пробужденіе въ народѣ религіознаго сознанія, распространеніе книгъ св. Писанія, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и др. (стр. 13).

Дѣйствительно, въ то время, къ которому относится возникновеніе русскаго штундизма, пробудившееся сознаніе русскаго народа представляло собою самую удобную почву для посѣва на ней духовныхъ сѣмянъ; но въ этотъ-то важный моментъ сѣятели пшеницы не

вышли на работу, и врагъ выслалъ своихъ сѣятелей, которые безпрепятственно засѣяли ее плевелами. Чертами, полными самаго искренняго сочувствія, рисуетъ предъ нами авторъ—протестантъ личность и дѣятельность одного изъ такихъ сѣятелей, — извѣстнаго Джона Мельвиля, который болѣе шестидесяти лѣтъ разносилъ по южной Россіи книги св. Писанія и въ самыхъ глухихъ углахъ посѣвалъ протестантскія идеи. Если-бы кто нибудь могъ, откровенно замѣчаетъ Дальтонъ, внимательно изучить мѣстность первоначальнаго возникновенія русскаго штундизма,—что теперь уже трудно сдѣлать,—тотъ навѣрное нашелъ-бы, *что штундистское движеніе прежде всего возникло именно тамъ, гдѣ Мельвилемъ была уже разработана для него почва* (стр. 14).

Пристрастіе Дальтона къ русскому штундизму особенно ярко сказалось въ томъ, какъ онъ понимаетъ причины отдѣленія штундистовъ отъ православной Церкви. «Первоначально, пишетъ онъ, русскіе штундисты не помышляли объ отдѣленіи отъ своей церкви. У своихъ учителей въ нѣмецкихъ колоніяхъ они видѣли, что «штунда» идетъ рука объ руку съ церковью и даже поддерживается послѣднею, какъ вѣрная ея соработница. Само собой понятно, что и они предполагали жить въ подобномъ-же единеніи съ своею церковью, потому что они только желали изучать слово Божіе и устроять свою жизнь по его указаніямъ. Но читая библію, они на каждомъ шагу убѣждались, что въ дѣлѣ пониманія ея они еще настоящія дѣти, и вотъ они довѣрчиво обращаются къ своимъ священникамъ за разъясненіемъ того или другаго непонятнаго для нихъ мѣста св. Писанія. Но скоро они горько разочавались! Для священниковъ (den Popen) такія мѣста были еще болѣе непонятны, а можетъ быть и совсѣмъ неизвѣстны; просьба о разъясненіи повергла ихъ въ мучительное смущеніе, и они почувствовали, что эти «пасомые», если къ нимъ поближе присмотрѣться, оказываются превосходящими ихъ самихъ въ знаніи Библіи. Въ свою очередь и эти простые крестьяне обратили вниманіе на нѣкоторые высокочтимые обычаи ихъ церкви, для которыхъ они не могли подыскать никакихъ основаній въ словѣ Божіемъ. Такъ, они здѣсь рѣшительно ничего не нашли о почитаніи святыхъ или объ иконопочитаніи, которыми проникнуто все богослуженіе. Священники также были не въ состояніи оправдать такіе обычаи изъ св. Писанія. Къ тому же, благодаря штундистамъ, они вмѣстѣ съ этимъ предписываемымъ

церковью почитаніемъ теряли нѣкоторый побочный доходъ, очень важный для нихъ при ихъ скудномъ содержаніи. Горько и обидно также было имъ видѣть, что эти отщепенцы въ ихъ паствѣ не только лучше ихъ самихъ знаютъ Писаніе, но и живутъ сообразнѣе съ требованіями Писанія... Раздѣленіе въ деревнѣ между штундистами и тѣми, которые оставались вѣрны догматамъ церкви, становилось все больше и больше. Возрастающее благосостояніе воздержныхъ и мирныхъ читателей библіи (Bibelleser) возбуждало зависть; ихъ строго-нравственная порядочная жизнь раздражала, какъ постоянно стоящее предъ очами и совѣстью обвиненіе въ собственной безпорядочности. Однако, они еще старались предотвратить разрывъ съ церковью. Правда, они уклонялись отъ богослуженія, которое для нихъ не было по Писанію, очищали (sic!) свои жилища отъ изображеній святыхъ, которыя теперь казались имъ идолами. Но они не желали публично предавать ихъ уничтоженію, потому что власть смотритъ на это, какъ на тяжкое преступленіе, хотя во многихъ мѣстахъ эти «идолы» подбрасывались ночью въ церковный дворъ или приносились къ священнику, и послѣдній самъ не зналъ, что дѣлать съ этими предметами, которыхъ онъ не отваживался предать огню. И вотъ, произошло то, что необходимо должно было произойти въ болѣе или менѣе скоромъ времени—чисто евангелическое движеніе, которому каждая церковь должна бы радоваться, какъ здоровому проявленію жизни ея членовъ, и котораго русская Церковь и ея служители оказались неспособными не только поддержать и направить на законный путь, но даже просто терпѣть въ своей средѣ. Русская церковь отвергла отъ себя своихъ членовъ, изгнала ихъ, какъ Агарь, въ пустыню и даже призвала свѣтскую власть помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Такъ возникъ въ наши дни новый расколъ въ братской (?) церкви» (стр. 15—16).

Въ этихъ мысляхъ протестантскаго пастора вполнѣ выразилось его отношеніе къ штундизму и русской церкви. На вопросъ, кто виноватъ въ томъ расколѣ, который породило штундистское движеніе, онъ прямо и не обинуясь отвѣчаетъ: русская церковь и ея служители, которые не сумѣли удержать въ границахъ церковности то «чисто евангелическое движеніе, которому каждая церковь должна бы радоваться, какъ здоровому проявленію жизни ея членовъ». Но что-же должна была сдѣлать русская церковь для предотвращенія этого раскола? На этотъ вопросъ въ книжкѣ Дальтона мы не нахо-

димъ такого прямого отвѣта, какъ на первый; однако этотъ отвѣтъ самъ собою очевиденъ даже изъ приведенныхъ выше разсужденій его. Русская церковь, очевидно, должна была отказаться отъ всего того, что не нравилось въ ней штундистамъ: «очистить» храмы и жилища отъ священныхъ изображеній, отказаться отъ почитанія святыхъ, измѣнить «по Писанію» свое богослуженіе, предоставить своимъ членамъ полный произволъ толкованія слова Божія и т. п. Иными словами, православная русская церковь должна была отказаться отъ самой себя, сдѣлаться церковью штундистскою или, лучше сказать, протестантскою. Само собой понятно, что она не могла сдѣлать этого. А если не могла, то, значитъ, и не виновна въ расколѣ. Если-бы штундизмъ дѣйствительно былъ такимъ явленіемъ, какимъ описываетъ Дальтонъ, то церковь русская безъ сомнѣнія радовалась бы ему, какъ всегда радовалась и теперь радуется всякому здоровому и не выходящему изъ границъ церковности проявленію религіозной жизни своихъ пасомыхъ. Если-бы это движеніе не заявило себя сразу-же ничѣмъ другимъ, какъ только стремленіемъ къ изученію слова Божія, Церковь несомнѣнно сумѣла-бы поддержать его и дать ему надлежащее направленіе, Но дѣло въ томъ, что благодаря многимъ неблагопріятнымъ для церкви мѣстнымъ условіямъ, силу которыхъ признаетъ и Дальтонъ, самый зародышъ этого движенія ускользнулъ отъ вниманія православныхъ пастырей и оно (движеніе) подпало вліянію нѣмецкихъ штундистовъ, которые сумѣли воспользоваться случаемъ, чтобы зарождавшемуся «чисто-евангелическому движенію» сразу-же придать чисто-протестантскій характеръ. Поэтому-то штундизмъ въ отношеніи своемъ къ православной Церкви никогда не проявлялся какъ движеніе чисто-евангелическое, но сразу-же предсталъ предъ нею въ штундово-протестантской оппозиціонной окраскѣ. А въ такомъ видѣ это движеніе, конечно, не могло продолжать развиваться въ лонѣ православной Церкви и оно само собой отдѣлилось отъ нея. Слѣдовательно, неправъ авторъ и въ томъ своемъ обвиненіи противъ сестры-церкви (Schwester-kirche,—какая иронія!), будто она отвергла отъ себя штундистовъ и изгнала ихъ, какъ Агарь, въ пустыню. Когда и какъ сдѣлала это русская Церковь? Неужели Дальтону неизвѣстно, что она, напротивъ, всегда призывала и призываетъ штундистовъ къ возвращенію въ ея лоно? И не сами-ли штундисты отвергли ея материнскія попеченія и добровольно удалились въ ту духовную пустыню, въ которой нѣтъ общенія ни

съ ангелами, ни съ святыми угодниками Божіими, ни съ живыми членами земной Церкви Христовой? А что будто русская церковь еще призвала и свѣтскую власть для того, чтобы помочь ей въ этомъ дѣлѣ, т. е. помочь оттолкнуть отъ себя штундистовъ, то это опять таки—извращеніе истины и клевета на Церковь. Церковь обращалась и обращается за помощью къ свѣтской власти не затѣмъ, чтобы оттолкнуть отъ себя штундистовъ (да и какую въ этомъ дѣлѣ помощь могла-бы оказать свѣтская власть?), а единственно затѣмъ, чтобы охранить вѣрныхъ своихъ чадъ отъ обольщеній заблудшихъ, желающихъ обманомъ и насильственно увлечь въ ту-же пустыню, въ которую удалились сами, и своихъ отцовъ, братьевъ и сестеръ.

По отдѣленіи отъ Церкви штундистамъ на первыхъ-же порахъ предстояла трудная и сложная задача внутренней организаціи своего религіознаго общества. Съ этой задачей штундизмъ не могъ справиться собственными силами. Отдѣльныя общины еще могли устроить свою церковную жизнь по образцу нѣмцевъ; но сплотить эти отдѣльныя общины въ однородное цѣлое, создать изъ нихъ религіозное общество съ прочной организацiей,—этого сами штундисты не могли сдѣлать. И вотъ, на помощь имъ опять явились нѣмцы, на этотъ разъ въ лицѣ баптистовъ. «Глава нѣмецкихъ баптистовъ» извѣстный Онкенъ явился въ Россію и началъ проповѣдывать баптизмъ сначала въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Отсюда проповѣдь баптизма скоро перешла и въ другія губерніи. Проповѣдники этого ученія явились и къ штундистамъ и здѣсь нашли для своей пропаганды самую воспріимчивую почву. Уже въ 1871 году самъ Ратушный принялъ вторично крещеніе и его примѣру послѣдовали многіе изъ его вѣрныхъ приверженцевъ. Обращеніе штундистовъ въ баптизмъ пошло быстрыми шагами, хотя и произвело въ самомъ штундизмѣ расколъ, раздѣлившій его послѣдователей на старо-штундистовъ и баптистовъ. Нѣмецкіе миссіонеры сумѣли объединить послѣднихъ въ прочно организованное религіозное общество. Изъ того, что писалось въ послѣднее время о нашемъ баптизмѣ даже въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, мы знаемъ, что баптизмъ потому именно и представляетъ собою опасную силу, что въ немъ религіозное броженіе простыхъ массъ управляется невидимыми руководителями, дѣйствующими по строгому плану и направляющими его къ одной опредѣленной цѣли. Очень недвусмысленно намекаетъ на это и Дальтонъ: «я могъ-бы, говоритъ онъ, назвать по имени городъ и

даже русскаго купца, въ домѣ и въ рукахъ котораго сходятся всѣ нити этого церковнаго союза; не дѣлаю этого, чтобы не оказаться предателемъ» (стр. 27).

Вообще авторъ не разъ и, повидимому, не безъ намѣренія даетъ почувствовать читателю, что онъ знаетъ о русскомъ штундизмѣ гораздо больше того, что считаетъ нужнымъ сказать. Такое впечатлѣніе получается особенно при чтеніи тѣхъ страницъ, гдѣ онъ переходитъ къ изображенію тѣхъ «страданій за вѣру», какимъ будто-бы подвергаются въ послѣднее время русскіе штундисты со стороны духовнаго и свѣтскаго правительства. Здѣсь Дальтонъ прибѣгаетъ къ тому-же пріему, которымъ всегда пользуются заграничные друзья нашихъ штундистовъ, когда хотятъ подогрѣть симпатіи къ послѣднимъ въ протестантскомъ мірѣ. Имѣя въ запасѣ нѣсколько такихъ фактовъ, гдѣ на штундистовъ дѣйствительно обрушилась вполнѣ заслуженная ими кара закона, онъ разсказываетъ объ этихъ фактахъ въ такомъ видѣ и съ такой миной, будто знаетъ еще множество и другихъ фактовъ такого рода, гдѣ будто-бы штундисты подвергаются преслѣдованіямъ именно за вѣру. На читателя неопытнаго и мало знакомаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла такой пріемъ производитъ желаемый эффектъ, оставляя въ немъ убѣжденіе, что русскіе штундисты, дѣйствительно, — ничто иное, какъ мученики за вѣру. Но мы можемъ замѣтить автору слѣдующее. Во-первыхъ, разсказываемые имъ случаи, когда штундисты подвергались карѣ со стороны закона, — не болѣе, какъ только единичные случаи. Ссылаясь на брошюру Годэ (Les persécutions actuelles en Russie. 1896) и на какіе-то имѣющіеся у него самого документы, Дальтонъ утверждаетъ (стр. 52), что за послѣднее время такихъ случаевъ стало уже слишкомъ много. Но какъ-бы они ни были многочисленны, все-же они—только единичные случаи, и потому сколько-бы авторъ ни потратилъ красокъ на изображеніе страданій штундистовъ въ этихъ единичныхъ случаяхъ, онъ никогда не нарисуетъ полной картины современнаго положенія штундистовъ въ русскомъ государствѣ, а дастъ намъ только небольшую часть этой картины. Изъ того, что эта часть рисуется въ мрачныхъ краскахъ, еще нельзя заключать, что и вся картина должна носить на себѣ такой-же мрачный характеръ, какъ нельзя, напримѣръ, по «Запискамъ изъ мертваго дома» составить себѣ представленіе о характерѣ всей вообще русской жизни въ 60-хъ годахъ. Чтобы изучить вполнѣ современное положеніе

штундизма, надо изучать его не въ залахъ окружного суда и не архивнымъ только дѣламъ о штундистскихъ п оцессахъ, а на мѣстѣ, въ деревнѣ. И здѣсь мы увидимъ, что штундисты, какъ среди православныхъ, такъ и въ отдѣльныхъ поселеніяхъ,—которые Дальтонъ считаетъ милліонами—живутъ мирно и спокойно подъ охраною тѣхъ же законовъ, подъ которыми живутъ и православные и всѣ прочіе подданные русскаго государства. Очевидно, значитъ, что мрачная картина, которую рисуетъ предъ своими читателями Дальтонъ, невѣрна дѣйствительности, потому, что въ дѣйствительности вся масса штундистовъ пользуется спокойствіемъ и только единицы изъ этой массы подвергаются преслѣдованіямъ по закону о нарушителяхъ закона. Дальтонъ невѣрно представляетъ значеніе и характеръ самихъ этихъ преслѣдованій, изображая ихъ, какъ преслѣдованія за вѣру. Если-бы, проживши свыше тридцати лѣтъ въ Россіи, онъ даже не зналъ, что русскіе законы никого за вѣру (кромѣ изувѣровъ) не преслѣдуютъ, а потому не могутъ и штундистовъ преслѣдовать за вѣру, то въ послѣднемъ ему на примѣрѣ самихъ-же штундистовъ всего легче можно было-бы убѣдиться. Въ самомъ дѣлѣ, разъ законъ однихъ штундистовъ и притомъ большинство, можно даже сказать, всю ихъ массу, оставляетъ въ покоѣ, а подвергаетъ преслѣдованію только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, то, значитъ послѣднія преслѣдуются не за вѣру свою, не за то, что они «любятъ читать слово Божіе и ведутъ хорошую, трезвую жизнь», а за что-то другое. За что-же? За нарушеніе закона: за пропаганду, совращеніе, кощунство надъ предметами православнаго почитанія, за грубое оскорбленіе и словомъ и дѣломъ святыни русскаго народа и правительства. Если-бы православный позволилъ себѣ публичное глумленіе надъ предметами религіознаго почитанія католика, онъ подвергся-бы за это столь-же неумолимой карѣ закона, какъ и штундистъ за оскорбленіе православной святыни. Но никто, конечно, не вывелъ бы отсюда заключенія, что православный пострадалъ за свою вѣру, за то, что онъ православный. А вотъ, когда въ подобномъ положеніи окажется штундистъ, то онъ, по мнѣнію Дальтона, страдаетъ уже не за оскорбленіе чужой религіозной святыни, а за свою вѣру, за любовь къ чтенію (?) слова Божія, за желаніе вести строго-нравственную жизнь и т. д.; онъ—не преступникъ закона, а мученикъ за вѣру.—Даже чувствомъ той чисто-родственной любви, которую пи-

таетъ Дальтонъ къ русскому штундизму, нельзя извинить такого явно недобросовѣстнаго отношенія его къ истинѣ.

Такимъ образомъ, новая книжка Дальтона не даетъ своимъ читателямъ ни полной исторіи русскаго штундизма, ни полной, хотя бы даже односторонней картины современнаго его положенія. Правда, авторъ и не имѣлъ въ виду дать въ своей книжкѣ что нибудь подобное. Онъ просто хотѣлъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми личными своими наблюденіями и высказать свой взглядъ на этотъ предметъ. Однако, по этому поводу намъ приходитъ на память, что уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ Дальтонъ сдѣлалъ то и другое въ изданной имъ въ 1881 году брошюрѣ «Evangelische strömungen in der Russischen Kirche» (Евангелическія стремленія въ русской церкви) и почти все то, что онъ сообщалъ тогда въ этой брошюрѣ о штундизмѣ и пашковствѣ, онъ теперь повторяетъ, иногда даже буквально и въ новой своей книжкѣ. Спрашивается: для чего же понадобилось ему повторять то, что онъ уже говорилъ 15 лѣтъ тому назадъ? Но если бы изъ новой книжки Дальтона исключить все то, о чемъ онъ гаворилъ въ прежней своей брошюрѣ, то остальное содержаніе книжки представляло бы слишкомъ скудный и малоинтересный матеріалъ, чтобы создать изъ него брошюру съ сенсаціоннымъ заглавіемъ: «Штундизмъ въ Россіи». А между тѣмъ брошюра, очевидно, и разсчитана только на сенсацію и возбужденіе сочувствія къ штундистамъ среди протестантскихъ читателей. Въ этомъ, помимо всего содержанія ея, вездѣ бьющаго на эффектъ, особенно убѣждаютъ насъ послѣднія заключительныя страницы. Изобразивъ «страданія» штундистовъ, Дальтонъ въ заключеніе своей книжки ставитъ вопросъ: «Неужели нѣтъ никакой надежды на смягченіе страданія русскихъ штундистовъ, никакой надежды на улучшеніе ихъ печальной участи?» «Какъ часто, замѣчаетъ онъ, обращаются съ этимъ робкимъ, но настойчивымъ вопросомъ къ тѣмъ, кого считаютъ сколько нибудь освѣдомленными относительно хода дѣлъ въ Россіи. И чѣмъ болѣе такіе люди свѣдущи, тѣмъ охотнѣе уклоняются отъ отвѣта» (стр. 53). Но самъ авторъ, какъ ни свѣдущъ онъ въ вопросахъ, касающихся русскаго штундизма, не устоялъ однако противъ искушенія выступить въ роли пророка и дать отвѣтъ на вопросъ, отъ рѣшенія котораго другіе «свѣдующіе люди» такъ охотно, по его собственнымъ словамъ, уклоняются. Онъ предсказываетъ, что положеніе русскихъ штундистовъ скоро можетъ измѣниться къ

лучшему. Въ этомъ убѣждаютъ его нѣкоторые факты, будто бы свидѣтельствующіе о начинающемся измѣненіи религіозной политики русскаго правительства въ сторону бо́льшей вѣротерпимости. Одни изъ такихъ фактовъ онъ и приводитъ, на другіе же, по обыкновенію своему, только дѣлаетъ таинственные намеки, какъ на неподлежащіе опубликованію или недостаточно еще выяснившіеся и опредѣлившіеся. Каковы факты и признаки этого послѣдняго рода, мы, не зная ихъ, не можемъ судить; но если они похожи на тѣ факты, которые Дальтонъ приводитъ въ своей книжкѣ, то нужно быть крайне наивнымъ, чтобы видѣть въ нихъ признаки начинающагося измѣненія религіозной политики русскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ усматриваетъ авторъ такіе признаки? Въ нѣкоторыхъ мысляхъ, высказанныхъ на страницахъ «Московскаго Сборника»; [1]) въ фактѣ появленія на страницахъ «Недѣли» ряда статей подъ общимъ заглавіемъ «Право вѣровать», въ которыхъ проводилась идея полной религіозной свободы и предоставленія равноправности всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; [2]) въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Оберъ-Прокурора св. Синода, въ которомъ «ни однимъ словомъ не упоминается о столь гибельной для евангелической церкви прибалтійскихъ провинцій дѣятельности Побѣдоносцева, какъ будто молодой Императоръ не счелъ эту его работу заслуживающею признанія и отказалъ въ своемъ одобреніи его церковной политикѣ», но зато... съ похвалой и одобреніемъ отмѣчаются усилія его «утвердить въ истинахъ православной вѣры часть населенія, по невѣжеству пребывающую въ прискорбныхъ заблужденіяхъ», подъ каковою частью Дальтонъ разумѣетъ именно штундистовъ. Не обладая нѣмецкой проницательностью Дальтона, мы рѣшительно отказываемся

---

[1]) Вотъ эти мысли (въ обратномъ переводѣ съ нѣмецкаго), которыя Дальтонъ торжественно преподнесъ своимъ читателямъ, какъ нѣчто совершенно новое и неслыханное въ русской печати. „Одного государственная власть не вправѣ требовать, одного ей не отдадутъ и не уступятъ,—то, въ чемъ каждая въ отдѣльности вѣрующая душа и всѣ вмѣстѣ видятъ основаніе своей религіозной жизни и входятъ въ соприкосновеніе съ вѣчностію". „Есть глубины, которыхъ государственная власть не можетъ касаться и не должна касаться, если не желаетъ возмутить самые источники вѣры всѣхъ и каждаго порознь".

[2]) См. объ этихъ статьяхъ „Мисс. Обозр". 1896, Сент. кн. 1. Дальтонъ почему-то приписываетъ ес кн. Ухтомскому, сопровождавшему Государя Императора въ его путешествіи по Востоку.

видѣть въ приводимыхъ имъ фактахъ какое нибудь, хотя бы самомалѣйшее указаніе на начинающееся измѣненіе въ направленіи религіозной политики русскаго правительства. Въ словахъ же Высочайшаго рескрипта на имя г. Оберъ-Прокурора св. Синода мы видимъ,—да и каждый не можетъ не видѣть,—какъ разъ противоположное тому, что силится вывести изъ нихъ Дальтонъ: видимъ одобреніе съ высоты престола той самой религіозной политики, измѣненія которой Дальтонъ такъ пламенно желаетъ. Кажется, уже одинъ этотъ фактъ долженъ бы показать Дальтону, прожившему столько лѣтъ въ Россіи и, слѣдовательно, знающему значеніе такого рода фактовъ,—какую цѣну могутъ имѣть всѣ другіе факты, какъ сообщаемые имъ, такъ и умалчиваемые, на которыхъ онъ основываетъ свои чаянія какой-то близкой перемѣны въ положеніи штундистовъ.

Есть, впрочемъ, у Дальтона и еще одно (если не единственное) основаніе питать надежду на возможность лучшаго будущаго для любезныхъ ему штундистовъ. «Самымъ глубокимъ, непоколебимымъ основаніемъ нашей надежды на улучшеніе въ концѣ концовъ ихъ положенія является радостное убѣжденіе, вынесенное нами изъ продолжительнаго и внимательнаго изученія русскаго штундизма,—убѣжденіе въ томъ, что это глубокое религіозное движеніе есть дѣло Божіе и, какъ таковое, не можетъ погибнуть» (стр. 59). Это убѣжденіе можетъ сдѣлать честь автору, какъ искреннему и послѣдовательному протестанту, для котораго дѣло Божіе и дѣло протестантское—понятія однозначущія. Но для тѣхъ, которые этого убѣжденія не раздѣляютъ, оно не можетъ и служить основаніемъ для питаемыхъ авторомъ надеждъ.

Было бы рѣшительно несправедливо осуждать Дальтона за его сочувствіе къ штундизму, за желаніе видѣть наступленіе для штундистовъ лучшихъ временъ. Какъ истинный сынъ своей протестантской церкви, онъ и не можетъ относиться къ штундизму иначе, какъ только съ сочувствіемъ, не можетъ желать ему ничего иного, какъ только полнаго торжества и свободы распространенія. Требовать отъ протестанта иного отношенія къ штундизму невозможно до тѣхъ поръ, пока самъ онъ остается протестантомъ. Но прискорбно видѣть, что человѣкъ, прожившій столько лѣтъ въ Россіи, ознакомившійся со многими сторонами ея жизни, изучившій исторію и современное устройство русской церкви, даже принимавшій активное участіе въ религіозномъ движеніи русскаго общества и на-

рода, остался однако прежнимъ узкимъ нѣмцемъ—протестантомъ. Духъ православія, истинный смыслъ его остался для него совершено непонятенъ. Онъ судитъ православную русскую церковь съ своей нѣмецко-протестантской точки зрѣнія, и его книжка, это— чуть не прямое обвиненіе православной Церкви въ томъ, что она до сихъ поръ не послѣдовала примѣру штундистовъ въ «очищеніи» своего вѣроученія и культа на протестантскій образецъ. А еще прискорбнѣе встрѣчать явную недобросовѣстность и извращеніе истины, къ которымъ приводитъ Дальтона его неумѣренное пристрастіе къ штундистамъ. Отношеніе русской церкви къ штундизму онъ представляетъ просто въ томъ видѣ, что церковь призвала правительственную власть къ преслѣдованію штундистовъ и даже чуть сама не принимаетъ участія въ этомъ преслѣдованіи. А изъ исторіи той чисто-духовной борьбы, какую повела церковь противъ штундизма, изъ исторіи миссіонерской дѣятельности церкви, онъ приводитъ только одинъ какой-то полумиѳическій эпизодъ, явно разсчитанный на то, чтобы показать безсиліе церкви въ борьбѣ духовнымъ оружіемъ противъ этого «новаго раскола».

Если такъ отнесся къ штундизму Дальтонъ, то какого же безпристрастія мы можемъ ожидать отъ тѣхъ, которые пишутъ о штундизмѣ, никогда не видавши ни одного штундиста и не бывавши даже въ Россіи?

Н. В.

Оренбургскіе хлысты.

Изъ залы судебнаго засѣданія.

Въ теченіе цѣлаго 17-го мая, съ 10-ти часовъ утра и до 12 часовъ ночи предъ нами предносились яркія тяжелыя картины разсматриваемаго окружнымъ судомъ дѣла о хлыстахъ, со всѣми подробностями, какъ они записаны были въ предварительномъ слѣдствіи,—и еще болѣе, кажется, тяжелыя картины тѣхъ умолчаній и невольно вырывавшихся изъ груди свидѣтелей глубокихъ вздоховъ, которые краснорѣчивѣе всего говорили о безобразныхъ обстоятельствахъ дѣла.

Дѣло началось еще въ 1895 году и велось слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ; въ 1896 г. оно было отправленно въ Казань на заключеніе эксперта, начатое по ст. 196 улож. о наказан.

оно, на основанiи обнаруженныхъ обстоятельствъ и кассацiоннаго рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу о Тарусскихъ хлыстахъ (Журн. М. Юстиц. 1896 г. январ. хроника), направлено было экспертомъ и по ст. 203-й, за принадлежность къ сектѣ, соединенной съ противонравственными гнусными дѣянiями. На судоговоренiе былъ вызванъ изъ Казани и экспертъ, присутствовавшiй все время судебнаго слѣдствія въ залѣ засѣданія и въ концѣ его давшiй обстоятельное заключенiе; представившiй характеристику хлыстовства въ его исторiи и современномъ положенiи, на основанiи судебныхъ дѣлъ о хлыстахъ, производившихся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Цѣлiю характеристики было то, чтобы научнымъ образомъ освѣтить всѣ обстоятельства настоящаго дѣла, которое на основанiи его же экспертизы, данной на предварительномъ слѣдствiи, и было поведено по ст. 203-й улож. о наказ.[1]) Сгруппировка добытыхъ слѣдствiемъ фактовъ и ученое ихъ освѣщенiе представило твердую почву, по выраженiю прокурора, для обвиненiя и не оставило въ судьяхъ[2]) сомнѣнiя въ виновности подсудимыхъ, которые всѣ, въ количествѣ 8 человѣкъ, были осуждены и наказаны по закону.

Мѣстность около Оренбурга обилуетъ хлыстовскими очагами и теперь, на основанiи того, что мы читали и слышали по настоящему дѣлу, можемъ ознакомить читателей миссiонернаго журнала какъ съ самымъ дѣломъ, такъ и съ нѣкоторыми изъ этихъ очаговъ хлыстовской ереси.

Въ 1895 году священникъ села Рыбкина доносилъ Епархiальному начальству, что казакъ Городищенской станицы Иванъ Назаровъ Утицкiй совмѣстно съ Петербургскою мѣщанкою Марьею Алексѣевою Строгановою и крестьяниномъ села Рыбкина Михайломъ Ивановымъ Щукинымъ, будучи послѣдователями секты хлыстовъ, распространяютъ послѣднюю въ предѣлахъ Оренбургскаго уѣзда; они объѣзжали деревни съ сектантскимъ населенiемъ и устраивали здѣсь во многихъ домахъ радѣнiя, при чемъ Строганова выдавала себя за «богородицу», сектанты на радѣнiяхъ цѣловали ее въ колѣно, а Михаилъ Щукинъ выдавалъ ту—же Строганову за какую-то графиню. Сообщаемыя въ рапортѣ священника свѣдѣнiя

---

[1]) Экспертиза эта, какъ имѣющая ближайшее значенiе для юристовъ, имѣетъ быть напечатана полностью въ журналѣ Министерства Юстицiи.

[2]) Въ Оренбургскомъ окружномъ судѣ всѣ дѣла разсматриваются безъ участiя присяжныхъ засѣданiй.

подтвердились и на дознанiи, произведенномъ становымъ приставомъ На основанiи этого Епархiальное начальство и просило прокурора Оренбургскаго окружнаго суда о возбужденiи противъ означенныхъ лицъ уголовнаго преслѣдованiя по 196 ст. Улож. о наказ.

Такъ началось судебное дѣло, продолжавшееся цѣлыхъ два года, изложенное въ трехъ томахъ.

Изъ произведеннаго слѣдствiя мы узнаемъ, что первое паявленiе секты хлыстовъ въ предѣлахъ Оренбургскаго уѣзда относится къ 40-мъ годамъ настоящаго столѣтiя. Ученiе хлыстовъ занесено было казакомъ Балабановымъ, обратившимся въ послѣдствiи въ православiе. За тѣмъ въ 60-хъ годахъ руководителями хлыстовъ и преподавателями хлыстовскаго ученiя были казаки Матвѣй Косаревъ и Осипъ Дурмановъ. Первый былъ сосланъ въ Сибирь за убiйство своего брата Ѳедота, въ пылу фанатизма. Дурмановъ былъ осужденъ за распространенiе хлыстовства въ 1892 г. и сосланъ на Кавказъ. Дурмановъ распространялъ секту между козаками Городищенской, Краснохолмской, Нижнеозерной и другихъ станицъ, а также и между крестьянами села Рыбкина и деревни Девятовки.

Ученiе Дурманова, общее всѣмъ хлыстамъ, имѣло и нѣкоторыя особенности. Кромѣ требованiй не пить вина, не ѣсть мяса, умерщвлять себя постомъ, не вступать въ бракъ, а жить «по духовному», по братски, какъ ангелы на небеси, онъ присовокуплялъ и требованiе не курить табаку. Главная же особенность въ ученiи Дурманова состояла въ томъ, что «каждому духовному брату должна принадлежать духовная сестра» и при томъ «достойному достойная». «Сухая любовь не можетъ существовать безъ плотской:—не согрѣшишь, не умолишь» [1]).—Плоть соединяется вмѣстѣ и сердца, значитъ, сольются купно». Это значитъ «вести христолюбивую войну съ грѣхомъ». На радѣнiяхъ, устрояемыхъ Дурмановымъ, и подъ его руководствомъ, сначала читали псалтирь и другiя книги—(это тоже—особенность), за тѣмъ пѣли стихи въ родѣ:—«куда летишь ты, пташечка? Въ темный лѣсъ лечу»; иногда пѣли церковныя пѣсни по плясовымъ напѣвамъ, при чемъ притопывали ногами и размахивали

---

1) Послѣднiя слова напоминаютъ изреченiе ѳедосѣевцевъ: „не согрѣшишь, не покаешься, не покаешься, не спасешься". Съ точки зрѣнiя хлыстовъ въ связи съ „духовными сестрами" и грѣха даже нѣтъ. Какъ попала означенная фраза въ уста хлыстовскаго „пророка", и объяснить пока трудно.

руками. Послѣ пѣнія пили чай, а за тѣмъ или всѣ ложились спать въ одной комнатѣ, или же расходились «братъ съ сестрою» попарно.

Послѣ ссылки Дурманова, какъ установленно свидѣтельскими показаніями, мѣсто хлыстовскихъ главарей заняли Иванъ и Семенъ Утицкіе, Михаилъ Щукинъ, братья Михей, Егоръ и Евсей Калетовы и Алексѣй Петровъ Кожевниковъ; начало дѣятельности этихъ лицъ относится еще къ 80-мъ годамъ.

Примѣчательно, что еще во время производства слѣдствія о Дурмановѣ Иванъ Утицкій и братья Колетовы ходили къ оренбургскому священнику о. Милію Головкину (Епархіальный миссіонеръ) съ цѣлію убѣдить его въ православіи Дурманова. Утицкій бывалъ даже и у преосвященнаго и умолялъ его заступиться за Дурманова предъ судомъ, увѣряя, что онъ страдаетъ не справедливо. Бывая у о. Головкина Иванъ Утицкій объяснялъ, что онъ велъ прежде безпутную жизнь, но послѣ паденія въ колодезь, изъ котораго былъ извлеченъ ангеломъ, нравственно переродился, за свою дѣвственную жизнь получилъ отъ своихъ единоплеменниковъ названіе Іоанна Богослова и сподобился полученія благодатнаго дара исцѣленій. По просьбѣ о. Головкина онъ пѣлъ у него стихи, во время пѣнія въ тактъ притопывалъ ногами, потрясалъ и похлопывалъ руками, плакалъ, всхлипывалъ, голосъ его отъ средняго переходилъ въ очень громкій и вся его фигура выражала изступленіе. Однажды, послѣ пѣнія Утицкій, придя въ экстазъ, сталъ призывать духа: «Господи, дай хотя не много, не много росы» (Показ. Головкина. Предвар. слѣдств. т. I. л. 124—125).

Послѣ ссылки Дурманова сношенія съ нимъ поименованныхъ выше лицъ не прекращались. Михей Калетовъ видѣлся съ Дурмановымъ въ Елизаветполѣ, привезъ его фотографическую карточку, получалъ отъ него письма. Для свиданія съ Дурмановымъ ѣздили на Кавказъ и другіе братья Калетовы. Въ домахъ означенныхъ лицъ устроялись радѣнія и они являлись распространителями секты.

Иванъ Утицкій. послѣ паденія въ колодезь, «пріубожился», прикинулся благочестивымъ странникомъ, пошелъ на богомолье, поражая всѣхъ своею приниженностію, вкрадчивостію и умѣньемъ говорить; онъ казался подвижникомъ, носилъ вериги въ 32 $1/_2$ ф. вѣсомъ, хотѣлъ было поселиться въ пещерѣ близъ Городищенской станицы, называлъ себя о. Іоанномъ Оренбургскимъ и святымъ, пытался творить чудеса. Отъ своихъ совращенныхъ имъ привер-

женцевъ онъ получаетъ такія письма: «Боголюбивый отецъ Іоаннъ Назаровичъ!.. Изъ посланія Вашего видно только одно: тайна преславная и прелюбезная; она только нами (?) тѣмъ же духомъ святымъ будетъ разумѣема. Благодарю Господа моего за его дивныя дѣла. Да возрадуются сердца сыновъ Божіихъ, въ средѣ коихъ совершается воистину веліе и преславное чудо. Отецъ Іоаннъ! Вы мнѣ предлагаете быть участникомъ сего вертограда, котораго созидаетъ Господь, а не человѣкъ... Благодарю Бога моего и Васъ, любезный сердцу моему посланникъ Бога Вышняго... Я тебѣ врученный самимъ Господомъ, дѣлайте со мной то, что тебѣ повелѣлъ пославшій тебя. Я не свой, а по Богѣ и Богородицѣ твой есмь. О боголюбивая душа! Потрудитесь же пожайлуста около меня... За всѣ твои труды щедро воздастъ тебѣ пославшій тебя... Любезный отче! Чувствую себя въ настоящее время такъ, какъ бывшій у бани и угорѣлъ... Я бы бѣжалъ къ тебѣ, да спутанъ по рукамъ и ногамъ. Распутай меня поскорѣе... Я истинно вѣрую, что это можешь, аще захочешь; я за это съ тобой вмѣстѣ обѣщаюсь поработать Господу» (т. 1, л. 59—61). А вотъ еще выдержка изъ другаго письма: «О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго твоего гласа, съ нами бо не ложно обѣщался еси быти»... (Читано въ засѣданіи суда).

Утицкимъ были совращены въ секту двое мужчинъ и двѣ женщины, бывшія на судѣ свидѣтелями. Замѣчательно, что обѣ женщины, давшія на предварительномъ слѣдствіи самыя обстоятельныя показанія, на судѣ не сказали ничего, кромѣ «ничего не знаю»; почему показанія ихъ и были прочитаны полностію и они ихъ не опровергали и ничего не пожелали объяснить. Одна изъ нихъ, послѣ того, какъ дала показаніе судебному слѣдователю, три дня не могла успокоиться и говорила миссіонеру, священнику Головкину, что «духъ мучилъ ее три дня и три ночи». По виду она—женщина необычайно нервная, подпавшая, по выраженію прокурора въ обвинительной рѣчи, гипнотическому вліянію со стороны Утицкаго. И мы, когда еще читали предварительное слѣдствіе, не могли не придти къ тому же предположенію, что и высказали въ своей экспертизѣ. Много въ поступкахъ обѣихъ означенныхъ женщинъ чего-то чрезвычайно загадочнаго; точно управляла ими какая-то не добрая сила.

Другая женщина, менѣе нервная, на предварительномъ слѣдствіи разсказывала, что «вся цѣль жизни каждаго состоитъ, по ученію хлыстовъ, въ томъ, чтобы получить сильный духъ, духъ прорицанія, пророчества. Братья, воплотившіе въ себѣ такой духъ, могутъ передавать

его другимъ; для этого собираются собранія, «бесѣдки», на которыхъ братья и сестры набираются духа, напояются имъ отъ призванныхъ братьевъ и сестеръ, воплотившихъ въ себѣ духъ Христа, Богородицы, или Апостоловъ. Черезъ духъ образуется духовное родство». На бесѣдкахъ то и дѣло слышишь, какъ братья фыркаютъ, дуютъ изъ себя. Когда дыхнетъ кто либо изъ пророковъ истиннымъ духомъ, все тѣло дрожитъ; духъ потрясаетъ тѣло». (Показ. Сухомѣриной и Вѣры Влазневой, т. I, л. 126. 146. 151).

Мнимый чудотворецъ, Иванъ Утицкій именовалъ себя даже «Христомъ» и на бесѣдкахъ распинался. Во время пѣнія онъ вставалъ на колѣни, раскинувъ въ сторону руки, и такъ стоялъ безъ всякаго движенія, то открывая, то закрывая глаза, стоялъ такъ съ вечера до полуночи. Бывшія на бесѣдкахъ женщины, заливались слезами, думая, что онъ за нихъ распинается, окружали его, поддерживали кто за руки, кто за бока. Такъ продолжалась эта кощунственная комедія до тѣхъ поръ, пока онъ не свалится, какъ пластъ какой нибудь. Разъ Утицкій очнулся уже на зарѣ, а за тѣмъ по дорогѣ домой разсказывалъ бывшей на бесѣдкѣ свидѣтельницѣ Авдотьѣ Сухомѣриной, что онъ видѣлъ, стоя на колѣняхъ, какъ на него спускалась благодать въ видѣ огненнаго клубка. Присутствовавшіе на бесѣдкахъ во время пѣнія рыдаютъ, ходятъ кругомъ, подпрыгиваютъ, кружатся на одной ногѣ, иныя рвутъ на себѣ волосы, бьются объ полъ, корчатся какъ бы въ судоргахъ. Это у нихъ «тайная вечеря». (Показ. Сухомѣриной, т. I, л. 126 и дал. показ. Кочина, т. II, 89—90). Тоже продѣлывалъ братъ Ивана Семенъ Утицкій. Онъ также выдавалъ себя за Христа, а одного старика Сергѣя—за Бога Отца, и говорилъ, что смотря на иконы, должны мы имѣть въ своемъ воображеніи его Семена Утицкаго, какъ «христа», а старика Сергѣя, какъ «бога отца». Онъ также распинался, при пѣніи стиховъ: «Пресвѣтлый ангелъ».... «Ахъ ты домъ, ты, домъ Давыдовъ»... «Господь гласомъ говорилъ, онъ темницу растворилъ, душу грѣшну пробудилъ»... «Слава въ вышнихъ Богу, духъ мой радостно воспой. Я стремлюсь къ твоему чертогу, гдѣ Женихъ сладчайшій мой»... и другихъ. Онъ также на бесѣдкахъ женщинъ опаивалъ какимъ-то духомъ». «Когда, по словамъ одной свидѣтельницы, бывало на бесѣдкахъ Семенъ Утицкій дыхнетъ, она чувствовала, какъ въ голову ей ударяло что-то какъ бы сверху и въ тоже время сознавала, что не можетъ ничего сказать, ни шевельнуться». А Семенъ, посмѣиваясь,

потомъ говорилъ: «я тебя духомъ своимъ приручилъ, и ты не вырвешься изъ моихъ рукъ». И дѣйствительно, вскорѣ послѣ бесѣдокъ свидѣтельница «начинала тосковать, грустить о немъ, безъ него не могла пробыть и дня, дожидалась бесѣдокъ, какъ манны небесной» (показ. Сухомѣриной, т. I, л. 126 и дал). На бесѣдкахъ, по словамъ другой свидѣтельницы, «отъ пѣнія, отъ жары и отъ духа, которымъ какъ будто обдаютъ тебя, дѣлаешься словно пьяная, лицо горитъ жаромъ, въ рукахъ и въ сердцѣ чувствуется горитъ огонь». «Словно магнита какая есть въ этихъ хлыстахъ». (Показ. Вѣры Влазневой, т. I, л. 155—156).

Ради чего же однако все это продѣлывалось? Чѣмъ все кончалось?... Аскетизмъ и юродство быстро изчезаютъ и мы видимъ предъ собою просто грязныхъ развратниковъ, въ рѣзкихъ, циничныхъ формахъ осуществляющихъ провозглашенный принципъ: «достойному достойная». Постоянною спутницею Ивана Утицкаго является Марья Строганова, эта мнимая «графиня изъ царскаго рода». На предварительномъ слѣдствіи были указанія на зазорную связь Утицкаго со Строгановою, что они въ домѣ Михайлова около станціи Померанье Николаевской желѣзной дороги спали въ одной комнатѣ, даже въ баню вмѣстѣ ходили. (Т. I. л. 112). Жена священника Телѣгина, урожденная Михайлова, прямо показывала, какъ «не хорошо жили Утицкій и Строганова»; въ этомъ же родѣ даны были показанія и самымъ священникомъ Телѣгинымъ (т. I. л. л. 23, 25, 46—48 и 66). Благодаря этимъ показаніямъ они и не были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ, а явились на судѣ свидѣтелями. Но на судѣ они заперлись, и не пожелали толкомъ разъяснить, въ какихъ комнатахъ были размѣщены Утицкій и Строганова. Телѣгина показала, что они жили въ особыхъ комнатахъ, рядомъ находящихся, а мужъ ея сначала показалъ, что они жили въ отдѣльномъ домѣ, въ которомъ, кромѣ прислуги, никто не жилъ, а потомъ, когда подсудимый Утицкій возразилъ на это, то онъ совершенно спутался и вопросъ, въ существѣ весьма простой,—остался не выясненнымъ. Мало того: онъ хотѣлъ взять на себя прямо даже защиту Строгановой, отъ чего былъ удержанъ предсѣдателемъ.

Но и помимо оказавшейся невозможности провѣрить на судѣ существованіе зозорной связи Ив. Утицкаго со Строгановою, удостовѣрено, что еще до паденія въ колодезь онъ состоялъ въ любо-

дѣйной связи съ одною женщиною, съ которой потомъ хотя и разошелся и не развратничалъ, но, тѣмъ не менѣе ходилъ вмѣстѣ въ баню, гдѣ окатился будто-бы кипяткомъ, дабы доказать, что онъ—православный и святой, а не хлыстъ—еретикъ (его собственное объясненіе и показаніе Лукерьи Ращепкиной; въ дѣлѣ т. 1, л. л. 130 и 148). Оставивъ прежнюю любовницу, онъ не бросалъ женщинъ, а «хороводился съ ними и въ ночь и въ полночь на своихъ бесѣдкахъ» (т. 1, л. 147). А одной женщинѣ, которая разсердившись не хотѣла ему и руки подать, онъ говорилъ,—смѣясь: «брыкайся, брыкайся, изъ моихъ рукъ не выбрыкаешься». И дѣйствительно, «сердце у нея растаяло и Иванъ Утицкій сталъ своимъ человѣкомъ» (т. 1, л. 132—134).

Братъ Ивана Утицкаго Семенъ—гораздо бóльшій развратникъ, осуществляющій, сколько онъ могъ, принципъ хлыстовскаго ученія: о циническихъ его подвигахъ предносятся въ показаніяхъ свидѣтелей самыя возмутительныя картины. Одна изъ свидѣтельницъ, извѣдавшая всю силу неотразимаго на нее вліянія хлыстовскаго пророка и глубину паденія, такъ разсказывала объ отношеніяхъ къ ней Семена Утицкаго. «Пользуясь моимъ состояніемъ, Семенъ Утицкій сошелся со мною плотски, объясняя, что съ мужемъ жить грѣхъ, онъ же со мною живетъ, какъ Адамъ съ Еввою, и по плотскому и по духовному. Цѣлыхъ три года промучилась я, не зная себѣ покоя и какъ бы околдованная Семеномъ Утицкимъ, а онъ посмѣивался и говорилъ: «я тебя духомъ своимъ приручилъ и ты не вырвешься изъ моихъ рукъ», и добавлялъ, что Самъ Іисусъ Христосъ сперва сходилъ въ адъ, а потомъ воскресъ, разрушилъ адъ, также и онъ, живя по плотски, разрушаетъ адъ [1]). Приходя ко мнѣ, Семенъ Утицкій пѣлъ сначала стихи, потомъ бралъ меня на руки, дыхалъ на меня, говорилъ, что я теперь бѣлѣе сдѣлалась, что онъ напаиваетъ меня духомъ, и все это кончалось плотскимъ грѣхомъ. Въ тоже время Семенъ объяснялъ, что между имъ и мною есть *тайна*, заключающаяся въ томъ, что ихъ сердца соединяются: его сердце даетъ моему сердцу радость и наоборотъ; въ этомъ и заключается духовное родство, духовная радость. Бывало, лежишь боль-

---

1) Сентенція эта совершенно хлыстовская, которую проводилъ нѣкогда извѣстный хлыстовскій пророкъ Радоевъ. („Люди божіи“ проф. Добротворскаго).

ная, придетъ Семенъ Утицкій и говоритъ: «что лежишь, больна, видно, твоя Марѳа (Марѳой хлысты зовутъ плоть), знаю я, что ей нужно», и тутъ же согрѣшитъ. Называя себя Христомъ, меня онъ называлъ Маріей Магдалиной. Не разъ я заставала Семена Утицкаго читающимъ священное Писаніе на печи, гдѣ онъ валялся вмѣстѣ съ квартировавшими у него бабами» (т. 1, л. л. 126—130).

Другая свидѣтельница раскрываетъ намъ и тайну, о которой намекомъ говорилъ первой свидѣтельницѣ Семенъ Утицкій. Однажды у этой свидѣтельницы, послѣ бесѣдки въ ея домѣ, остались Утицкій и первая свидѣтельница. Вдругъ она бросилась къ Семену на шею съ крикомъ: «я духовнаго вина не напилась; давай духовнаго вина», и вцѣпилась въ Семена такъ, что стиснула его въ своихъ объятіяхъ; Семенъ тутъ же ухватилъ ее руками, уста ихъ сомкнулись и они упали на кровать, стоявшую не подалеку... Она казалась какъ бы опоенной виномъ и приходя какъ бы въ неистовство отъ дыханія Семена, кричала: «ты тайну не видала, такъ гляди, вотъ она самая тайна!» Таже свидѣтельница спрашивала у третьей, красивой молодой бабы: вѣритъ ли она, что Семенъ — христосъ и не позволяетъ ли онъ непристойныхъ дѣйствій? «Да, иногда такъ схватитъ за груди рукой, что больно станетъ, проходу не даетъ на дворѣ, или когда на палати лѣзешь». (Т. 1, л. л. 132 — 135). Эта молодая баба разсказывала, что Семенъ Утицкій послѣ бесѣдокъ ложился иногда съ сестрами на печь и хороводился съ ними, убѣждалъ ее съ мужемъ не жить, а жить «по духовному»; когда же она не поддавалась, то говорилъ ей: «вижу, что въ тебѣ все еще сидитъ сатана». Кончилось тѣмъ, что онъ покушался изнасиловать ее въ сонномъ состояніи и она окончательно отъ него отшатнулась, хотя и свекоръ и свекровь говорили ей, что Семенъ—«богъ» (т. 1, л. 151—153).— Этого вполнѣ достаточно для характеристики второго хлыстовскаго главаря, принуждавшаго перейти въ секту своего сына Ивана (т. 1, л. 167, т. II, л. 35—38). Вызванный въ судъ, Иванъ не пожелалъ давать показанія и его нежеланіе, закономъ предусмотрѣнное было уважено.

На ряду съ братьями Утицкими стоятъ Алексѣй Кожевниковъ и братья Калетовы, хотя картины ихъ дѣйствій являются и нѣсколько блѣднѣе. Въ домѣ Михея Калетова составлялись радѣнія. На радѣніи, послѣ пѣнія стиховъ, Алексѣй Кожевниковъ началъ нестерпимо визжать и бѣсноваться, а остальные, здѣсь находившіеся,

пѣли пасхальные стихи, и пѣли до тѣхъ поръ, пока Кожевниковъ не успокоился. Это успокоеніе означало то, что Кожевниковъ переродился въ христа и какъ бы воскресъ. За тѣмъ Кожевниковъ сталъ обходить присутствовавшихъ, пророчествовалъ, прозрѣвалъ, избралъ себѣ апостоловъ и назвалъ каждаго изъ нихъ тѣмъ, или другимъ апостольскимъ именемъ, а одного — архангеломъ Михаиломъ [1]). Къ этому времени около избы Калетова собралась масса сектантовъ; собравшіеся плакали, молили пустить ихъ въ избу, но Калетовъ сперва никого не пускалъ, говоря, что всѣ они грѣшны и должны покаяться, а за тѣмъ впущены были три дѣвицы, съ которыми Кожевниковъ сталъ прогуливаться по избѣ, цѣлуясь съ ними въ губы и лаская ихъ. Послѣ этого проникла въ избу вся остальная толпа, запѣвшая тропарь:—«Воскресеніе Христово видѣвше», а потомъ въ избѣ поднялся такой шумъ, такое столпотвореніе, что прохватывалъ ужасъ: всѣ что-то пѣли, подъ пѣніе подпрыгивали и бѣсновались. Михаилъ Щукинъ колотилъ себя въ грудь, и рвалъ на себѣ волосы. Въ домѣ Кожевникова также собирались собранія, на которыя съѣзжался народъ изъ Девятовки и села Рыбкина, а также и изъ другихъ мѣстъ.

На описанномъ собраніи въ домѣ Михея Калетова Алексѣй Кожевниковъ въ роли христа потребовалъ у одного изъ нареченныхъ имъ апостоловъ, кузнеца Ларіона Вдовина, чтобы онъ уступилъ ему Кожевникову свою жену, красивую бабу. Ларіонъ сначала колебался, а потомъ согласился. На судоговореніи одинъ изъ свидѣтелей наивно разсказывалъ: «съ одной стороны Ларіону и жаль было уступить жену, а съ другой и обидѣть было нельзя» (т. е. Кожевникова обидѣть!). За бабою послали пару лошадей и привезли. По словамъ другаго свидѣтеля, Кожевниковъ, придерживаясь хлыстовской секты, имѣетъ пристрастіе къ дѣвушкамъ; одна дѣвушка живетъ съ нимъ и въ настоящее время (значитъ уже не жена кузнеца Ларіона, отъ чего,—не выяснено), (т. I, л. л. 79—82, т. II, 127—128).

Въ февралѣ 1896 года казачка Авдотья Антипова заявила полицейскому урряднику, что мужъ ея Иванъ Антиповъ, по возвращеніи изъ военной службы, сталъ бывать въ деревнѣ Девятовкѣ у братьевъ Михея, Евсея и Егора Калетовыхъ, съ каковаго времени

---

1) По предварительному слѣдствію,—обвиняемаго Михаила Щукина, но по объясненію на судѣ,—кого-то другаго.

перестал жить съ нею, какъ съ женою, прогонялъ ее спать изъ комнаты въ кухню и принуждалъ ее поѣхать съ нимъ въ Девятовку поглядѣть на тамошнія моленія. У Калетовыхъ мужъ ея и родные бываютъ раза два, или три въ году, преимущественно подъ праздники [1]) (т. II, л. л. 147—150).

По объясненію свидѣтеля Ильи Емельянова, мѣщанинъ Иванъ Корольковъ говорилъ ему, что онъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Антиповымъ бывалъ у Калетовыхъ и здѣсь собравшіеся мужчины и женщины пѣли псалмы, молитвы, а работникъ Калетовыхъ присовокуплялъ, что послѣ пѣнія стиховъ хозяйка раздавала кусочки хлѣба въ видѣ причастія [2]), а послѣ этого тушился огонь и всѣ ложились, кто на кого попало» [3]).

Въ домѣ Михаила Щукина жила мнимая «богородица» Марья Строганова; у него же происходили собранія хлыстовскаго характера; съ женою своею онъ не жилъ (т. I, л. л. 5, 59, 126—127 и 141).

Всѣ упомянутыя лица видимо составляли одну компанію; всѣмъ имъ былъ хорошо извѣстенъ безнравственный характеръ секты, хотя не всѣ они являются одинаковыми развратниками, а также и распространителями секты.

На основаніи сказаннаго означенныя лица и преданы были суду по 203 и 196-й ст. Уложенія о наказаніяхъ и судъ всѣмъ имъ вынесъ обвинительный вердиктъ.

Судъ Православной Церкви надъ еретиками.

Эпоха вселенскихъ соборовъ въ Церкви Православной есть время по преимуществу возникновенія въ ней крупнѣйшихъ ересей. Бурнымъ ураганомъ неслись онѣ надъ Церковію въ теченіи почти пяти столѣтій (325—787 г.). Не успѣвала Церковь свести счеты съ одною ересью, какъ на смѣну ея возникала другая: за Аріемъ слѣдовалъ Македоній, за нимъ выступили Пелагій и Целестій, послѣ нихъ Несторій, затѣмъ Евтихій и Діоскоръ, далѣе монофелиты и наконецъ, иконоборцы. Мы не говоримъ о лжеученіяхъ болѣе мелкаго

---

[1]) Большія собранія хлыстовъ и устрояются подъ праздники православной Церкви.

[2]) Хлысты дѣйствительно причащаются часто кусочками хлѣба.

[3]) Обстоятельство это на судебномъ слѣдствіи не вполнѣ выяснено.

сорта въ родѣ лжеученій Вигилянція, Гельвидія, Ювеніана и т. п., возникавшихъ то въ одномъ, то въ другомъ церковномъ округѣ. Со всѣми ересями побѣдоносно справилась Православная Церковь, и вселенская истина теперь получила непоколебимые устои въ голосѣ вселенской Церкви, выраженномъ въ опредѣленіяхъ соборовъ.

Поучительно для нашего времени воспроизвести самый процессъ, какимъ Вселенская Церковь доходила до окончательнаго пораженія еретиковъ. Въ процессуальномъ развитіи дѣла по поводу̀ еретиковъ, при разнообразіи въ частностяхъ выдерживаются всегда общіе пріемы, перешедшіе въ церковную практику изъ Римскаго права. Нужно замѣтить, что со времени Константина Великаго церковное судопроизводство усвоило себѣ формы римскаго процесса. Даже въ судъ по преступленіямъ противъ вѣры вполнѣ перенесены черты римскаго уголовнаго процесса. Уголовный-же процессъ римскаго права характеризовался слѣдующими признаками: 1) обвиненіе возбуждалось не органомъ власти ex officio, а частнымъ лицомъ; 2) обвинитель всегда выступалъ въ качествѣ мстителя (Vindex) за оскорбленную справедливость и требовалъ возмездія, или наказанія обвиняемому имъ лицу; 3) отсюда слѣдовало, что не всякій могъ быть допускаемъ къ обвиненію, а только лишь лицо, не запятнанной репутаціи, на лицъ-же сомнительной честности не могла быть возложена подобная миссія; 4) на обвинителѣ самомъ, а не на судьѣ, лежала обязанность доказать обвиненіе; 5) при самомъ вчинаніи дѣла по обвиненію коголибо въ преступленіи обвинитель долженъ былъ дать подписку въ томъ, что онъ проведетъ обвиненіе и въ случаѣ, если не докажетъ его, подвергнется тому-же самому наказанію, которому долженъ-бы былъ подвергнуться обвиняемый при доказанности преступленія; 6) обвиняемый неоднократно вызывался въ судъ повѣстками и въ случаѣ упорной неявки осуждался заочно. Эти-же самыя черты наблюдаются и въ церковныхъ процессахъ, которые велись въ IV и V столѣтіяхъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ; особенно выдержанный типъ такого судопроизводства представляетъ соборъ Халкидонскій (451 г.).

Вопросъ теперь въ томъ, кто-же собственно возбуждалъ процессы по преступленіямъ противъ вѣры? Эпоха вселенскихъ соборовъ была временемъ особеннаго возбужденія религіозной мысли: богословскими вопросами живо интересовался не одинъ только церковный міръ въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, но и все свѣт-

ское общество и въ высшихъ, и въ низшихъ своихъ сферахъ. Но такъ какъ охраненіе въ чистотѣ церковнаго ученія лежитъ всею своею тяжестію на іерархіи, то изъ среды ея и выходили всегда вчинатели процессовъ по поводу ересей. Такъ, обвинителемъ Арія является Александрійскій архіепископъ Александръ, противъ Пелагія выступаетъ Орозій, Испанскій пресвитеръ, противъ Несторія Кириллъ Александрійскій, противъ Евтихія и Діоскора Евсевій Дорилейскій. Примѣнительно къ положенію обвиняемаго и отношенію къ нему обвинителя, послѣдній былъ иногда и его судьею по крайней мѣрѣ въ первой инстанціи. Такъ, Александрійскій архіепископъ Александръ осудилъ на помѣстномъ соборѣ въ Александріи (321 г.) Арія, какъ пресвитера своей епархіи. Обычный-же ходъ дѣла, какъ онъ представляется въ Дѣяніяхъ Вселенскихъ соборовъ (издан. въ русскомъ переводѣ при Казанской духовной акаденіи) былъ таковъ. Возникаетъ лжеученіе въ предѣлахъ какого-либо церковнаго округа. Въ этомъ округѣ прежде всего и начинается борьба противъ него. Иногда главный епископъ этого округа выступаетъ какъ иниціаторъ этой борьбы, иногда одинъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ возбуждаетъ дѣло по обвиненію въ ереси. Такъ въ дѣлѣ Арія обвинителемъ является главный епископъ Александрійскаго патріархата Александръ, въ дѣлѣ Евтихія возбуждаетъ процессъ подчиненный Константинопольскому патріарху епископъ Евсевій. Послѣ личныхъ внушеній еретику, дававшихъ чаще всего въ результатѣ только убѣжденіе въ упорствѣ послѣдняго, главный епископъ округа собиралъ соборъ, на которомъ и осуждалось это лжеученіе, а его виновникъ отлучался отъ Церкви. Такъ поступилъ св. Александръ по отношенію къ Арію, такъ сдѣлалъ Константинопольскій патріархъ Флавіанъ по отношенію къ Евтихію (448 г.). Объ этомъ актѣ церковнаго суда главный епископъ увѣдомлялъ своимъ посланіемъ другихъ главныхъ епископовъ христіанскихъ церквей съ изложеніемъ сущности лжеученія, возникшаго въ предѣлахъ его округа. Но обыкновенно дѣло этимъ не кончалось. Иногда еретики находили себѣ опору и поддержку среди вліятельныхъ лицъ свѣтскаго общества, даже среди императоровъ, часто ихъ сторону держали даже и многіе епископы, съ патріархами во главѣ. При неразъясненности христіанскаго вѣроученія въ эпоху вселенскихъ соборовъ увлеченія еретическими ученіями среди лицъ высшей іерархіи было явленіе обычное. Когда дѣло осложнялось такимъ образомъ, а такъ чаще всего

и случалось, начинался оживленный обмѣнъ мнѣній между епископами, писались посланія, составлялись сочиненія; еретики такимъ-же путемъ защищали свои мнѣнія. Словомъ, возникала по извѣстному вопросу цѣлая литература. Но ни посланія, ни цѣлые ученые трактаты обыкновенно не достигали своей цѣли; требовалось торжественное заявленіе голоса всей христіанской Церкви, каковой и давался на Вселенскихъ соборахъ.

Вселенскіе соборы собирались по ходатайству духовной власти съ разрѣшенія императора, при чемъ, если самъ императоръ не присутствовалъ на соборѣ, представителемъ его власти являлся особый уполномоченный имъ чиновникъ, слѣдившій за правильностію хода внѣшней соборной процедуры. Обвиняемый въ ереси могъ присутствовать лично на соборѣ только въ томъ случаѣ, если онъ не состоялъ подъ церковнымъ отлученіемъ. Въ противномъ случаѣ его могло замѣнить другое лицо, раздѣлявшее его мнѣнія. Виновника въ ереси приглашали особою повѣсткою на соборъ. Въ случаѣ неявки его по первому зову, приглашеніе повторялось еще два раза. За неявкою послѣ третьяго приглашенія, судъ надъ еретикомъ производился заочно. Самый процессъ суда, какъ видно изъ Дѣяній соборовъ, состоялъ въ чтеніи всѣхъ документовъ, относящихся къ данному вопросу, въ справкахъ съ ученіями церковныхъ писателей по тому-же вопросу; все это сопровождалось выраженіемъ личныхъ мнѣній отцевъ собора. Заключительнымъ актомъ собора было составленіе опредѣленія вѣры по извѣстному догматическому вопросу и осужденіе разномыслящихъ съ постановленіемъ собора. Отлученные отъ Церкви еретики поступали потомъ въ распоряженіе гражданской власти. Довольно поучительнымъ въ данномъ случаѣ является слѣдующее обстоятельство. Судъ Церкви всегда являлся смертнымъ, такъ сказать, приговоромъ для ереси. Правда, не разомъ она прекращала свое существованіе; еретики упорно продолжали отстаивать свои заблужденія, но ростъ ереси рѣшительно прекращался: она останавливалась и замирала въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ первоначально окрѣпла; движеніе-же ея на счетъ православныхъ прекращалось. Нѣкоторыя-же ереси, спустя нѣкоторое время послѣ соборнаго осужденія, почти и совсѣмъ покончили свое существованіе (аріанство, монофелитство и иконоборчество). Естественно спросить, почему до соборнаго опредѣленія еретики такъ успѣшно вели свою пропаганду, послѣ-же этого опредѣленія ихъ стремленія сводятся къ крайне

скромной цѣли — удержать ту наличность своихъ послѣдователей, какая была у нихъ въ моментъ церковнаго суда надъ ихъ лжеученіемъ.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно заглянуть во внутренній міръ послѣдователей извѣстнаго лжеученія, когда оно только что возникаетъ. Историческій опытъ убѣждаетъ насъ, что въ средѣ первыхъ послѣдователей вновь появившагося лжеучителя всегда бываетъ много лицъ, не въ такой мѣрѣ убѣжденныхъ въ истинности его ученія, въ какой убѣжденъ самъ его виновникъ. Многіе увлекаются имъ по разнымъ стороннимъ вліяніямъ и соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ существомъ дѣла. Однихъ увлекаетъ оно, какъ новинка, другихъ подкупаетъ своими либеральными тенденціями, иные становятся его сторонниками ради тѣхъ чисто житейскихъ практическихъ выгодъ, какія обѣщаются этимъ ученіемъ въ случаѣ его торжества надъ установившимися воззрѣніями; наконецъ, слѣпое подражаніе примѣру другихъ имѣетъ также свое значеніе въ ростѣ каждой секты. Во всѣхъ лицахъ означенныхъ категорій искать твердой убѣжденности въ истинности ихъ увлеченія нѣтъ никакихъ основаній. Такая убѣжденность у членовъ извѣстной секты получается только въ новомъ поколѣніи, выросшемъ и воспитанномъ въ ученіи этой секты. Отсюда само собою понятно, что бороться съ какимъ либо лжеученіемъ на первыхъ порахъ его возникновенія всегда неизмѣримо легче, и результаты этой борьбы всегда бываютъ плодотворнѣй. Нуженъ только въ этой борьбѣ такой авторитетный голосъ, сравнительно съ которымъ ученіе какого нибудь сектатора составляетъ дѣтскій лепетъ. Такимъ голосомъ и былъ голосъ Церкви, выражавшійся въ соборныхъ постановленіяхъ относительно ересей. Лишь только раздавался этотъ голосъ, какъ масса лицъ, увлекавшихся ересью по указаннымъ нами стороннимъ соображеніямъ, спѣшила возвратиться въ лоно Православной Церкви. Соборнымъ опредѣленіемъ Церкви всегда полагался тормазъ для распространенія ереси. И понятно, почему: идти противъ Церкви и рисковать потерею вѣчнаго спасенія не у многихъ могло достать мужества.

Обращаясь теперь къ русской церкви, мы видимъ тоже самое. Процессъ борьбы съ ересями у насъ былъ аналогичный съ процессомъ въ Церкви вселенской. Обыкновенно предварительно шла ли-

тературная борьба съ ересями, завершительнымъ актомъ которой было осужденіе ихъ на соборахъ. Такъ на соборѣ 1504 г. осуждена была ересь жидоствующихъ, на соборѣ 1553—4 г. ересь Бакшина и Косаго, на соборѣ 1689 г. осужденъ былъ Силивестръ Медвѣдевъ за свои латинскія воззрѣнія, на соборѣ 1714 г. осуждена была ересь Тверитинова. Естественно теперь спросить, какъ поступлено было бы съ подобнымъ у насъ нынѣ учителемъ, если бы онъ жилъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ? Отвѣтъ на это не труденъ.

Намъ скажутъ, что теперь иное время и иные нравы и примѣнять къ еретикамъ мѣры прежнихъ временъ было бы анахронизмомъ, который стоялъ бы въ противорѣчіи съ идеями гуманности и вѣротерпимости. Въ прежнее время еретиковъ отправляли въ заточеніе и пр. Но такія мѣры, отвѣтимъ, никогда не принадлежали Церкви: это мѣры гражданской администраціи, характеръ дѣятельности которой—такой или иной всегда обусловливался нравами своей эпохи. Мѣра же церковная всегда состояла только въ заявленіи относительно качествъ новаго ученія съ точки зрѣнія православной вѣры и отлученіи лжеучителя отъ церковнаго общества. А такая мѣра не можетъ подчиняться ни условіямъ времени, ни соображаться съ нравами той или другой эпохи. Она вытекаетъ изъ основныхъ задачъ Церкви охранять во всей чистотѣ ученіе, ввѣренное ей ея Божественнымъ Основателемъ и составляетъ прямое примѣненіе наставленія Основателя христіанской Церкви относительно согрѣшившаго брата. По силѣ этого наставленія послѣ обличенія согрѣшившаго наединѣ, требуется обличеніе его при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ; въ случаѣ бездѣйствія этой мѣры требуется внушеніе Церкви. «Аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь» (Мѳ. 18, 17), т. е., этотъ ослушникъ голоса Церкви становится въ положеніе исключеннаго изъ церковнаго общества. А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, сказалъ Основатель нашей вѣры, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй (Мѳ. 18, 6). Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ» (ст. 7).

Т. Е. В.

Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противораскольничья дѣятельность.

(*Продолженіе* *).

II.

Годъ пребыванія Петра среди ѳедосѣевцевъ преображенскаго—кладбища въ Москвѣ и неоправдавшіяся надежды его.

Преображенское кладбище въ то время находилось въ полномъ расцвѣтѣ своей славы и блеска. Оно представляло главное средоточіе умственныхъ силъ ѳедосѣевства: сюда стекались и отсюда во всѣ стороны расходились начетчики—стоятели и оберегатели ѳедосѣевскаго благочестія. Внѣшнее великолѣпіе кладбища было поразительно. Не говоря уже о томъ, что на самомъ кладбищѣ, помимо главной Успенской часовни, на обоихъ дворахъ,—мужской и женской половинахъ,—находилось до девяти моленныхъ съ ежедневной службой; Преображенская слобода, примыкавшая къ кладбищу, была наполнена множествомъ моленныхъ и маленькихъ женскихъ монастырьковъ, тоже съ моленными. Нѣкоторыя моленныя были украшены богатыми иконостасами, паникадилами и содержали свои хоры пѣвчихъ. Величественный видъ главной часовни кладбища и множество моленныхъ съ возвышавшимися надъ ними главами и куполами, великолѣпныя башни, бѣлокаменныя стѣны наполнили священнымъ трепетомъ благочестивую душу Петра. Первое знакомство съ грандіознымъ созданіемъ Ильи Алексѣевича восхитило его до такой степени, что онъ мнилъ себя какъ бы въ новомъ старообрядческомъ Іерусалимѣ. Впечатлѣніе внѣшнее было подавляющее. Но оно продолжалось не долго. Внутреннее содержаніе оказалось далеко не соотвѣтствующимъ обстановкѣ. «Я пріѣхалъ въ Москву поучиться», говоритъ о себѣ о. Павелъ. Но съ этой стороны кладбище оказалось совершенно недостойнымъ для надлежащей встрѣчи такого ученика. Когда онъ сталъ «поспрашивать, съ кѣмъ бы познакомиться изъ людей начитанныхъ», ему указали на наставника Егора Гавриловича и на Головщика Алексѣя Михеича. Итакъ, этимъ лицамъ была вручена судьба Петра. Они должны были разъяснить и искоренить тѣ недоумѣнія, которыя омрачали чистую вѣру Петра вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Задача была не легкая. Нужно было бороться съ

---

*) См. Мисс. Обозр. 97 г. Май кн. 1, стр. 389—396.

болѣзнью застарѣлою и въ высшей степени серьезною. Духовные врачи, слѣдовательно, должны были обладать большой опытностію, энергіей и солиднымъ умственнымъ развитіемъ. Таковыхъ ли дѣйствительно, людей представляли изъ себя Алексѣй Михеичъ и Егоръ Гаврилычъ?

Съ мелочно самолюбивымъ Михеичемъ мы будемъ имѣть случай познакомиться нѣсколько позже.—Другой наставникъ—Егоръ Гаврилычь представлялъ собой величественнаго, сѣдаго, какъ лунь, старца, съ бѣлыми валенками на ногахъ. Внѣшняя сторона и здѣсь, какъ вездѣ въ старообрядчествѣ, находилась въ самомъ лучшемъ видѣ и невольно внушала уваженіе. Но, увы! внутреннія качества этого старца, какъ наставника, совсѣмъ не соотвѣтствовали внушительной внѣшности. О. Павелъ не говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него бесѣдами съ этимъ наставникомъ. Чтобы составить объ этомъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе, заимствуемъ свѣдѣнія о Егорѣ Гавриловѣ изъ сообщеній о. Василія Дарендова, нынѣ единовѣрческаго священника, бывшаго прежде раскольникомъ и также обращавшагося къ этому наставнику за разрѣшеніемъ недоумѣній. Когда предложенный со стороны о. Василія вопросъ былъ разрѣшенъ въ строго-ѳедосѣевскомъ духѣ и о. Василій потребовалъ указанія основаній для рѣшенія въ св. Писаніи, Егоръ Гавриловъ, обратившись къ слугѣ, сказалъ: «Осипушка, подай-ка мнѣ со шкапа тетрадь. Но Осипъ, видно, былъ похитрѣе своего наставника,—говоритъ ему, что тетрадки въ шкапу не находится, что въ настоящее время взялъ ее такой-то (называя по имени). Егоръ Гавриловъ завѣрялъ, что никогда ему не давалъ той тетрадки. Но Осипъ не желая изъ за—оныхъ, ими самими (ѳедосѣевцами) выдуманныхъ нелѣпостей, написанныхъ въ тетрадкѣ, посрамить себя, всячески отклонялъ его отъ бездѣльной той тетрадки. Тогда Егоръ Гавриловъ сказалъ: придите ко мнѣ завтра: я отыщу ту тетрадку и все вамъ укажу о нашихъ постановленіяхъ и порядкахъ» [1]). Вотъ каковъ былъ наставникъ, опытности и начитанности котораго былъ предоставленъ недугующій Петръ. Естественно предположить, что результатъ бесѣдъ Петра съ такимъ наставникомъ оказался весьма прискорбнымъ. Нужно прибавить къ этому еще и слѣдующее. Петръ, будучи человѣкомъ твердымъ, вполнѣ искреннихъ и неподкупныхъ убѣжденій, могъ и цѣнить только лишь та-

1) Братск. слово 83 г. I, стр. 407—408.

кихъ людей. Тѣмъ болѣе онъ требовалъ указанныхъ качествъ отъ тѣхъ, которые поставлены для наставленія прочихъ, авторитетъ которыхъ въ особенности долженъ быть безупреченъ и непоколебимъ. Но на дѣлѣ оказалось, что Егоръ Гавриловъ такими качествами далеко не отличался. Петру стало извѣстнымъ, что онъ сперва былъ согласія самокрещенцевъ и казначей кладбища Андрей Ларіоновъ убѣдилъ его присоединиться къ ѳедосѣевцамъ тѣмъ, что посулилъ ему исходатайствовать настоятельсто[1]). Этотъ фактъ окончательно подорвалъ всякое уваженіе Петра къ новому наставнику.

Но что особенно важно, что исключаетъ всякую возможность серьезнаго вліянія на Петра со стороны жалкихъ наставниковъ ѳедосѣевства, это положеніе самого Петра на кладбищѣ. Извѣстный споръ Петра съ Иваномъ Порфировымъ по вопросу объ исповѣди, гдѣ Петръ защищалъ ѳедосѣевство, доставилъ ему широкую извѣстность; о немъ узнало и кладбище и заочно возъимѣло къ нему симпатіи, какъ къ стойкому защитнику своего вѣроученія. Поэтому, когда прибылъ онъ на кладбище, его приняли съ распростертыми объятіями. Своею начитанностію, умомъ и строгимъ образомъ жизни Петръ стяжалъ себѣ здѣсь всеобщее расположеніе и глубокое уваженіе даже начальниковъ кладбища—самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ лицъ во всемъ раскольничьемъ ѳедосѣевскомъ мірѣ. И это все произошло въ удивительно короткое время: какъ извѣстно, Петръ не прожилъ на кладбищѣ и года. Очевидно достоинства его обнаруживались слишкомъ ярко и конечно не указаннымъ наставникамъ кладбищенскимъ можно было повлiять на измѣненіе твердыхъ, какъ камень его убѣжденій. О томъ, какъ дѣйствительно онъ превосходилъ своей начитанностію и умственной состоятельностію всѣхъ другихъ, здѣсь находившихся представителей ѳедосѣевской мудрости, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Весной 1847 года изъ Австріи пріѣхали въ Москву Климоуцкіе безпоповцы и, разсказавъ объ устроившейся въ Бѣлой Криницѣ іерархіи, просили дать имъ наставленіе, какъ понимать объ этой іерархіи. И вотъ, самъ старшій наставникъ кладбища Семенъ Кузьмичъ, чувствуя превосходство силъ пріѣхавшаго гостя, счелъ за лучшее поступиться своимъ авторитетомъ и поручить Петру это трудное и отвѣтственное дѣло. Въ опроверженіе

1) Тамъ-же стр. 26

новоявившейся іерархіи, Петръ сдѣлалъ изъ «Щита» выписки съ нѣкоторыми своими замѣчаніями и передалъ ихъ въ Климоуцы [1]).

Неизвѣстно, какія, собственно, впечатлѣнія переживалъ Петръ, находясь на Преображенскомъ кладбищѣ, хотя то несомнѣнно, что строемъ здѣшней жизни онъ былъ недоволенъ. Да и что могло быть общаго между строгимъ аскетомъ и развратной, лицемѣрной ѳедосѣевской общиной! Кладбище было прекрасно только по внѣшнему виду, чему совсѣмъ не соотвѣтствовала его внутренняя жизнь. Въ то время вода Хапиловскаго пруда, примыкавшаго къ кладбищу, оказалась зараженною отъ разлагавшихся труповъ, утопленныхъ здѣсь младенцевъ. Стоявшіе во главѣ кладбища и считавшіеся почетнѣйшими въ расколѣ лица за воровство и мошенничество были подвергнуты правительствомъ ссылкѣ. Молодые люди не стѣснялись уходить изъ кладбища въ трактиры и другія увеселительныя мѣста, не гнушались табакомъ и т. д.[2]) Положимъ, подробности эти не могли сдѣлаться извѣстными Петру за короткое время пребыванія его здѣсь. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «живя на кладбищѣ, я никуда не выходилъ и дѣйствительно жизни его не зналъ». Тѣмъ не менѣе духъ развратной, покрываемой лицемѣріемъ, здѣшней жизни пахнулъ на него. Суровый аскетъ не видѣлъ этой жизни, но чувствовалъ ея мерзкое дыханіе. Петръ тяготился здѣшнею жизнію. Ему хотѣлось въ пустыню, гдѣ ему можно было развернуться во всю своей мощной натурой. Онъ помышлялъ объ удаленіи въ Персію, о которой заманчиво разсказывали ему земляки — сызранцы. Объ этомъ намѣреніи онъ разсказалъ, между прочимъ, и главарямъ кладбища.

Между тѣмъ, Андрей Ларіоновъ, казначей кладбища, удрученный стѣсненіями правительства, имѣлъ мысль уѣхать отъ антихристовой власти за границу, къ старообрядцамъ—ѳедосѣевцамъ, жившимъ въ Пруссіи, и завести тамъ безпоповскую обитель. Съ этой цѣлью онъ посылалъ и человѣка въ Пруссію провѣдать, какое воззрѣніе имѣетъ прусское правительство на проживающихъ тамъ старообрядцевъ и можно ли тамъ поселиться новымъ пришельцамъ и основать монастырь. Посланный, возвратившись, принесъ удовлетворительные отзывы. Однако, по случайнымъ обстоятельствамъ,

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 464.

[2]) Русск. вѣстн. 62 г. февр. 797. „Изъ исторіи Преображ. кладбища„

Андрею не посчастливилось привести въ исполненіе свои намѣренія. И вотъ, теперь, пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ и рѣшилъ предложить Петру осуществить его давнишнія намѣренія и отправиться не въ Персію, а въ Пруссію. Послѣ нѣкотораго раздумья, Петръ согласился и осенью 1847 года выѣхалъ изъ Москвы. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Стародубскія безпоповскія обители, чтобы уладить происшедшія здѣсь распри. Своимъ добросердечіемъ и строгимъ образомъ жизни Петръ на столько понравился здѣшнимъ инокамъ, что они упрашивали его остаться съ ними, но вѣрный данному слову, онъ отказался отъ такого любезнаго предложенія и отправился въ Пруссію.

III.

Пребываніе о. Павла (Петра Леднева) въ Пруссіи и его дѣятельность въ должности настоятеля прусскаго Ѳедосѣевскаго монастыря.

Старообрядческія колоніи восточной Пруссіи были раскинуты на небольшомъ пространствѣ Прусской Мазовіи, среди лѣсовъ и озеръ, вблизи озера Шпирдингъ. Всѣхъ жителей по административнымъ свѣдѣніямъ считалось въ сороковыхъ годахъ слишкомъ полторы тысячи. Поселились здѣсь старообрядцы маленькими деревушками; въ самой значительной изъ нихъ—Войновѣ—насчитывалось до 400 человѣкъ. Въ верстѣ отъ этого селенія, на полуостровѣ, вдающемся въ озеро, находился маленькій монастырекъ — Григорьичевъ скитокъ [1]), куда Петръ и прибылъ. Это было въ началѣ 1848 года. Уединенность скитка и его поэтическое мѣстоположеніе понравились Петру. Онъ порѣшилъ остаться здѣсь и такъ какъ нѣмецкія власти не только не притѣсняли русскихъ выходцевъ, но и оказывали имъ покровительство, то Петръ увѣдомилъ своихъ московскихъ друзей, что «здѣсь все можно сдѣлать по ихнему желанію».[2]) Вскорѣ на присланныя изъ Москвы деньги было прикуплено нѣсколько новой земли и Петръ сдѣлался прусскимъ подданнымъ. Сюда же, въ скоромъ времени, искусно миновавъ руки полиціи [3]), были переправлены изъ Россіи большіе тюки съ книгами и иконами. Монастырскій столяръ сдѣлалъ приличный иконостасъ въ моленной, возвысилъ надъ нею куполъ и главу съ крестомъ. Въ 1850 году Петръ принялъ въ Злынскомъ монастырѣ иночество съ именемъ Павла.

---

1) Лит. еп. вѣд. 1872 г. № 12, 491.

2) Братск. слово, 83 г. ч. I, 33.

3) Собран. соч. арх. Павла. ч. Ш, 466—467.

Въ этомъ же году пріѣхалъ сюда изъ Москвы Михеичъ, назначенный кладбищемъ головщикомъ этого монастыря. Казалось, всѣ обстоятельства сложились самымъ лучшимъ образомъ, чтобы монастырская жизнь подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, при хорошемъ матеріальномъ обезпеченіи, спокойно потекла глубокимъ и широкимъ русломъ, принося обильные плоды духовно-нравственнаго совершенствованія братіи. Однако капризный, непомѣрно властолюбивый Михеичъ вскорѣ, спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ, нарушилъ эту плодотворную тишину. Для выясненія высоты характера Павла, его благородства и великодушія остановимся нѣсколько на указанномъ фактѣ.

По пріѣздѣ Павла, прежній настоятель монастыря, видя въ немъ чрезвычайно умнаго человѣка съ широкими полномочіями отъ Преображенскаго кладбища, вручилъ ему всѣ бразды правленія, такъ что Павелъ сдѣлался de facto полнымъ распорядителемъ монастыря. Любовь и расположеніе братіи признавали за нимъ такое положеніе, формально хотя и не утвержденное. Честолюбивымъ и властолюбивымъ замысламъ пріѣхавшаго Михеича — головщика, полагалась, такимъ образомъ, въ лицѣ Павла несокрушимая преграда. Въ высшей степени не благородный, не выдержанный Михеичъ не могъ скрыть своей досады, что и обнаружилось въ неблагосклонныхъ отношеніяхъ къ Павлу, который, замѣтивъ такую перемѣну, началъ спрашивать о причинѣ такого явленія. Михеичъ отвѣчалъ: «ты и на работѣ и за трапезой всегда съ братіей; они къ тебѣ расположены болѣе, нежели ко мнѣ». Павелъ сказалъ: «я удалюсь, а вы здѣсь оставайтесь; братія безъ меня привыкнетъ къ вамъ». Михеичъ отвѣчалъ: «ты уйдешь куда нибудь неподалеку, и они пойдутъ за тобою»! «Я пойду подалѣе, говорилъ Павелъ, куда никто не пойдетъ за мною». Михеичъ смолчалъ. А Павелъ послѣ этого разговора отправился въ Австрію, въ Буковину, въ село Климоуцы, отстоящее отъ Бѣлой Криницы верстахъ въ двухъ. Это было весной 1851 года, черезъ годъ по проѣздѣ Михеича въ Пруссію. Въ Климоуцахъ Павелъ былъ весьма любезно принятъ тѣми самыми Мироновыми, которые приходили въ Москву на кладбище и которымъ Павелъ писалъ возраженія противъ бѣлокриницкой іерархіи. Они дали Павлу для жительства одну хижину, гдѣ онъ и поселился [1]).

---

1) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 467—468.

Климоуцкіе безпоповцы въ то время спорили съ Бѣлокриницкими поповцами. Послѣдніе брали верхъ, потому что Климоуцкіе не имѣли у себя людей, которые могли-бы заграждать уста защитникамъ бѣлокриницкаго священства. «Будучи смолоду знакомъ съ поповщинскимъ ученіемъ и имѣя сильныя противъ него возраженія, Павелъ поддержалъ безпоповцевъ противъ поповскихъ начетчиковъ, разъяснилъ имъ, что австрійская новоявленная іерархія не есть истинное, Христомъ основанное священство [1]). Здѣсь произошелъ, между прочимъ, одинъ казусъ, едва не надѣлавшій Павлу непріятностей. «Одинъ старичекъ простенькій», Сила, поимени, узнавъ, что прибывшій гость и есть тотъ самый, кто написалъ извѣстное, принесенное изъ Москвы обличеніе Бѣлокриницкой іерархіи, сойдясь съ поповцами, по своей простотѣ началъ хвалиться: «у васъ есть Павелъ (Бѣлокриницкій), да и у насъ теперь есть Павелъ, теперь мы васъ не боимся!» Дѣдушка Сила, очевидно, и не подозрѣвалъ, что онъ тѣмъ самымъ вооружаетъ противъ Павла сильныхъ Бѣлокриницкаго монастыря, имѣвшихъ тѣсныя связи съ австрійскимъ правительствомъ. «Однако Климоуцкіе безпоповцы, замѣчаетъ о. Павелъ, по благосклонности къ намъ, не дали насъ обидѣть» [2]). «А я, между тѣмъ, пишетъ впослѣдствіи о. Павелъ, выписки изъ Щита, данныя Мироновымъ въ Москвѣ, еще дополнилъ новыми выписками изъ книгъ. Эти выписки пошли по селу и надѣлали много молвы. Взялъ ихъ почитать климоуцкій священникъ. Почитавши, смутился о своемъ священствѣ и пошелъ съ книгой въ Бѣлую Криницу, въ монастырь. Въ отвѣтъ противъ этой книги Бѣлокриницкій Павелъ и придумалъ свое извѣстное ученіе о временномъ сокрытіи благодати священства по образу сокрытія ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня во время плѣна Вавилонскаго, а книгу мою истребилъ» [3]).

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, 372—373.

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 468.

[3]) Павелъ (Бѣлокриницкій), впрочемъ, думалъ помочь своему ученію и нѣсколько инымъ способомъ. Привыкши къ „сманиванію", онъ вздумалъ приложить этотъ методъ дѣйствованія и по отношенію къ Павлу. Будучи, однако, тактичнымъ и въ высшей степени осторожнымъ, онъ эту миссію возложилъ на извѣстнаго Онуфрія, человѣка, мало понимавшаго тонкости людской хитрости, крайне добродушнаго. Послѣдствія этой миссіи не сдѣлали чести проницательности и предусмотрительности Павла Бѣлокриницкаго. Онуфрій не только не плѣнилъ Павла, но самъ попался къ нему въ плѣнъ: спустя нѣкоторое время онъ сложилъ съ себя неза-

Между тѣмъ, въ это-же время въ прусскій монастырь прибылъ Андрей Ларіоновъ, принявшій по дорогѣ сюда въ Злынскомъ монастырѣ иноческій санъ и имя Антонія. О давно лелѣянномъ прусскомъ монастырѣ онъ думалъ: «тутъ покой мой, здѣ вселюся, яко изволихъ» [1]). На дѣлѣ вышло, однако, не такъ. Михеичъ сказалъ ему: «деньги Семеномъ Кузьмичемъ вручены мнѣ, значитъ я полный хозяинъ», и затѣмъ такъ обошелся съ высокимъ гостемъ, что тотъ бѣжалъ отъ него къ Павлу въ Климоуцы [2]). Однако еще въ Пруссіи Антоній обжаловалъ поступокъ съ нимъ Михеича Семену Кузьмичу и этотъ послѣдній потребовалъ отъ Михеича, чтобы онъ возвратилъ оскорбленныхъ изгнанниковъ. Михеичъ сробѣлъ: и сначала письменно, а потомъ и лично искалъ примиренія и просилъ изгнанниковъ возвратиться въ Пруссію. Антоній, не довѣряя благорасположенности Михеича, ѣхать обратно отказывался. Павелъ-же въ отношеніи къ Михеичу сталъ дѣйствовать теперь самостоятельно. «Я, разсказываетъ о. Павелъ, обратился къ нему съ такими словами: ты говорилъ, что все, что есть въ монастырѣ въ Пруссіи, все это твое: значитъ ты насъ зовешь къ себѣ въ работники; ты и прежде хотѣлъ съ нами поступать, какъ съ работниками: мы не поѣдемъ; мы, слава Богу, сыты и здѣсь. А если тебѣ угодно насъ воротить, запиши, по крайней мѣрѣ, третью часть земли на монастырь, дай монастырю часть необходимыхъ книгъ и иконъ, остальнымъ же, какъ хочешь, такъ и владѣй» [3]). За плечами Михеича стояла тѣнь грознаго Семена Кузьмича и онъ согласился. Ненасытимое властолюбіе, впрочемъ и въ Пруссіи уже, побудило Михеича отказаться отъ исполненія даннаго обѣщанія, такъ что Павелъ началъ было собираться опять въ Австрію; боясь Кузьмича, однако, Михеичъ смягчился и Павелъ остался въ Пруссіи.—Вскорѣ, впрочемъ, Павелъ опять посѣтилъ Климоуцы: оставшійся тамъ Антоній перешелъ въ поповскую секту [4]). Это встревожило Павла. Полагая, что при-

---

конно носимыя святительскія одежды и бывшій епископъ австрійской іерархіи сдѣлался впослѣдствіи смиреннымъ инокомъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ. Собр. соч. арх. П. III, 476.

1) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 469.

2) Тамъ-же, стр. 470.

3) Братск, слово, 83 ч. I, стр. 73.

4) Впослѣдствіи онъ былъ старообрядческимъ архіереемъ съ именемъ Антонія (Шутовъ).

чиной такого прискорбнаго факта служитъ оскорбленіе, нанесенное ему Михеичемъ, онъ убѣждаетъ послѣдняго поѣхать къ Антонію и въ личномъ свиданіи попросить у него извиненія. Павелъ думалъ такимъ образомъ возвратить Антонія. Михеичъ согласился и Павелъ въ качествѣ примирителя поѣхалъ съ нимъ. Однако примиреніе не состоялось и Михеичъ, спустя недѣлю, уѣхалъ обратно. Антоній, привлеченный въ поповство честолюбивыми стремленіями, не выказывалъ охоты возвратиться въ безпоповство, хотя Павелъ, проживши здѣсь болѣе четырехъ мѣсяцевъ, прилагалъ къ тому всѣ старанія. Здѣсь произошелъ случай весьма важный для характеристики Павла.

Антоній, говоритъ о. Павелъ, позволилъ себѣ быть орудіемъ недобросовѣстныхъ дѣйствій Павла Бѣлокриницкаго на мои религіозныя убѣжденія; онъ осмѣлился предложить мнѣ отъ лица Павла такія же обѣщанія, какими, очевидно, и самъ увлекся[1]). Это страшно возмутило Павла. Онъ простился съ Климоуцами и возвратился въ свой монастырь, изъ котораго Михеичъ уже вышелъ и поселился отдѣльно.—Съ этого времени оканчивается исполненный тревогъ и хлопотъ періодъ жизни Павла, начавшійся непосредственно по отъѣздѣ его изъ Сызранской пустыни. Теперь онъ становится дѣйствительнымъ настоятелемъ прусской обители и въ теченіи пятнадцати лѣтъ (1852—1867) посвящаетъ ей всѣ силы своего духа.

Казалось, вся энергія, израсходовать которую онъ намѣревался въ уединенныхъ сектантскихъ подвигахъ, обнаружилась именно здѣсь. Прежде всего вниманіе и заботы его были направлены на внѣшнее устройство монастыря, на постройку часовни и помѣщеній для братіи. Прежняя часовня получила капитальную ремонтировку и снабжена была всѣмъ необходимымъ для отправленія службъ; устроено было вполнѣ достаточное количество келій для братіи и почти весь монастырь былъ обнесенъ каменной оградой. Въ созиданіи послѣдней дѣятельное участіе принимали на ряду съ наемными рабочими и монастырскіе иноки. Трудами послѣднихъ созидалось и матеріальное обезпеченіе монастыря. Въ видѣ послушанія иноки исполняли многоразличныя къ благоустройству монастыря относящіяся работы. Были между ними люди и съ спеціальными ремесленными занятіями —портные, сапожныхъ дѣлъ мастера и др., сидя въ своихъ кельяхъ, они исполняли монастырскія нужды. Матеріальныя средства мона-

---

1) Братск. слово, 83 г. стр. 78.

стыря Павелъ съумѣлъ увеличить продажею приготовлявшихся здѣсь мѣдныхъ крестиковъ и образковъ, а также продажею нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ: часословцевъ, псалтырей, святцевъ, печатаніе которыхъ производилось въ г. Іоганнисбургѣ.

Внутренняя жизнь иноковъ, жизнь духа собственно, совершалась при строгомъ воздержаніи и усердной молитвѣ, чему прекраснымъ примѣромъ служилъ самъ настоятель—инокъ Павелъ. Посѣтивши въ это время монастырь, упомянутый выше о. Дарендовъ говоритъ, что онъ «увидѣлъ иноковъ измождалыхъ отъ многаго воздержанія, поста и молитвы [1]). Особенное же впечатлѣніе произвелъ на него Павелъ «нравственностію, ученіемъ, тихостію и страхомъ Божіимъ» [2]). Главное вниманіе Павла въ дѣлѣ духовнаго руководства иноковъ было устремлено на соблюденіе строгаго порядка церковныхъ службъ и точное исполненіе всѣхъ правилъ монастырскаго устава. Но какъ менѣе всего расположенный къ строгому, отвлеченному формализму, онъ всѣ заботы свои направилъ на то, чтобы укоренить здѣсь непритворный и сознательный духъ иноческаго благочестія. Павелъ не могъ выносить того средостѣнія, которое устанавливается между подчиненнымъ и начальствующимъ, между простымъ инокомъ и его настоятелемъ. Онъ желалъ и стремился осуществить такой строй монастырской жизни, гдѣ бы царили истинно-братскія отношенія между всѣми иноками безъ исключенія. Начальствующихъ онъ понималъ только въ видѣ болѣе опытныхъ и болѣе нравственно-твердыхъ личностей, могущихъ наставить и укрѣпить брата, дѣлающаго невѣрные шаги на пути нравственнаго усовершенствованія. Чувствуя въ себѣ могучій нравственный духъ, способный укрѣпить и наставить немощнаго, онъ желалъ отъ братіи искреннихъ отношеній. Его скоро поняли и на его желаніе откликнулись съ такимъ сочувствіемъ, что преданность къ нему нѣкоторыхъ изъ братій была безгранична.

Относительно духовнаго развитія руководимой паствы Павелъ задался чрезвычайно широкимъ планомъ. Онъ желалъ сдѣлать изъ иноковъ людей вполнѣ духовно-просвѣщенныхъ. Зная какимъ могучимъ орудіемъ въ данномъ случаѣ служитъ книга, онъ каждогодно удѣлялъ изъ монастырскихъ финансовъ нѣкоторую сумму на пріоб-

---

[1]) Братск. слово 83 г. I, 333.

[2]) Братск. слово. 83 г. I, 333.

рѣтеніе книгъ нравственно-догматическаго содержанія, изъ которыхъ съ теченіемъ времени составилась здѣсь довольно значительная библіотека. Книги не лежали безъ употребленія: монастырская братія съ увлеченіемъ читала ихъ [1]). Но самую главную для духовнаго развитія братіи пищу доставляло, несомнѣнно, учительство самого Павла. Поставляя благочастіе, а слѣдовательно и спасеніе въ строгую зависимость отъ знанія слова Божія и писанія святыхъ отцевъ, онъ горѣлъ желаніемъ не только самому изучить святыя книги, но и братію пріобщить къ этому спасительному дѣлу. Но само собой понятно, братіи не подъ силу было самостоятельно заниматься этимъ великимъ дѣломъ, поэтому Павелъ рѣшилъ преподавать братіи плоды своихъ занятій въ устной бесѣдѣ. И вотъ, въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ вечерни, не выходя изъ часовни, здѣсь же въ притворѣ, иноки садились на скамьяхъ, а настоятель становился посрединѣ и начиналъ бесѣду чтеніемъ какого либо слова изъ отеческихъ твореній, останавливаясь на мѣстахъ болѣе замѣчательныхъ именно въ приложеніи къ своимъ слушателямъ,—о вѣрѣ, о жизни богоугодной. Онъ предлагалъ имъ и свои собственныя разъясненія, замѣчанія, наставленія и т. п., большею же частію предлагалъ имъ, или самъ получалъ отъ нихъ разные недоумѣнные вопросы, которые и подвергались общему разсужденію и рѣшенію, при чемъ главнымъ условіемъ полагалось говорить «безъ лукавства и натягательства» и если чего не могъ кто либо ясно доказать, долженъ былъ внимательно вникнуть въ предметъ разсужденія и оставить доказательства, разъ онѣ оказывались несостоятельными.

Снѣдаемый ревностію по мнимо-правой вѣрѣ, Павелъ прилагалъ усердіе и къ тому, чтобы научить и укрѣпить въ ней и людей, живущихъ внѣ его обители и лишенныхъ такимъ образомъ его непосредственнаго вліянія. Съ этой цѣлью онъ въ пятнадцати верстахъ отъ своего монастыря выстраиваетъ женскій монастырь и привлекаетъ сюда благочестивыхъ инокинь. Самъ онъ хотя рѣдко, но всетаки посѣщалъ эту обитель. Къ его пріѣзду обыкновенно приготовлялось множество недоумѣнныхъ вопросовъ изъ области вѣроученія и жизни обители, которые и предлагались Павлу для разрѣшенія. Слушать его сходился весь женскій монастырь [2]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 398.
[2]) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 504

Нравственно-просвѣтительное вліяніе своего монастыря Павелъ постарался распространить и на окружавшія этотъ монастырь русскія старообрядческія поселенія. Прежде царила здѣсь, сравнительно говоря, широкая разнузданность. Бродяги, преступники, укрывшіеся сюда отъ преслѣдованія русской полиціи и составившіе здѣсь значительный контингентъ старообрядческаго населенія, не думали оставлять прежній образъ жизни и привели въ трепетъ своими отчаянными подвигами все населеніе мирной Мазовіи. Особенной ареной этихъ подвиговъ стала Польша, получившая для этихъ вольныхъ козаковъ значеніе какой-то туречины, откуда каждый день можно было привозить добычу. Прусскіе чиновники, присылаемые для составленія списковъ новыхъ поселенцевъ, становились въ тупикъ предъ этими бородатыми, чрезвычайно похожими одно на другое лицами, не понимая дико звучавшихъ русскихъ именъ, которыя, притомъ постоянно мѣнялись, такъ какъ за имя выдавали и отчество и кличку или наконецъ просто вымышленное названіе [1]).—Религіозный бытъ колоній вообще не отличался одушевленіемъ жизни. Старообрядческіе скиты преимущественно заботились о соблюденіи поста и молитвы. Недоумѣнные религіозные вопросы разрѣшались стариками и старухами. «Я такъ запомню, говорила старая баба, мой дѣдушка говорилъ такъ и дѣлалъ такъ и по христіанскому такъ надо: вотъ и тотъ старикъ такъ говорилъ и тая струха также помнитъ», и на такомъ свидѣтельствѣ утверждалось молодое поколѣніе старообрадцевъ [2]).

Съ приходомъ означенныхъ московскихъ книжниковъ и съ утвержденіемъ Павла въ должности настоятеля монастыря, въ религіозной жизни колоній произошелъ существенный переворотъ. Прокляты были табакъ, «дьявольское зелье» и водка. Прокляты были сапоги, сшитые не на одну ногу, фуражки съ козыркомъ, называвшіяся дьяволовымъ ногтемъ. Бракъ былъ названъ блудомъ. Присутствіе брачнаго въ обществѣ молящихся считалось предосудительнымъ; одновременная молитва съ нимъ оскверняла храмъ и иконы [3]). Ѳедосѣевское благочестіе начало укореняться, какъ видно, сразу. Возражать пришельцамъ вліятельнаго Преображенскаго кладбища никто, конечно, не посмѣлъ.

---

1) Литовск. еп. вѣд. 1872 г, № 13, 493.
2) „Истина“ 1871 г. кн. XVIII, стр. 73. „Начало исторіи прусскаго безпоповскаго монастыря“.
3) Лит. еп, вѣд. 72 г. № 13, 494.

«Съ устройствомъ моленной многіе изъ окрестныхъ жителей, говоритъ о. Павелъ, стали ходить къ намъ въ монастырь по праздникамъ Богу молиться. Привлекало ихъ то, что у насъ послѣ часовъ въ моленной почитывали книги и не просто почитывали, а что недоумѣнное въ нихъ и разъясняли... Въ монастырѣ же они брали себѣ и книги для чтенія». А по временамъ и самъ Павелъ ходилъ въ Войновскую моленную, въ Мостишки (близъ лежавшія старообрядческія села, гдѣ занимался съ старообрядцами «довольно отъ книгъ разсужденіями», старался учить ихъ доброй нравственности, запрещалъ божиться, училъ не лгать, не укорять ближняго. Бесѣды его имѣли такой успѣхъ, что сперва въ Войновѣ, а потомъ и въ другихъ деревняхъ божбы именемъ Божіимъ стало не слышно, «а если который человѣкъ по старой привычкѣ побожится, то другой остановитъ его и вразумитъ»[1]). Въ прусскую обитель къ Павлу пріѣзжали многіе ревностные о расколѣ люди даже изъ Литвы почитать книги, поучиться и гостили здѣсь мѣсяца по три, по полугоду, а иногда по году, по два[2]).

Съ цѣлью болѣе обширнаго распространенія ѳедосѣевской пропаганды Павелъ образовываетъ кружокъ наиболѣе способныхъ и наиболѣ ревностныхъ въ дѣлѣ ѳедосѣевской вѣры и благочестія иноковъ,—учениковъ своихъ и по достаточномъ утвержденіи ихъ въ истинахъ ѳедосѣевства разсылаетъ ихъ въ разные концы широкой Руси. Учениковъ такихъ было у Павла около шестидесяти человѣкъ и кругъ ихъ миссіонерской дѣятельности вскорѣ охватилъ пространство «отъ Сувалокъ до Петербурга, по Волгѣ—отъ Кимры до Вольска и губерніи Пензенскую, Волынскую, Полтавскую и Курскую»[3]).

(Продолженіе будетъ).

---

1) Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 505.

2) Тамъ-же, ч. II, 264.

3) Тамъ-же, ч. III, 506.

Миссіонерскіе запросы и отвѣты.

Какъ поступать священникамъ при бракосочетаніяхъ тѣхъ ново-присоединенныхъ къ православной Церкви лицъ, лѣта коихъ, какъ рожденныхъ въ расколѣ или сектантствѣ, достовѣрно неизвѣстны?

(Изъ письма окружного миссіонера).

Въ пастыре-миссіонерской практикѣ не рѣдки случаи присоединенія къ православію изъ раскола и сектантства молодыхъ парней и дѣвицъ, лѣта которыхъ документально установить предъ присоединеніемъ представляется крайне затруднительнымъ, а иногда и прямо невозможнымъ. Не обращаться-же къ изувѣрамъ начетчикамъ или лжепресвитерамъ за справками о томъ, когда у нихъ въ метрическихъ записяхъ значится рожденнымъ такое-то лицо? Въ большинствѣ случаевъ оглашеніе изъявившихъ желаніе присоединиться къ Церкви приходится охранять, какъ тайну, пока не совершится этотъ свящ. актъ. Иначе расколо-сектантскій кагалъ и нравственно, и физически истерзаетъ оглашеннаго и употребитъ всѣ мѣры, чтобы послѣдняго сбить съ пути истины... Тайна эта часто настолько велика, что не всегда представляется удобнымъ наводить справку о лѣтахъ возсоединяемаго и въ мѣстной полиціи, гдѣ обыкновенно все нага и объявлена для пронырливыхъ расколо-сектантовъ. Да и не вездѣ ведутся-то при полицейскихъ управленіяхъ метрическія записи о расколо-сектантахъ, а если гдѣ и заведены онѣ, то заключаютъ въ себѣ тѣ свѣдѣнія, какія благоугодно дать полиціи начетчикамъ и лжепресвитерамъ, а у этихъ послѣднихъ правды о лѣтахъ не ищите. Давно-бы пора правительству обратить свое вниманіе на эту темную статью и убѣдиться въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ расколо-сектантства, касательно веденія актовъ рожденія у своихъ послѣдователей. Злоупотребленія эти, обыкновенно, расчитаны на предметъ обхода закона о воинской повинности и ложатся тяжелымъ бременемъ на православное населеніе. Присмотритесь на бракоборную безпоповщину:—тамъ въ семьяхъ по метрическимъ записямъ все болѣе по одному, т. е. льготному отъ повинности воинской,—сыну, а гдѣ-же прочіе? вы спросите. Разверстываются документально, конечно, по наличнымъ бездѣтнымъ семьямъ, тетушкамъ, дядюшкамъ и проч... Но вопросъ мой не въ этомъ. Затрудненіе касается того, какъ поступать священникамъ при бракосочетаніяхъ такихъ новоприсоединенныхъ, лѣта коихъ документально не установлены при выдачѣ послѣднимъ предбрачныхъ свидѣтельствъ? Въ этихъ случаяхъ есть опасность для священника ошибиться въ годахъ и повѣнчать несовершеннолѣтнихъ. Когда новоприсоединенныя дѣвицы или женщины выходятъ замужъ въ чужой приходъ, то почивающіе на буквѣ закона іереи могутъ (и бывало) возвращать обратно предбрачныя свидѣтельства на томъ основаніи, что въ нихъ не будетъ отмѣтки о времени рожденія по метрическимъ книгамъ.

Окружной миссіонеръ.

Изложенный вопросъ предусмотрѣнъ недавнимъ распоряженіемъ Новгородскаго епархіальнаго начальства. Послѣднее разъяснило одному священнику и объявило къ свѣдѣнію и руководству всего подвѣдомственнаго духовенства, «что въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ церковныхъ документовъ не представится возможнымъ извлечь свѣдѣнія о времени рожденія лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, въ особенности рожденныхъ и крещенныхъ въ расколѣ, нужно требовать отъ желающихъ брачиться представленія метрическихъ выписей о рожденіи изъ полицейскихъ метрическихъ книгъ, а если и въ нихъ не окажется записей, то копій съ посемейныхъ ихъ списковъ, и если документами этими вполнѣ будетъ установленъ совершеннолѣтній ихъ возрастъ, требующійся для повѣнчанія, выставлять лѣта ихъ въ обыскной книгѣ и въ предбрачныхъ свидѣтельствахъ на основаніи сихъ документовъ; но если встрѣтится какое-либо сомнѣніе, то входить въ консисторію за разъясненіемъ, чрезъ мѣстнаго благочиннаго».

Къ изложенному можемъ съ своей стороны присоединить свой совѣтъ, чтобы приходское духовенство въ подобныхъ случаяхъ всемѣрно старалось облегчать неофитамъ нелегкую задачу добыванія указанныхъ документовъ изъ разныхъ правительственныхъ учрежденій.

Необходимо-ли православному духовенству обращаться къ лютеранскимъ пасторамъ съ просьбою о производствѣ оглашенія при вступленіи въ бракъ нововозсоединенныхъ изъ лютеранства съ лицами православнаго-же исповѣданія, и нельзя-ли ограничиваться свѣдѣніями полиціи о лѣтахъ и семейномъ состояніи вступающихъ въ бракъ съ православными лютеранахъ и такимъ образомъ обходиться безъ пасторскихъ свидѣтельствъ?

(Вопросъ изъ письма свящ. Симбирской епархіи).

Закономъ предписано пасторамъ производить оглашеніе о лицахъ лютеранскаго исповѣданія, вступающихъ въ бракъ съ православными, а слѣдовательно и православное духовенство, по смыслу тѣхъ-же узаконеній, обязано относиться къ нѣмецкимъ пасторамъ съ просьбою объ оглашеніи (ст. 26—28 и ст. 62 п. 2, ч. 1, X т. св. зак., изд. 1887 г.). Ст. 228 ч. 1, т. XI, св. зак. (изд. 1857 г.) и ст. 1577 улож. о наказ. (изд. 1885 г.). Вслучаѣ если-бы инославное духовенство уклонялось отъ удовлетворенія этого законнаго требованія православнаго духовенства, то оно подвергается послѣдствіямъ, указаннымъ въ статьѣ 390 ст., ч. 1, т. XI св. зак. (изд. 1876 г. и ст. 193 и 167 улож. о наказ. изд. 1885 г.).

Возсоединенные изъ лютеранства нѣмцы уже сыны православной Церкви и потому, повидимому, нѣтъ уже надобности относиться къ нѣмецкимъ пасторамъ съ просьбою о производствѣ оглашенія о нихъ, тѣмъ болѣе, что эта проформа, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, поставляетъ въ крайне тягостное положеніе—новопри-

соединенныхъ, ибо «при всѣхъ сношеніяхъ ихъ съ фанатичными пасторами послѣ присоединенія, послѣдніе бросаютъ на главу отступниковъ отъ душе-пагубнаго лютеранства огнь и молнію». Для совершенія брака представляется достаточнымъ полученіе отъ пастора свидѣтельства метрическаго и удостовѣренія о семейномъ состояніи брачущагося съ православнымъ лицомъ бывшаго лютеранина.

Что касается второй половины вышеизложеннаго вопроса,—то онъ вызванъ, по объясненію нашего корреспондента, крайне тягостными для желающихъ вступить въ семью православныхъ лютеранъ утѣсненіями со стороны пасторовъ, всячески старающихся удерживать своихъ духовныхъ дѣтей отъ узъ родства съ русскимъ православнымъ населеніемъ. Если нѣмцы-колонисты, подъ ближайшимъ руководствомъ и духовнымъ вліяніемъ своихъ пасторовъ, не хотятъ знать русскаго государственнаго языка и держатся вдали отъ общерусской жизни, то, понятно, какія непреодолимыя преграды ставятся лютеранамъ, желающимъ вступить въ бракъ съ православнымъ лицомъ? «Возставитъ отца противъ сына, мать противъ дочери, подниметъ на ноги всю родню, душу вымотаетъ, сердце изсушитъ, мѣсяцы и годъ протянетъ пасторъ-фанатикъ прежде, чѣмъ выдастъ предбрачное свидѣтельство своему духовному сыну или дочери, вознамѣрившимся вступить въ бракъ съ русскимъ православнымъ», — свидѣтельствуетъ вопрошающій насъ іерей. Къ сожалѣнію, мы не можемъ указать закона, по которому-бы въ данныхъ случаяхъ православный священникъ могъ обойти пастора и ограничиться одними полицейскими свѣдѣніями. Подобное облегающее предбрачную процедуру смѣшанныхъ браковъ распоряженіе правительственное Высочайше издано въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III только относительно брачущихся съ русскими православными лицъ католическаго исповѣданія. По буквѣ законъ этотъ не простирается на лютеранское исповѣданіе, хотя по духу и характеру онъ долженъ-бы касаться и всѣхъ другихъ инославныхъ исповѣданій, особенно-же нѣмцевъ, пасторы которыхъ не менѣе фанатичны католическихъ ксендзовъ. Необходимо въ интересахъ православія и русской народности духовному вѣдомству войти въ установленномъ порядкѣ съ ходатайствомъ, что-бы упомянутое распоряженіе правительства, дозволяющее православному духовенству вѣнчать лицъ католическаго исповѣданія съ православными безъ истребованія ксендзовскаго метрическаго свидѣтельства, а на основаніи особаго заключеннаго полиціею акта, простиралось и на лютеранъ.

Настоящій важный въ церковно-государственномъ отношеніи вопросъ нелишне было бы обсудить на Казанскомъ Миссіонерскомъ съѣздѣ. Пока же мы можемъ посовѣтовать православному духовенству, при встрѣчѣ съ изложенными недоразумѣніями и затрудненіями, обращаться за разъясненіемъ и содѣйствіемъ къ мѣстной епархіальной власти, а самому тѣмъ временемъ отнюдь не оставлять безъ пастырскаго попеченія изъявившихъ намѣреніе вступить въ православную семью. Чтобы оградить возсоединенныхъ съ церковью изъ лютеранства, какъ равно и не возсоединенныхъ, но вознамѣрившихся вступить въ бракъ съ православнымъ лицомъ отъ

тягостныхъ личныхъ сношеній съ пасторами, приходскіе священники могли бы сами письменно въ оффиціальномъ порядкѣ требовать доставленія имъ нужныхъ предбрачныхъ документовъ и свѣдѣній. Въ случаѣ замедленія въ отвѣтѣ и вообще неуваженія ходатайствъ православнаго священника, слѣдуетъ доносить начальству.

Какъ понимать прошеніе великой ектеніи о соединеніи святыхъ церквей?.

Покорно прошу редакцію разъяснить: на какомъ основаніи православная Церковь благословляетъ бракъ православнаго съ католичкой и наоборотъ? Слѣдуетъ ли православному священнику пѣть молебны и панихиды о католикахъ, по просьбѣ католиковъ же или православныхъ ихъ родственниковъ? О соединеніи какихъ **святыхъ** *церквей* молится православная церковь на великой ектеніи?

Священникъ **А. Мар—ій.**

Изъ предложенныхъ вами, честный отче, вопросовъ заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія на страницахъ журнала одинъ лишь послѣдній. На прочіе же вопросы, если вы учились въ семинаріи, должны были встрѣтить отвѣты въ учебныхъ руководствахъ. Итакъ какъ же понимать прошеніе великой ектеніи о соединеніи церквей?

Нѣкогда на упрекъ, сдѣланный римско-католическими писателями православной Церкви въ томъ, что она молится о соединеніи церквей, но ничего не дѣлаетъ по предмету своей молитвы, извѣстный писатель А. И. Муравьевъ отвѣчалъ, что греко-восточная Церковь молится только о сохраненіи единенія между православными церквами, а не о возсоединеніи инославныхъ съ православною. Когда сдѣлано было замѣчаніе, что такой отвѣтъ не правиленъ, то Муравьевъ обратился за отвѣтомъ на сей вопросъ къ приснопамятному московскому святителю Филарету. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій. Латиномудрствующій писатель обвиняетъ православную церковь въ томъ, что она молится о соединеніи церквей и остается въ бездѣйствіи. Православный писатель, отвѣчая на сіе, говоритъ, что она молится только о православныхъ церквахъ? не оскорбляютъ ли ее, поставляя такіе тѣсные предѣлы ея любви? Неужели православная церковь не желаетъ спасенія инославнымъ церквамъ чрезъ возвращеніе ихъ въ соединеніе съ православною церковію?

Какъ православная церковь выражаетъ свою молитву о соединеніи церквей?—О мирѣ *всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей; и соединеніи всѣхъ, Господу помолимся.* Если бы молитва должна была имѣть ограниченное значеніе о православныхъ только церквахъ: то надлежалобъ поставить слова такъ: *о благостояніи и соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей Господу помолимся,* но не такъ поступлено, а раздѣлена молитва на двѣ части: 1) *о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей;* 2) *и соединеніи всѣхъ.* Молитва сія приносится всегда и въ мирное, и не въ мирное для церквей время. Слѣдственно, первая часть молитвы имѣетъ слѣдую-

щее значеніе: *о благостояніи*, т. е., о состояніи мира и единства *святыхъ Божіихъ церквей* православныхъ, чтобы *благостояніе*, уже имъ дарованное, было сохранено, а если гдѣ-либо чѣмъ-либо нарушено, было вновь даровано благодатію Божіею. Согласно съ симъ и вторую часть молитвы должно разумѣть *о соединеніи* церквей, чтобы оно было сохранено, поколику существуетъ, и чтобы было возстановлено, поколику гдѣ-либо нарушено. Въ сей второй части молитвы поставлено слово: *всѣхъ*, котораго нѣтъ въ первой: а сіе даетъ разумѣть, что значеніе второй части обширнѣе, нежели первой. Изъ того, что вторая часть не соединена съ первою, а отдѣлена, должно заключить, что не все, содержащееся въ первой, должно быть отнесено ко второй: и потому нѣтъ нужды дополнять вторую такъ: *о соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей;* а надлежитъ дополнить только такъ: *о соединеніи всѣхъ церквей*. Посему православная Церковь молится о соединеніи церквей такъ, чтобы соединеніе православныхъ церквей существующее было благодатію Божіею сохранено и чтобы благодатію Божію возстановлено было соединеніе съ православною Церковію и тѣхъ церквей, которыя отдѣлило отъ нея какое-либо неправое ученіе.

Противъ сего изъясненія молитвы не представятъ-ли въ качествѣ возраженія то, что въ диптихахъ, на проскомидіи, неправославныхъ не поминаютъ? Отвѣтствуемъ: это дѣло иное. Иное дѣло молиться о соединеніи съ православною Церковью неправославныхъ церквей въ обширномъ составѣ молитвъ, объемлющихъ весь міръ: а иное поминать неправославныхъ въ диптихахъ при таинствѣ евхаристіи. Неправославные самымъ неправославіемъ своимъ отлучили себя отъ общенія таинствъ православной Церкви: сему соотствуетъ непоминаніе ихъ при таинствѣ евхаристіи и исключеніе изъ диптиховъ. А что и въ литургіи вѣрныхъ можно молиться о возсоединеніи церквей, отдѣлившихся отъ православной, о томъ зри въ литургіи Василія Великаго молитву: *утоли раздоры церквей*. Раздоры церквей отъ того, что иная церковь не покоряется въ нѣкоторыхъ частяхъ православному ученію, и слѣдственно, впадаетъ въ состояніе раскола. Святый Василій и такую церковь не исключаетъ изъ своей молитвы: «утоли раздоры церквей». Когда антіохійскій патріархъ Іоаннъ съ своими епископами не покорился православному опредѣленію ефесскаго собора, и на предсѣдателя его, святаго Кирилла александрійскаго, произнесъ осужденіе, и слѣдовательно впалъ съ своею церковію въ состояніе раскола: можно-ли подумать, что святый Проклъ и константинопольская церковь, молясь о соединеніи всѣхъ церквей, не молились сею самою молитвою и о возсоединеніи антіохійской церкви? [1])

Итакъ, пусть благочестивая ревность молится преимущественно *о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей* православныхъ, и о сохраненіи въ нихъ благодатію Божіею *единенія духа въ союзѣ мира*. Но пусть и всеобъемлющая любовь христіанская молится и *о соединеніи всѣхъ* церквей, и о возсоединеніи съ православною Церковію

[1]) Приб. къ твор. свв. отецъ 1860 года XIX, 2 стр., Пис. Мурав. 566—568 стр.

уклонившихся отъ нея неправыми ученіями, да будетъ, по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа, *едино стадо*, какъ уже есть Онъ *единый Пастырь* и Владыка Своей Церкви на земли и на небесіи, во времени и въ вѣчности [1]).

Изъ сказаннаго вамъ долженъ быть ясенъ отвѣтъ и на вашъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли православному священнику пѣть молебны и панихиды о здравіи и за упокой католиковъ или вообще членовъ инославныхъ церквей.

Понятно, что не подобаетъ бросать бисера православныхъ молитвословій предъ тѣми и за тѣхъ, кто попираетъ его ногами; кто не вѣруетъ или не вѣровалъ въ истину и святость православной Церкви. Извѣстны впрочемъ случаи, что наши православные архипастыри, ради утѣшенія скорбей и по вѣрѣ православныхъ родственниковъ усопшихъ иновѣрцевъ, разрѣшаютъ приходскому духовенству отпѣвать панихиды по послѣднимъ. Слѣдовательно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ пастырямъ нужно испрашивать благословеніе своихъ архипастырей.

Бракъ иновѣрцевъ христіанъ съ православными благословляется Церковью на точномъ основаніи ученія священнаго Писанія: *невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ* (1 Корнѳ. 7, 14).

Подробнѣе прочтите въ богословіи м. Макарія.

Изъ дневника пастыря—миссіонера.

Двадцатилѣтняя борьба съ штундою и троекратное одолѣніе [2]).

1883 годъ. За выбытіемъ Школьного общиною штундистовъ въ Моринцахъ стали заправлять: нареченный діаконъ Иванъ Андріенко и его помощникъ Евтихій Кириченко. Слабый, болѣзненный, хотя и очень смышленный, Андріенко не проявлялъ особенной дѣятельности по своей профессіи и только неопустительно держалъ воскресныя собранія и порядки, унаслѣдованные отъ предшественника. Не было ни для кого тайной, что старикъ Данило его поощрялъ и поддерживалъ всѣми силами и средствами. Всѣ видѣли, какъ онъ дѣлился съ Андріенкомъ своей черной коровой: живя на противоположномъ концѣ села, онъ или дочь его несмотря на дальнее разстояніе, каждое утро гоняютъ ее черезъ все село, чтобы выдоить въ дворѣ Адріенко и ея молокомъ накормить его семью. Помощникъ его Кириченко замѣчателенъ тѣмъ, что, не бывъ въ школѣ, выучился довольно бѣгло и толково читать евангеліе, будучи уже женатымъ, когда

---

[1]) Записки о жизни и времени святилеля Филарета м. Московск., составл. Н. Сушковымъ. М. 1868 г., прил. стр. 162.

[2]) См. Мисс. Обозр. 1896 г. Декабрь, кн. 1.

поступилъ въ штунду. Натура гибкая, живая, голова бойкая и смышленная. Его очень занимали религіозные вопросы, порожденные штундой, и онъ силился рѣшить ихъ — чего бы это не стоило, хотя для себя одного. Въ то время къ мельницѣ моей, на церковномъ полѣ устроенной, приставленъ былъ человѣкъ съизмала служившій у меня работникомъ семь лѣтъ сряду и глубоко мнѣ преданный, именемъ Ѳеодоръ. Любознательный отъ природы, онъ многое изъ ученія христіанскаго усвоилъ незамѣтно изъ моихъ разговоровъ съ семьею и людьми приходящими. Тутъ же получилъ онъ и безъукоризненное нравственное направленіе. Онъ не могъ быть равнодушнымъ къ лицамъ, осмѣливавшимся попирать его завѣтныя православныя убѣжденія, и, хотя былъ неграмотенъ, заводилъ съ штундистами серьезныя пренія, и часто поражалъ ихъ. Вотъ къ нему-то теперь мучимый недоумѣніями Кириченко и началъ обращаться съ вопросами: мельница была вблизи и не составляло для него большаго труда каждый день уходить въ нее для свиданія съ мельникомъ Ѳеодоромъ. Выслушивая вопросы и рѣшая ихъ сначала самъ, какъ могъ, Ѳеодоръ при первой возможности являлся ко мнѣ и отъ меня получалъ уже обстоятельное ихъ рѣшеніе, каковое своею не замѣнимою въ данномъ случаѣ простонародною рѣчью и передавалъ своему собесѣднику. Долго такъ я бесѣдовалъ съ Кириченкомъ чрезъ чужія уста, причемъ разрѣшилъ слѣдующія его недоумѣнія: гдѣ душа въ человѣкѣ, что ожидаетъ человѣка по разлученіи его души съ тѣломъ, скоро ли будетъ воскресеніе мертвыхъ, можно ли живущаго человѣка причислить къ лику святыхъ и друг. Но особенно занималъ Кириченка вопросъ о крещеніи водою. Слыша, что и въ Чаплинкѣ объ этомъ мнѣнія двоятся,—одни дѣтей крестятъ и принимаютъ чашу, другіе это отвергаютъ — онъ долго томилъ насъ этимъ вопросомъ, и вотъ какіе мотивы на эту тему Ѳеодоръ ему выставлялъ: «мы — говорилъ Ѳеодоръ—читаемъ: вѣрую.... во едино крещеніе, также какъ одинъ Господь и одинъ у Него крестъ. Если до насъ было крещеніе, которое совершали батюшки (правосл. священники), то крещеніе, которое выдумали въ Чаплинкѣ, есть уже не первое а второе, слѣдовательно—фальшивое. Кириченко выслушавъ заключилъ отъ себя: «значитъ, если три года прожилъ я безъ вѣры въ крещеніе, а теперь желаю къ крещенію возвратиться: то лучше--къ тому, которое исперва было, и есть теперь у православныхъ священниковъ, чѣмъ къ тому, о которомъ спорятъ въ Чаплинкѣ»—и уже больше о крещеніи насъ не спрашивалъ.

Нынѣшній великій постъ былъ для меня и легче и отраднѣе предыдущихъ: на первой его седмицѣ говѣлъ возсоединенный Ѳеодосій, и—его примѣру послѣдуя, на страстной явился къ исповеди и Иванъ Овчаренко съ женою. У васъ есть, кажется, дѣти некрещенные? спросилъ я послѣдняго. «Есть, батюшка, потерпите, изберемъ когда — либо день и окрестимъ». И точно, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно на другой день храмоваго праздника, 27 сентября они пригласили родныхъ, сосѣдей, кумовей, причтъ *въ свой домъ*, и мы торжественно и съ великою радостію окрестили у нихъ девятилѣтняго сына Савву и двухлѣтнюю дочь Марію.

Съ подновленнымъ ревніемъ повелъ я аттаку на ослабѣвающую въ приходѣ штунду: усилилъ проповѣдь, обставилъ новою торжественностію церковное Богослуженіе, во дни коронаціи открылъ крестные ходы и молебны на поляхъ и въ Управѣ, гдѣ сотнями раздалъ народу Троицкіе листки и брошюры. Но въ семъ же году угодно было Господу подвергнуть испытанію нашу вѣру и посѣтить меня пожаромъ. 13 августа, въ 9 часовъ дня вспыхнувшее отъ неосторожности прислуги въ сараѣ пламя охватило весь мой домъ и службы. На пожарище явилось чуть не все село съ участіемъ и помощію въ моемъ несчастіи. Смягчились и согрѣлись отъ огня сердца ожесточенныхъ штундистовъ: изъ нихъ Кириллъ Гаркуша весь день просидѣлъ на соломенной крышѣ моего флигеля, и орошая его водой, уберегъ отъ огня. Глядя на него, я говорилъ мысленно: не унывай, душе моя, не приходи въ отчаяніе отъ сего *огненнаго искушенія, тебѣ посылаемаго* (1 Петр. **4**, 12), утѣшься тѣмъ, что оно гаситъ пламя раздора между разномыслящею братіею о Христѣ.

Въ семъ же году произведено нами обновленіе иконостаса и установленіе двухъ новыхъ прибавленій его въ притворахъ. Я и этимъ случаемъ воспользовался, чтобы мятущіеся умы направить къ истинѣ Христовой. За престоломъ установили мы въ изящномъ кіотѣ образъ (чтимый и штундистами) Іисуса Христа въ натуральную величину, одѣтаго въ хитонъ, правой рукой благословляющаго, а въ лѣвой держащаго евангеліе. Надъ вратами, гдѣ прежде читалось: «сія врата Господня, праведніи внидутъ въ ня», мы рѣшили написать: **поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его** (Пс. **28**, 2). Подъ намѣстными иконами, на нижнихъ тумбахъ искусною работою написаны: установленіе Іисусомъ Христомъ Таин-

ства Причащенія, гдѣ Онъ представленъ подносящимъ Чашу жизни каждому апостолу, бесѣда Его съ Никодимомъ о крещеніи, крещеніе евнуха въ рѣкѣ, видѣніе ап. Петромъ плащаницы, наполненной животными (что Богъ очистилъ, того ты не считай сквернымъ), поглощеніе Дафана и Авирона землею, также отверженіе Саула за непослушаніе, и другія священныя событія, опровергающія штундистскія заблужденія. Внизу каждой изъ сихъ священныхъ картинъ дословнымъ библейскимъ текстомъ приложены обстоятельныя надписи съ указаніемъ мѣста, откуда онѣ выписаны. Въ притворахъ на главныхъ кіотахъ изображены: воздвиженіе Креста Господня съ надписью внизу: **слово крестное погибающимъ юродство, намъ же, спасаемымъ: сила Божія есть**; Покровъ пресв. Богородицы съ надписью:» **отнынѣ ублажатъ Мя вси ради**, яко сотвори мнѣ величіе Сильный»; образъ великомученика Никиты, крестнымъ знаменіемъ отгоняющаго отъ себя сатану, съ надписью: *Господи, оружіе на діавола* **крестъ Твой** *далъ еси намъ;* образъ Іоанна Многострадальнаго, опаляемый пастію діавола въ видѣ змія, надпись: *сей родъ ни чимъ же исходитъ, токмо молитвою и постомъ...* (Въ обоихъ случаяхъ непригожая фигура діавола поставлена у ногъ угодника, въ тѣни и едва замѣтно). Школьники и всѣ грамотѣи, являясь въ церковь по первому звону, съ охотою и любовію прочитываютъ эти надписи, переходя отъ одной иконы къ другой и слагая въ сердцѣ своемъ православныя истины, въ нихъ проповѣдуемыя. Въ тѣхъ же видахъ съ улицы надъ воротами, открывающими входъ въ погостъ церковный, установлена башенька съ эмблематическими изображеніями и со стороны улицы и со стороны погоста. На первой сторонѣ изображены двѣ чаши, одна съ водою, другая съ виномъ, переполненныя; около первой надпись: **тайна крещенія**, около второй: **тайна причащенія**; сверху Духъ Святый въ видѣ голубя, кругомъ надпись: *три свидѣтельствуютъ на земли: духъ, вода и кровь* (1 Іоан. **5**, 8). На внутренней сторонѣ башенки изображено два древа; около перваго надпись: *древо преслушанія*, около втораго — трехсоставнаго: *древо послушанія*; среди ихъ вознесеный Моvсеемъ на знамя мѣдный змѣй; кругомъ надпись: *якоже Моvсей вознесе змію въ пустынѣ, тако подобаетъ вознестися* на древо *Сыну Человѣческому*—Іисусу Христу (Іоан. **3**, 14). Входящіе и выходящіе останавливались, осматривали изображенія, читали надписи, и изъ нихъ, какъ изъ книгъ, черпали для себя и новыя познанія въ вѣрѣ и новую ревность по вѣрѣ.

1884 годъ. Однако живуча наша штунда. По моимъ предположеніямъ она должна бы хирѣть, ослабѣвать, а она проявляетъ признаки еще бодрой жизни. На дняхъ Андріенко затянулъ въ свое собраніе моего мельника Өеодора. «Встрѣтилъ—говоритъ Өеодоръ—меня онъ около своего двора и умильно проситъ: зайдите, дядюшка, посѣтите наше собраніе. Со мною, говоритъ, былъ и кумъ Макаръ. Зайдемъ, говоритъ кумъ, вѣдь у насъ на плечахъ не кочанъ капусты, не отуманятъ. И зашли. Собраніе держалъ самъ Андріенко, были всѣ мѣстные штундисты, также какой-то солдатъ и двѣ женщины изъ Чаплынки. Пропѣли «Отче нашъ», почитали евангеліе о мытарѣ и фарисеѣ, потолковали о сердечной молитвѣ, стали на колѣни, молча помолились, поцѣловались и тѣмъ богомоленіе кончилось, начали готовиться къ угощенію. «Что—спрашиваетъ меня Андріенко—хорошо въ нашемъ собраніи»?—«Хорошо, отвѣтилъ Өеодоръ съ Макаріемъ,—только прежде церковную бы службу выслушать, тогда въ придачу и домашняя не лишняя, а безъ церковнаго благословенія это—одно бунтовство». За тѣмъ и откланялся имъ Өеодоръ, хотя они усердно его удерживали.—На дняхъ я получилъ отъ своего начальства извѣщеніе, что изъ пяти писемъ, найденныхъ при обыскѣ высылаемаго въ Сибирь штундиста деревни Гуты Черкасскаго уѣзда Авксентія Мамая, открылось, что онъ ведетъ съ Евтихіемъ Кириченкомъ и прочими моринскими штундистами переписку. Этотъ фактъ и предыдущій дали мнѣ понять, что ни на одну минуту хитрой штунды нельзя упустить изъ глазъ, и дѣйствивать на нее безъ всякаго послабленія. Открыть ли Евтихію и его товарищамъ, что я знаю о ихъ перепискѣ съ Мамаемъ? Я рѣшилъ скрыть это отъ нихъ, дабы они меньше предо мной скрывались, не лицемѣрили. Но однажды въ разговорѣ нечаянно упомянулъ имя Мамая; всѣ переглянулись и вопросительно уставились на меня. Я, конечно, не удовлетворилъ ихъ любопытства, но и не раскаеваюсь, что произнесъ это имя: пускай, все таки вѣдаютъ, что и намъ не безъизвѣстны ихъ темныя похожденія.

Мой мельникъ, однако, не худо сдѣлалъ, что присутствовалъ на собраніи въ домѣ Андріенка: онъ съ нимъ сблизился, какъ съ Кириченкомъ, а это можетъ привести къ добрымъ послѣдствіямъ. Нареченный штундовый діаконъ Андріенко недавно являлся къ Өеодору и просилъ у него взаймы нѣсколько хлѣба для прокормленія семьи. Өеодоръ далъ ему изъ своихъ мельничныхъ доходовъ пуда

два муки безвозвратно. Дорогой онъ прихожанинъ... Когда о семъ поступкѣ своемъ онъ мнѣ разсказывалъ, я похвалилъ его. Слышу, къ Пасхѣ Ѳеодоръ еще разъ одарилъ съѣстными припасами бѣдную семью Андріенка. Я мысленно благословлялъ его, и вознесъ тайную молитву о здравіи и всякомъ добромъ преспѣяніи добраго прихожанина.

Всещедрый Господь въ нынѣшнемъ году сторицею вознаградилъ мои прошлогоднія потери отъ пожара. Урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ на моемъ участкѣ преизобильный, а прихожане нашли средства построить мнѣ новый, очень удобный домъ со службами. Въ самую годовщину пожара, 13 августа, которая пришлась теперь въ воскресный день, я собрался освятить этотъ домъ, для чего послѣ литургіи пригласилъ къ себѣ всѣхъ прихожанъ, съ которыми полнымъ крестнымъ ходомъ и отправился въ свой дворъ. По освященіи дома и окропленіи всего двора освященною водой, всѣмъ предложена была трапеза, однимъ въ домѣ, другимъ на дворѣ. Все это было поведено и въ строго-церковномъ порядкѣ и въ духѣ нелицемѣрной взаимной любви, почему въ свою мѣру также повліяло благотворно на нашихъ отщепенцевъ. По крайней мѣрѣ Евтихій Кириченко неоднократно къ случаю повторялъ: «да, это придумано благочестиво, это сдѣлано по христіански». Добрый признакъ!— рѣшилъ я мысленно: если онъ начинаетъ насъ похваливать, скоро будетъ яко единъ отъ насъ. Но нашимъ скоро сталъ не Кириченко, а опередившій его Андріенко. Сей послѣдній приходитъ какъ-то послѣ жатвы къ Ѳеодору мельнику и говоритъ: «жена моя калѣка (у нея сведены на рукахъ пальцы), дѣти малы, я слабъ и всѣ терпимъ великую нужду, а между тѣмъ братья совсѣмъ забыли меня. Остается и мнѣ, по примѣру Ѳеодосія, покинуть новую вѣру и возвратиться къ старой».—«Чтожъ? отвѣчалъ Ѳеодоръ, Боже благослови! да и я непрочь пособить». Съ тѣхъ поръ Андріенко сталъ свыкаться съ мыслію о возвращеніи въ православіе и готовиться къ нему. Жена его находилась въ беременности и актъ возсоединенія отлагался до времени разрѣшенія ея отъ бремени. Ноября 2 она родила сына, котораго я молитвовалъ и нарекъ Іосифомъ; 3 числа въ домѣ Андріенка было великое торжество: при большомъ стеченіи народа крещены его сыновья: новорожденный Іосифъ и пятилѣтній Іаковъ. Само собой понятно, что воспріемникомъ старшему сыну и главнымъ распорядителемъ торжества здѣсь былъ дядя Ѳеодоръ, съ тѣхъ поръ

ставшій навсегда попечителемъ бѣднаго семейства. Такъ закончился для насъ восемдесятъ четвертый годъ, составившій въ общемъ довольно свѣтлую страницу въ исторіи нашей приходской жизни.

1885 годъ. Съ удовольствіемъ могу отмѣтить тотъ фактъ, что штундовая община, какъ видно, разлагается: число братіи въ ней значительно уменьшилось и некому устроять собраній. Поглядываютъ они на Евтихія, отъ него ждутъ распоряженій, но что-то и онъ отъ нихъ сторонится. Еще въ декабрѣ прошлаго года у него родилась дочь; чрезъ бабу—повитуху онъ передалъ мнѣ записку, въ которой именуетъ меня своимъ духовнымъ отцемъ и проситъ новорожденной дочери дать имя Анастасіи. Желаніе исполнено; онъ очень радъ, и въ день новаго года его видѣли въ церкви. Но отъ чего же онъ медлитъ крещеніемъ дочери и своимъ возвращеніемъ? Кажется, онъ выжидаетъ — не оправится ли штунда и не предложитъ ли ему верховенство надъ собою съ обязательствомъ давать и содержаніе. Никто не знаетъ—что въ человѣкѣ: одинъ Богъ, да живущій въ немъ духъ. Послѣ іорданскаго освященія водъ обходилъ я приходъ «съ кропиломъ», былъ и во всѣхъ домахъ штундистскихъ; прежняго возбужденія и слѣда нѣтъ: подносишь крестъ—всѣ прикладываются, даже оскорбляются, если выскажешь сомнѣніе. Почему, говорятъ, крестъ не цѣловать? Это вѣдь не уморитъ» (не умертвитъ). Разительное измѣненіе въ мысляхъ и поступкахъ. Наступилъ великій постъ и штунда вконецъ насъ порадовала. На первой седмицѣ съ первыхъ же дней началъ хожденіе въ церковь и отговѣлся Евтихій Кириченко, а во вторникъ слѣдующей седмицы въ своемъ домѣ, при стечиніи родныхъ и сосѣдей, окрестилъ по православному чину и дочь свою Анастасію. Послѣдуя его примѣру, въ день Благовѣщенія, который пришелся въ пятницу третьей седмицы, отговѣлся Степанъ Школьный съ женою Іуліаніею, а на слѣдующій день въ своемъ домѣ съ подобающимъ торжествомъ окрестилъ двоихъ своихъ дѣтей,—трехлѣтнюю Евдокію и однолѣтняго Симеона. Въ виду этихъ возвращеній настроеніе прихода, не смотря на постъ, было какое-то праздничное: всѣ ублажали возвратившихся, окружали ихъ вниманіемъ, ласками, услугами; я старался, чтобы никто не помянулъ ихъ прежнихъ ошибокъ, не попрекнулъ бывшимъ отпаденіемъ... Размягчился и суровый Данило Школьный; видя общую любовь и радость о Господѣ, примкнулъ и онъ наконецъ къ намъ: въ субботу Лазареву и онъ отговѣлся съ женою

самоохотно, безъ всякаго напоминанія. Растрогалъ онъ насъ предъ причащеніемъ св. таинъ: проговоривъ вслухъ положенную молитву, прежде чѣмъ подойти къ св. чашѣ, онъ обратился къ стоявшему въ церкви народу и троекратно громко произнесъ: «простите меня, братія»!—«Богъ проститъ»—отвѣчали вѣрные, со слезами радости. Наступившіе дни Пасхи были для насъ сугубо радостны; наступившее лѣто и весь остатокъ сего года мы провели такъ благодатно и мирно, какъ давно уже не проводили.

1886 годъ, годъ отдыха. Оставшіеся въ приходѣ два штундиста, Савва Шлихта и Кириллъ Гаркуша, не грамотные, не поддерживаемые женами, укоряемые собственными дѣтьми, не возбуждали опасеній, ибо не пропагандировали. Я не счелъ нужнымъ наскучать имъ сухими разсужденіями о предметахъ, превышающихъ ихъ понятія, а предоставилъ ихъ доброму вліянію семьи и окружающей среды православной, въ надеждѣ, что мирныя отношенія и всеисцѣляющее время и ихъ измѣнитъ къ лучшему.

Свящ. **І. Березницкій.**

(Продолженіе будетъ).

Лѣтопись печати по вопросамъ миссіи.

По поводу пятидесятилѣтія австрійскаго лже-священства („Симб. Епарх. Вѣд.“). Изъ воспоминаній бывшаго лже-попа противо-окружника („Вятск. Епарх. Вѣд.“). Роль женщины въ сектантскомъ и раскольническомъ мірѣ („Странникъ“, „Калужск. Епарх. Вѣд.“). Полемика по вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ и о церк.-прих. школѣ, какъ средствахъ миссіонерской борьбы съ расколомъ и сектантствомъ („Братск. сл.“ „Мисс. Сборн.“ и „Нар. Образ.“). Къ характеристикѣ современнаго состоянія раскола („Калужск. Епарх. Вѣд.“).

28 октября прошлаго года исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня учрежденія такъ называемой австрійской или Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи. По этому поводу въ «Симбирскихъ Епарх. Вѣдом.» за нынѣшній годъ (№№ 3—6) весьма кстати напечатана статья свящ. С. Введенскаго «О происхожденіи такъ наз. австрійскаго священства и его несостоятельности съ исторической точки зрѣнія». Главныя обстоятельства перехода къ старообрядцамъ бывшаго Босно-Сараевскаго митрополита Амвросія, положившаго начало австрійской лже-іерархіи, достаточно извѣстны: извѣстно, что

Амвросій, лишенный каѳедры, жилъ съ сыномъ въ Константинополѣ и терпѣлъ нужду въ деньгахъ, а старообрядцы, нуждавшіеся въ архіереѣ и искавшіе таковаго, соблазнили Амвросія къ переходу обѣщаніемъ приличнаго жалованья и спокойной жизни. На фактъ, что австрійская іерархія основана на симоніи и что самое учрежденіе ея было въ существѣ дѣла простой денежной сдѣлкой, оформленной обыкновеннымъ контрактомъ, чаще всего указываютъ и въ полемикѣ съ послѣдователями и защитниками австрійскаго священства. Эта сторона дѣла достаточно освѣщена и въ статьѣ о. Введенскаго, но въ послѣдней особенный интересъ представляетъ еще и другая сторона, которая, сравнительно, мало выдвигается нашими противо-раскольническими миссіонерами и полемистами,—это, именно, тѣ факты изъ исторіи перехода Амвросія къ старообрядцамъ, которые показываютъ, что Амвросій, переходя къ старообрядцамъ, самъ не зналъ хорошо, къ кому онъ переходитъ, а когда узналъ и созналъ свой невольный грѣхъ отдѣленія отъ церкви, глубоко въ немъ раскаевался и хотя, по слабости характера и матеріальной зависимости отъ старообрядцевъ, не могъ уже уйти отъ нихъ, тѣмъ не менѣе всегда до самой своей смерти продолжалъ считать себя членомъ Греческой церкви, которую новая его паства признавала зараженною еретичествомъ.

Склоняя Амвросія къ переходу въ старообрядчество, Павелъ Бѣлокриницкій съ товарищами не сочли, конечно, полезнымъ раскрыть предъ нимъ всю правду о своемъ обществѣ. Они не говорятъ ему о своихъ отношеніяхъ къ православной Церкви, умалчиваютъ объ осужденіи ихъ общества на соборѣ 1667 года, о признаніи ими Греческой церкви еретическою, умалчиваютъ и о томъ, что ему какъ еретику, при переходѣ въ расколъ, нужно будетъ подвергнуться чинопріему, или, по крайней мѣрѣ, проклясть мнимыя ереси Греко-россійской Церкви. Лукавый Павелъ говорилъ незнавшему раскола Амвросію, что они, старообрядцы, отличаются отъ греческой церкви только обрядами, и что вотъ къ нимъ, неимущимъ пастыря, они и просятъ его, Амвросія. Обманъ удался. Амвросій вполнѣ успокоился на томъ предположеніи, что при переходѣ къ старообрядцамъ онъ не измѣнитъ вѣрѣ и не порветъ связи съ греческою церковію, а только сдѣлается пастыремъ немощныхъ совѣстію людей, употреблявшихъ лишь «старые» обряды вмѣсто греческихъ,—и онъ, наконецъ, согласился на этотъ переходъ.

Но заблужденіе Амвросія должно было разсѣяться при первой-же встрѣчѣ съ своей новой паствой и когда, по пріѣздѣ въ Бѣлую Криницу, ему открыли, что онъ митрополитъ будетъ принятъ къ старообрядцамъ чрезъ мѵропомазаніе. Амвросій, конечно, вполнѣ понималъ, что это значитъ; но теперь онъ былъ, какъ «рыба во мрежи сѣдящая...»

Самый чинопріемъ Амвросія не обошелся безъ обмана и притомъ такого, которымъ, собственно говоря, уничтожалось всякое значеніе самого чинопріема. Амвросій, стоя предъ царскими вратами, велегласно на славянскомъ языкѣ проклялъ всѣ ереси по чину пріятія приходящихъ отъ яковитъ (Потр. Филар. гл. 79), написанному для него греческими буквами. Очевидно, что когда онъ проклиналъ ереси, онъ не понималъ ничего изъ того, что произносилъ. Но мало того: по свидѣтельству старообрядческаго писателя лже-епископа Конона, «проклятіе своихъ ему (Авросію) ересей *ради политики* не читалось». Старообрядцы, - - желая облегчить Амвросію переходъ къ нимъ («ради политики»), избавили его отъ необходимости проклинать то, что онъ считалъ принадлежностью своей вѣры, а этимъ превратили самый чинопріемъ въ пустую комедію. Ибо, какъ справедливо разсуждаетъ о. Введенскій, если Амвросій не проклиналъ «своихъ ему ересей», то, значитъ, греческіе обряды: троеперстіе, троекратное аллилуя и прочіе не признавались ересями. Но тогда зачѣмъ его принимали, какъ еретика, вторымъ чиномъ? Если-же всѣ эти обряды признавались ересями, то почему-же отъ Амвросія не потребовали проклятія ихъ? Если Амвросій до перехода въ расколъ признавался еретикомъ, то безъ чина отреченія отъ своихъ ересей онъ и по переходѣ въ расколъ продолжалъ оставаться еретикомъ, а потому и вся происшедшая отъ него іерархія должна быть признана, съ точки зрѣнія самихъ раскольниковъ, еретическою.

А между тѣмъ старообрядцы должны признать, что Амвросій даже послѣ чинопріема продолжалъ оставаться еретикомъ, т. е. продолжалъ тяготѣть къ родной греческой церкви. Изъ многихъ достовѣрныхъ источниковъ и между прочимъ изъ разныхъ сочиненій самихъ-же старообрядческихъ писателей съ несомнѣнностью открывается, что Амвросій, перейдя вслѣдствіе нужды, обмана, подкупа и слабости воли къ раскольникамъ, въ душѣ однако и не думалъ быть настоящимъ раскольническимъ архіереемъ. Въ душѣ онъ всегда оставался чуждъ раскольникамъ и расколу: на проскомидіи онъ выни-

малъ частицу за поставившаго его патріарха Григорія, какъ-бы желая показать этимъ, что считаетъ себя членомъ церкви греческой; онъ не желалъ исповѣдываться у старообрядческихъ лже-священниковъ и лже-епископовъ (имъ-же поставленныхъ!), а при требахъ, напр., при крещеніи внуковъ, приглашалъ греческое православное духовенство. Умирая онъ исповѣдывался и причастился у православнаго греческаго священника, и похороненъ на греческомъ кладбищѣ. Даже надпись на его памятникѣ: «Амвросій, бывшій Босно-Сараевскій митрополитъ», а не «Бѣлокриницкій», должна-бы ясно показывать старообрядцамъ, что тотъ, кого они считаютъ основателемъ своей іерархіи, самъ не желалъ признавать себя таковымъ.

Іерархія, получившая свое начало чрезъ обманъ и подкупъ, конечно, не могла внести въ общество старообрядцевъ ничего, кромѣ новыхъ смутъ и раздоровъ. Началось новое дѣленіе раскола на толки: пріемлющихъ и непріемлющихъ австрійское священство, затѣмъ окружниковъ и противо-окружниковъ и т. д. Началась борьба партій, ожесточенная полемика, взаимныя проклятія однихъ лже-епископовъ другими, соборныя низложенія. И, что особенно важно, эта борьба и раздѣленіе, продолжающіяся и до сихъ поръ, не ограничиваются одними только высшими, такъ сказать, сферами духовныхъ руководителей раскола, но охватываютъ собою и невѣжественную народную массу, посѣвая въ ней смуту, нестроенія, раздоры. Чрезвычайно яркую и интересную картину нестроеніе, внесенныхъ въ старообрядческій міръ австрійскою лже-іерархіею, мы находимъ въ печатающихся на страницахъ «Вятскихъ Епарх. Вѣдомостей» воспоминаніяхъ бывшаго лже-попа С. А. Наймушина. Наймушинъ принялъ православіе въ февралѣ прошлаго года; теперь онъ, какъ самъ себя называетъ, «незамѣтный человѣкъ, простой мужикъ», но въ расколѣ имѣлъ значеніе и даже былъ «миссіонеромъ всея Казанскія, Вятскія и Сибирскія страны». Вотъ какъ описываетъ Наймушинъ встрѣчу старообрядцами его деревни перваго попа австрійскаго поставленія. «Около 58 года пріѣхалъ къ намъ попъ австрійскаго поставленія о. Маркеллъ Рябовъ; радости нашей и конца не было... Слава Богу, доступили таки до истиннаго священства! Но, увы, вскорѣ появилось сомнѣніе. Первый мой крестный Григорій Минеичъ Наймушинъ куда-то ѣздилъ и разузналъ, что священство австрійское ложное. Собрали соборъ, судили, рядили, толку не могли добраться, принялись ругать Григорія Минеича, а подъ конецъ собора вытолкали

его». Но послѣ оказалась его правда: чрезъ мѣсяцъ уже не одинъ онъ сталъ проповѣдывать, что австрійское священство ложное, но и другіе. «Собрали соборъ опять, больше прежняго; сначала доказывали «отъ писанія», а потомъ, видя, что «писаніе» не беретъ, принялись за болѣе существенныя доказательства, т. е. по просту сказать: принялись бить новыхъ вѣроучителей. Едва они вырвались изъ моленной; мы погнались за ними съ рогачами, бросали въ нихъ камнями; но ноги у нихъ были быстрѣе нашихъ,—убѣжали»... Попъ Маркеллъ перешелъ, впрочемъ, въ православіе. «Въ 1870 году, продолжаетъ свой разсказъ Наймушинъ, появился у насъ въ округѣ новый попъ Тимофей Тимофеевичъ Гребенкинъ; рекомендовалъ себя непріемлющимъ «окружнаго посланія». Меня въ числѣ прочихъ отрядили въ депутаты къ нему, разузнать доподлинно, что за новая благодать изъявилась. Онъ намъ объяснилъ, что «окружники хуже еретиковъ—никоніанъ, въ нихъ самый духъ антихристовъ, они того же *Іисуса* признаютъ за Бога и четырехконечный крестъ не проклинаютъ». Показалъ намъ ставленую грамоту отъ Антонія 2-го (Шутова). Приняли его». Впослѣдствіи самъ Наймушинъ былъ поставленъ Іосифомъ въ попы для сибирскихъ противо-окружниковъ и велъ дѣятельную борьбу съ окружниками, посѣвая среди нихъ «раздоръ», т. е. раскрывая предъ ними, что епископы—окружники при поставленіи поповъ, обводятъ ихъ вокругъ престола противъ солнца, принимаютъ новыя книги единовѣрческой печати и т. п. Въ своихъ воспоминаніяхъ Наймушинъ разсказываетъ объ отдаленныхъ миссіонерскихъ поѣздкахъ къ окружникамъ, и о соборахъ, которые окружники собирали на него и на которыхъ дѣло почти всегда оканчивалось тѣмъ, что послѣ словесныхъ преній переходили къ дракѣ, при чемъ болѣе слабая сторона обращалась въ бѣгство, а другая начинала ликовать, что побѣдила «наша матушка правая вѣра». Вотъ, наприм., какъ описываетъ Наймушинъ одну изъ своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ. «Путеводитель мой Шишкинъ повезъ меня далѣе за р. Чумышъ. Іеромонахъ Евфимій, бѣжавшій съ Быструхинскаго собора, узнавъ, что я уже дѣлаю раздоръ за Чумышемъ, погнался за мной въ погоню, болѣе 500 верстъ проскакалъ и настигъ меня въ д. Зырянской, гдѣ и собралъ на меня опять соборъ. Я потребовалъ Номоканонъ, чтобъ доказать, что окружниковъ поповъ при посвященіи водятъ вокругъ престола противъ солнца. Съѣздили за Номоканономъ въ ближайшую деревню и за ѣзду стали

просить 1 р. 20 к. съ меня; я уперся, не сталъ отдавать деньги, такъ какъ оказалась моя правда: «посвящаемый водимъ бываетъ около престола, •якоже кажденіе», а кажденіе около престола бываетъ обыкновенно противъ солнца. Разгнѣвались на меня отцы собора, а іером. Евфимій свернулъ пачку бумаги и ткнулъ мнѣ ей въ лицо. Я смолчалъ. Стали требовать съ меня деньги, я не отдаю; стянули съ меня тулупъ. Приступили къ товарищу Шишкину: «отдай денежки!» Онъ тоже не поддался и съ него стащили кафтанъ. Закричали, зашумѣли, что васъ только слѣдуетъ въ куль, да въ рогожку и въ Чумышъ. Противъ такого насилія возстали сами окружники: «это, отцы, разбой, а не соборъ; на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ такихъ казусовъ не было»; а я и вставилъ словечко, что, молъ, истинная вѣра всегда бываетъ гонима, святые отцы и мученики еще не это терпѣли; а самъ тихонько съ товарищемъ ушелъ по огородамъ на квартиру, а ночью уѣхалъ въ Барнаулъ, а оттуда обратно въ Быструху. Все таки въ эту поѣздку я присоединилъ около 20 семействъ отъ окружниковъ, да и много выросъ въ глазахъ народа, какъ «претерпѣвшій гоненія за истинную вѣру».—

Свящ. А. Садовскій въ статьѣ подъ заглавіемъ «женщина—хлыстовка» («Странникъ» май 1897) отмѣчаетъ то господствующее положеніе, какое занимаетъ въ хлыстовствѣ женщина. Женщина стоитъ во главѣ хлыстовскаго корабля, она же ведетъ дѣятельную, хотя и осторожную пропаганду, подрываетъ довѣріе православныхъ къ духовенству, даже вступаетъ въ пререканія съ православными миссіонерами, причемъ не стѣсняется въ брани. Въ хлыстовствѣ мужчина, характерно прозванный «тихоня—хлыстъ», «отмежевалъ себѣ область тихаго созерцанія, пророческаго экстаза, предоставивъ активную роль женщинѣ, которая, дѣйствительно,—въ постоянномъ броженіи, вѣчно волнуется, вѣчно ищетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ своего дикаго заблужденія». И въ этомъ она нерѣдко успѣваетъ, потому что всегда прекрасно «знаетъ случай, когда можно пустить въ ходъ хлыстовскую идею, знаетъ поводъ, когда именно нужно провести въ народъ хлыстовскую тенденцію».

Впрочемъ, какъ извѣстно, женщина вообще очень часто играетъ выдающуюся роль въ разнаго рода религіозныхъ заблужденіяхъ. Въ частности это нужно сказать и о нашемъ расколѣ, среди послѣдователей котораго женщины нерѣдко являются въ роли руководи-

тельницъ, начетчицъ, уставщицъ и т. п. Обозрѣвая состояніе раскола въ Калужкой епархіи въ 1895 году на основаніи отчета мѣстнаго братства, г. Чельцовъ замѣчаетъ между прочимъ, что «много способствуютъ устойчивости раскола женщины, изъ которыхъ нѣтъ почти вовсе неубѣжденныхъ и расшатанныхъ. Особенно большое вліяніе имѣютъ женщины — начетчицы. Объ одной изъ таковыхъ пишутъ: она для своего общества — законъ; къ ней обращаются за разрѣшеніемъ во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ: когда какой праздникъ? можно ли на него работить? какіе обряды должно соблюдать при томъ или другомъ случаѣ? и т. п.» Мало того «даже объ одномъ раскольническомъ попѣ г. Чельцовъ замѣчаетъ, что онъ имѣетъ на пасомыхъ вліяніе, кажется, благодаря своей женѣ. Жена же его будто бы обучалась въ гимназіи; «на рѣчахъ бойка и знатокъ большой своего дѣла, по отзывамъ старообрядцевъ, выписываетъ и читаетъ газеты и книги, — первыя и изъ заграницы». Выступаетъ и на бесѣдахъ съ православными миссіонерами («Калужск. Еп. Вѣд.» № 4).

Объясненіе того факта, что въ хлыстовствѣ женщины играютъ первенствующую роль, авторъ упомянутой статьи видитъ въ самомъ характерѣ хлыстовства, заключающаго въ себѣ очень много суевѣрныхъ элементовъ. А извѣстно, что женщины всегда болѣе мужчинъ склонны къ увлеченію суевѣріемъ. Отсюда о. Садовскій заключаетъ, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противодѣйствія хлыстовству было бы широкое распространеніе среди женщинъ нашего народа религіознаго образованія, подъ руководствомъ и въ духѣ православной Церкви. Съ этимъ заключеніемъ нельзя, конечно, не согласится, какъ нельзя не признать и того, что вообще распространеніе образованія среди сектантовъ и раскольниковъ могло бы оказать великую пользу дѣлу миссіи, хотя главная-то причина магическаго вліянія хлыстовскихъ пророчицъ и богородицъ «на общину всетаки коренится въ культѣ чувственности, въ животномъ магнетизмѣ и экстазѣ» при ночныхъ радѣніяхъ, наконецъ, въ развратѣ, подъ видомъ «духовной любви». Не даромъ въ эти роли выбираются у хлыстовъ всегда лучшія красавицы общины.

Впрочемъ, по вопросу о томъ, какое въ дѣлѣ противораскольнической миссіи можетъ имѣть значеніе церковно-приходская школа, одинъ изъ нашихъ миссіонеровъ высказался недавно рѣшительно не въ пользу послѣдней. Свящ. Н. Кутеповъ въ статьѣ «Миссіонер-

скія собесѣдованія и церковно-приходскія школы, какъ средство къ ослабленію раскола» («Братское Слово», январь 1897), возражая на замѣчаніе «Церковнаго Вѣстника», что публичныя собесѣдованія съ раскольниками «никого изъ раскольниковъ не убѣждаютъ и не просвѣщаютъ» и что для миссіи среди раскола слѣдуетъ ожидать пользы отъ церковно-приходскихъ школъ, высказываетъ совершенно противоположный взглядъ,—именно, что если и бываютъ присоединенія раскольниковъ къ православію, то они являются именно результатомъ миссіонерскихъ собесѣдованій, церковная же школа можетъ принести пользу въ этомъ дѣлѣ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ нѣсколько измѣненъ нынѣшній типъ ея. Свою мысль о. Кутеповъ пытается доказать цифрами и фактами. Онъ сравниваетъ число присоединеній изъ раскола въ Донской епархіи, бывшее до учрежденія въ ней постоянной миссіи въ 1885 году, съ числомъ присоединеній послѣ учрежденія миссіи: въ 1882 г. присоединено изъ раскола 260 душъ, въ 1883 г.—265 душъ, въ 1884 г.—270 душъ; а съ учрежденіемъ миссіи въ 1886 г. присоединено изъ раскола 428 душъ, въ 1887 г.—438 душъ, въ 1888—476 душъ, а въ послѣдніе три года число ежегодныхъ обращеній изъ раскола доходило до 560 душъ. «Эти цифры, замѣчаетъ о. Кутеповъ, ясно и убѣдительно указываютъ на несправедливость того мнѣнія, будто бы миссіонерскія собесѣдованія не вліяютъ на дѣло присоединенія раскольниковъ къ православію». Если бывали присоединенія и до учрежденія постоянной миссіи, то таковыя присоединенія совершались «по преимуществу въ единовѣрческихъ приходахъ, причты которыхъ занимались и занимаются миссіонерскими собесѣдованіями съ раскольниками и по своему служенію являются не столько требоисправителями, сколько миссіонерами». Наконецъ и въ исторіи церкви о. Кутеповъ находитъ подтвержденія своей мысли о благоплодности миссіонерскихъ собесѣдованій въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ. Таковыя онъ видитъ, напримѣръ, въ миссіонерской борьбѣ бл. Августина съ расколомъ донатистовъ или въ противораскольнической дѣятельности Питирима Нижегородскаго, архимандрита Павла Прусскаго. Переходя затѣмъ къ вопросу о миссіонерскомъ значеніи церковно-приходской школы, о. Кутеповъ прежде всего заявляетъ, что, разсуждая объ этомъ вопросѣ, «мы будемъ имѣть дѣло только съ предположеніями, относящимися къ будущему, и ожиданіями, обоснованными лишь на однѣхъ только вѣроятностяхъ, такъ какъ по при-

чинѣ недавняго возрожденія церковной школы мы пока не имѣемъ для своихъ наблюденій поколѣнія людей, прошедшихъ церковную школу и достигшихъ такого зрѣлаго возраста, когда имъ свойственно бываетъ рѣшать серьезные вопросы о переходѣ изъ секты въ церковь». Впрочемъ о. Кутеповъ не отрицаетъ возможности миссіонерскаго воздѣйствія церковно-приходской школы на окружающую раскольническую среду, но только предполагаетъ, что для этого долженъ быть измѣненъ самый типъ и духъ современной церковной школы. Свою мысль онъ поясняетъ примѣромъ. Въ одной школѣ, на хуторѣ съ поголовнымъ раскольническимъ населеніемъ, былъ сначала учителемъ мѣстный казакъ, присоединившійся изъ раскола на правахъ единовѣрія. Хорошо зная духъ раскола, этотъ учитель не стѣснялъ въ школѣ дѣтей, относительно религіозныхъ обрядовъ. Предъ началомъ и по окончаніи ученія дѣти клали такъ называемый большой седмипоклонный началъ, крестились двуперстно; учились по книгамъ церковной печати—псалтири, часослову; пѣніе преподавалось на гласы по единовѣрческому напѣву. Молитвы заучивались по тексту старопечатныхъ, бывшихъ до п. Никона, книгъ. Но при изученіи закона Божія учитель особенное вниманіе обращалъ на вопросы о существенныхъ признакахъ истинной Церкви Христовой, о важности всѣхъ седми церковныхъ таинствъ для спасенія человѣка, объяснилъ право Церкви по благословнымъ причинамъ исправлять обряды. Въ объясненіяхъ по этимъ вопросамъ онъ не упоминалъ о неправотѣ вѣроученій раскола и даже избѣгалъ въ обыкновенныхъ разговорахъ съ дѣтьми произносить слово расколъ. При такихъ порядкахъ школа существовала два года и за это время число учениковъ въ ней доходило до 60 человѣкъ, изъ коихъ $^5/_6$ были дѣти изъ раскольническихъ семей. Но вотъ въ школу назначается новый учитель, бывшій прежде псаломщикомъ въ православномъ приходѣ. Новый учитель завелъ и новые порядки въ школѣ. Теперь, вмѣсто седмипоклоннаго начала, въ школѣ читались молитвы: «Царю Небесный» и «Достойно есть»; пѣнію учитель сталъ убучать по православному напѣву; молитвы заучивались по тексту исправленныхъ книгъ, напр., въ молитвѣ «Богородице, Дѣво, радуйся» читалось уже не «обрадованная Маріе», а «благодатная Маріе»: креститься дѣтямъ двуперстно хотя и не воспрещалось, но при этомъ замѣчалось учителемъ, что православное перстосложеніе не двуперстное, а троеперстное. И вотъ, благодаря всѣмъ этимъ перемѣнамъ,

раскольники перестали пускать въ школу своихъ дѣтей, говоря: въ ней учатъ по никоніански, — она намъ не нужна! «Едва-ли такую школу можно назвать помощницею миссіи среди раскола», восклицаетъ о. Кутеповъ. И на основаніи примѣра этой школы онъ въ заключеніе своей статьи высказываетъ слѣдующія соображенія. «Если мы желаемъ, чтобы церковная школа привилась въ раскольническомъ населеніи, необходимо въ школѣ терпѣть обряды, излюбленные расколомъ. Пользуясь-же пребываніемъ дѣтей въ школѣ, незамѣтно для нихъ самихъ и для ихъ родителей, напитывать ихъ православными понятіями о Церкви и таинствахъ, о правѣ Церкви по благословнымъ причинамъ исправлять обряды». «Пусть дѣти раскольниковъ, посѣщая церковную школу, исполняютъ свои, дорогіе ихъ сердцу обряды; не стѣсняйте ихъ въ этомъ отношеніи и не обличайте неправоты вѣроученій мнимыхъ старообрядцевъ, но незамѣтно для ихъ отцовъ напитывайте дѣтей раскольническихъ въ школахъ церковныхъ истинными понятіями о необходимости каждому христіанину принадлежать къ истинной Церкви Христовой для полученія спасенія, о томъ, что Христосъ установилъ седмь таинствъ для нашего спасенія, что право на совершеніе этихъ таинствъ Христосъ далъ апостоламъ и продолжателямъ ихъ служенія—епископамъ, а съ благословенія послѣднихъ и пресвитерамъ съ діаконами. Пусть всѣ эти понятія съ важнѣйшими ссылками на мѣста св. Писанія будутъ усвоены дѣтьми въ школѣ, — и можно надѣяться, что, по молитвамъ святой Церкви, благодать Божія со временемъ, когда дѣти станутъ мужами, возраститъ въ ихъ душахъ сѣмена православнаго ученія и расположитъ ихъ оставить расколъ, перейти въ православную Церковь Христову».

Статья о. Кутепова вызвала противъ себя возраженія въ статьѣ г. Добромыслова на страницахъ Рязанскаго «Миссіонерскаго Сборника» (Мартъ—Апрѣль, 1897 г.). Авторъ, между прочимъ, рѣшительно выступаетъ противъ допущенія въ церковныхъ школахъ въ раскольничьихъ селеніяхъ единовѣрческихъ порядковъ, называя такую постановку школьнаго дѣла «лицемѣріемъ», «окольными путями», «зазываніемъ». Но если такъ, тогда и благословленные для единовѣрцевъ нашимъ св. Сvнодомъ старые обряды и совершаемое православными епископами по старымъ книгамъ въ единовѣрчискихъ храмахъ богослуженіе—тоже «зазываніе», «окольные пути?» Кажется, г. Добромысловъ слишкомъ увлекся полемикою съ такимъ почтеннымъ и многоопытнымъ дѣятелемъ миссіи, какъ Кутеповъ, мнѣніе котораго по дан-

ному вопросу является весьма авторитетнымъ, скажемъ болѣе—жизненнымъ.

Въ защиту миссіонерскаго значенія церковно-приходской школы по поводу статьи о. Кутепова выступилъ также и органъ училищнаго совѣта при св. Синодѣ — «Народное Образованіе» («Миссіонерское значеніе церковныхъ школъ по отношенію къ расколу и сектантству». «Н. О.» май, 1897). «Церковно-приходская школа, говоритъ журналъ, не можетъ задаваться прямыми миссіонерскими цѣлями; для этого существуютъ особыя миссіонерскія школы (внѣшней и внутренней миссіи) съ особымъ характеромъ преподаванія и обученія. Но церковно-приходская школа можетъ оказывать непрямое миссіонерское воздѣйствіе на населеніе и можетъ быть союзницей и помощницей внутренней (противъ раскола и сектантства) миссіи въ томъ отношеніи, что 1) существуя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рядомъ съ православными живутъ раскольники и сектанты, она можетъ привлекать въ свои стѣны дѣтей этихъ послѣднихъ и воспитывать ихъ въ духѣ примиренія съ православною Церковію, 2) преслѣдуя больше всего насажденіе здоровыхъ религіозныхъ понятій въ учащемся поколѣніи и стремясь воспитать его въ преданности и послушаніи Церкви, церковная школа должна оказать несомнѣнное и большое вліяніе на ослабленіе раскольнической пропаганды среди православныхъ, должна если не совершенно положить предѣлъ совращенію православныхъ въ расколъ и сектантство, то, по крайней мѣрѣ, уменьшить случаи такихъ совращеній. Церковная школа всѣмъ складомъ обученія и воспитанія борется противъ двухъ основныхъ источниковъ нашего раскола и сектантства — религіознаго невѣжества и духа противленія Церкви. Это естественное соединеніе миссіонерскихъ задачъ съ общепросвѣтительными цѣлями составляетъ, между прочимъ, исключительное и безпорное преимущество церковныхъ школъ, по сравненію съ свѣтскими школами разныхъ типовъ, гдѣ религіозное просвѣщеніе не стоитъ на первомъ планѣ». Журналъ приводитъ нѣсколько фактовъ благотворнаго воздѣйствія церковно-приходской школы на окружающую раскольническую или сектантскую среду, и даже признательности къ церковной школѣ со стороны раскольниковъ и сектантовъ. Правда, извѣстны случаи и враждебнаго отношенія къ церковно-приходской школѣ со стороны раскольниковъ и сектантовъ; но эти случаи нисколько, по мнѣнію журнала, не говорятъ противъ миссіонерскаго значенія этой школы, а скорѣе,

напротивъ, подтверждаютъ его, такъ какъ показываютъ, что сами вожаки раскола чувствуютъ опасность, которую несетъ для нихъ церковная школа.

Вообще просвѣщеніе, какимъ бы путемъ оно ни распространялось въ народѣ — чрезъ школы ли, или библіотеки, путемъ ли публичныхъ чтеній, или пастырскихъ поученій и миссіонерскихъ бесѣдъ, просвѣщеніе—величайшій врагъ нашего раскола и сектантства, которые живутъ только невѣжествомъ и фанатизмомъ своихъ послѣдователей. Къ этому заключенію многихъ приводитъ и наблюденіе надъ состояніемъ современнаго раскола.

Вотъ, напр., что пишетъ г. Чельцовъ о современномъ состояніи раскола въ Калужской епархіи. «Большая часть старообрядцевъ, особенно въ селахъ, гдѣ ведутся частыя бесѣды, весьма расшатана въ своемъ отстаиваніи старины. Главнымъ образомъ сказать это нужно про молодежъ. Эта, какъ получившая образованіе въ большинствѣ случаевъ въ школахъ земскихъ и церковно-приходскихъ, остается въ расколѣ просто по привычкѣ, потому, что такъ велятъ отцы и дѣды. Но и эти послѣдніе въ своемъ большинствѣ далеки отъ ненависти къ православной Церкви. Не рѣдки случаи, когда они при встрѣчахъ со священникомъ вступаютъ въ бесѣды, во многихъ селахъ приглашаютъ ихъ въ свои дома на праздникахъ съ крестомъ и иконами. «Многіе изъ старообрядцевъ позволѣютъ себѣ посѣщать православные храмы во время, напримѣръ, вѣнчанія или погребенія знакомыхъ, а немногіе изъ нихъ ходятъ даже для молитвы» («Калужск. Еп, Вѣд.» № 4). — Но вотъ вопросъ, «многіе»-ли? Дай Богъ, чтобы приходилось почаще наблюдать такія добрыя знаменія времени!

Н. Вишневскій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Миссіонерская борьба съ сектантствомъ въ Херсонской епархіи за истекшій 1896 годъ и характеристика религіозно-нравственнаго его состоянія.

Количество возсоединеній. Возбужденіе штунды, со стороны петербургской сектантствующей знати, заграничныхъ друзей секты и нашей либеральной печати и безучастіе мѣстной власти. Херсонскіе хлысты и оригинальные пріемы пропаганды при посредствѣ обществъ трезвости. Преступная эксплуатація хлыстами имени о. Іоанна Кронштадтскаго. Проникновеніе толстовско-атеистическихъ воззрѣній въ современное хлыстовство. Религіозно-нравственное паденіе штунды. Отрицаніе штундизмомъ коренныхъ догматовъ христіанства. Опасныя соціально-политическія воззрѣнія сектантовъ. Два слова по поводу изложеннаго сообщенія о херсонской штундѣ. Чигиринскіе штундо-анархисты. Разоблаченіе раскольничьей лжи и штундовые соглядатаи у раки св. Ѳеодосія Черниговскаго; новое чудо исцѣленія больного и обращеніе сектантовъ-паломниковъ. Симпатичный способъ руководственныхъ сношеній миссіонера съ приходскимъ духовенствомъ. Раскольничій Самарскій логоѳетъ въ роли лѣниваго наемника.

Въ послѣднемъ отчетѣ Херсонскаго Свято-Андреевскаго Одесскаго братства сообщается, что къ 1 января 1896 года братство обладало капиталомъ въ 42,797 р. Въ 1896 году поступило въ братство 20,946 р., израсходовано-же имъ въ минувшемъ году 11,244 р., въ томъ числѣ 4,000 отпускаемыхъ казною на содержаніе миссіонеровъ въ епархіи.

Дѣятельность братства въ минувшемъ году выразилась, главнымъ образомъ, въ содѣйствіи трудамъ миссіонеровъ путемъ религіозно-просвѣтительнаго вліянія на православное населеніе зараженныхъ сектантами приходовъ и на самихъ сектантовъ, съ каковою цѣлью братство озаботилось объ открытіи въ 6 подобныхъ приходахъ церковно-приходскихъ школъ, въ 3 такихъ-же мѣстахъ ассигновало по 1,000 р. на построеніе храмовъ изъ средствъ, ежегодно собираемыхъ для этой цѣли по всѣмъ церквамъ Херсонской епархіи. Съ вышеуказанною-же цѣлью въ минувшемъ году издано братствомъ 8 названій брошюръ въ количествѣ 65,000 экз. и пріобрѣтено 46,000 «троицкихъ листковъ», которые раздавались народу безплатно миссіонерами во время совершаемыхъ ими поѣздокъ.

Главнымъ-же средствомъ борьбы съ сектантствомъ въ епархіи была живая устная проповѣдь миссіонеровъ, которыхъ трудилось въ минувшемъ году 9 человѣкъ: одинъ епархіальный миссіонеръ, кандидатъ богословія, 7 окружныхъ миссіонеровъ изъ священниковъ и одинъ разъѣздной миссіонеръ-книгоноша изъ мірянъ.

Такимъ образомъ матеріальныя средства Одесскаго миссіонерскаго братства довольно значительны и количество миссіонеровъ въ епархіи почти достаточное. Спрашивается, поэтому, какихъ-же результатовъ достигла миссія въ минувшемъ году среди заблудшихъ сектантовъ?

Изъ годичнаго отчета братства видно, что всѣхъ присоединившихся изъ сектантства въ православіе за 1896 годъ было *болѣе 200 душъ.* Цыфра, конечно, малая, если взять во вниманіе вышеуказанныя средства братства и число трудящихся въ епархіи миссіонеровъ, но она окажется очень значительной, если взять во вниманіе всѣ тѣ неблагопріятныя условія, при какихъ мѣстной миссіи пришлось вести борьбу въ минувшемъ году съ сектантствомъ.

Еще задолго до священной коронаціи сочувствующими штундистамъ интеллигентными лицами усердно распространялись среди сектантовъ слухи о томъ, что къ этому времени будетъ отмѣнено Высочайше утвержденное узаконеніе отъ 3 сентября 1894 г. о признаніи штунды особо вредною сектою и что послѣдней будетъ дарована полнѣйшая религіозная свобода, чуть-ли не съ правомъ открытой пропаганды ихъ лжеученія. Изъ конфискованныхъ полиціей у вожака любомирскихъ штундистовъ И. Рыбалки писемъ видно, что подобныя несбывшіяся надежды сектантовъ съ особеннымъ усердіемъ поддерживались петербургскою знатью г. Аб—мъ, графинею Пер—скою, княгинею Л—венъ и какою-то «дамою изъ Финляндіи». Какъ я имѣлъ уже случай упомянуть объ этомъ въ одномъ изъ сообщеній въ «Миссіоненское Обозрѣніе» (Іюль и Августъ кн. 1-я), успѣхи православной миссіи въ послѣднее время сильно встревожили заграничныхъ друзей нашихъ штундистовъ—«братьевъ» нѣмцевъ. Въ минувшемъ году ими были пущены въ ходъ всѣ возможныя средства къ поддержкѣ и распространенію штундо-баптизма: присылка сектантамъ буквально цѣлыми пудами изъ Гамбурга и Лейпцига направленныхъ противъ православія брошюръ, распространеніе издававшагося ранѣе въ Лондонѣ, а нынѣ въ Румыніи въ г. Тульчи на русскомъ языкѣ штундистскаго журнала «Бесѣда»,

сильная матеріальная поддержка въ видѣ присылаемаго изъ-за границы опредѣленнаго, иногда довольно значительнаго, жалованья вожакамъ штунды за ихъ пропаганду и проч. Если къ этому присоединить еще открытую защиту штундистовъ нашими лжелиберальными газетами и журналами (Недѣля и К°), выступившими съ ней съ особеннымъ усердіемъ въ минувшемъ году, то намъ станетъ понятнымъ, что все это не могло не вскружить головы русскихъ сектантовъ, не могло не поднять духъ ихъ упорства и смѣлости въ пропогандѣ. Замѣчательно, что и херсонскіе колонисты нѣмцы—баптисты, прежде очень осторожно пропагандировавшіе штунду среди мѣстнаго православнаго населенія, въ минувшемъ году въ распространеніи ея проявили необыкновенную смѣлость, доходящую до грубаго нахальства, такъ что самимъ полицейскимъ властямъ приходилось по поводу ихъ открытой пропагады, издѣвательства и публичнаго кощунства надъ православіемъ составлять протоколъ за протоколомъ.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что въ минувшемъ именно году съ особенной энергіей распространялись подпольнымъ путемъ толстовскія изданія; въ этомъ же году распространилось среди сектантовъ Херсонской епархіи исповѣданіе вѣры зауральскихъ сектантовъ «іеговистовъ», по своему содержанію представляющее возмутительнѣйшее кощунство надъ всѣмъ христіанствомъ; въ минувшемъ же году стала распространяться среди хлыстовъ г. Николаева тетрадь подъ заглавіемъ: «Благодатная вѣсть о царствѣ Божіимъ, царствѣ разума, переданная намъ Іисусомъ изъ Назарета». — «Во всей этой тетради, говоритъ о ней миссіонеръ о. Зубовъ, страшное глумленіе надъ св. Евангеліемъ, а Спаситель здѣсь не рѣдко именуется обманщикомъ».

Къ сожалѣнію, изъ миссіонерскихъ отчетовъ видно, что близко стоящія къ народу свѣтскія власти далеко не вездѣ и не всегда оказываютъ миссіи свое вліятельное содѣйствіе въ ея борьбѣ съ сектантствомъ, отвѣчая иногда на возмутительныя кощунства сектантовъ, на открыто по мѣстамъ устраиваемыя ими собранія и на слишкомъ уже иногда смѣлую и преступную ихъ пропаганду полнѣйшимъ равнодушіемъ, безразличнымъ ко всему этому отношеніемъ и преступнымъ невниманіемъ.

Такимъ образомъ православной мѣстной миссіи въ минувшемъ году приходилось считаться со многими и значительными факторами, весьма препятствовавшими ея успѣху среди заблудшихъ.

Однако главная причина удивительнаго иногда упорства сектантовъ Херсонской епархіи и кажущагося для другихъ незначительнаго успѣха среди нихъ миссіи, по моему мнѣнію, кроется въ томъ современномъ религіозно-нравственномъ состояніи, которое переживаетъ мѣстное сектантство. — Въ Херсонской епархіи существуетъ три вида сектантства: штундисты, хлысты и скопцы. Такъ какъ послѣднихъ очень не значительное число, то, касаясь религіозно-нравственнаго состоянія сектантства въ епархіи, я буду говорить только о двухъ первыхъ сектахъ, начавъ съ послѣдней.

Хлыстовъ въ Херсонской епархіи насчитывается до 1000 душъ. Повсемѣстная борьба съ этой сектой началась въ Херсонской епархіи собственно недавно, такъ какъ прежде все вниманіе здѣшней миссіи обращено было главнымъ образомъ на штундизмъ, впервые возникшій въ этой именно епархіи и отсюда перешедшій въ другія. По своему вѣроученію мѣстные хлысты, называемые здѣсь «шалопутами» или же иногда именуемые совершенно ошибочно «молоканами», ничѣмъ не отличаются отъ хлыстовъ другихъ мѣстъ, хотя бы отъ извѣстныхъ мнѣ хлыстовъ сѣвернаго Кавказа. То же ученіе у нихъ о перевоплощеніи ихъ лжехристовъ, о непосредственномъ общеніи съ Богомъ въ различнаго рода мнимыхъ Его явленіяхъ послѣдователямъ секты; тотъ же дуалистическій взглядъ на природу человѣческую и вытекающее изъ него стремленіе къ подавленію, «укрощенію» и «замору» плоти обычнымъ средствомъ, такое же устройство кораблей и тѣ же роспѣвцы и пляски; то же постоянное стараніе, для отвода глазъ, показывать себя искренно — православными и, наконецъ, та же іезуитская хитрость въ средствахъ тайной пропаганды своего лжеученія среди православныхъ.

Обычные пріемы привлеченія къ своей сектѣ у херсонскихъ хлыстовъ тѣ же, что и у хлыстовъ другихъ мѣстъ. Сперва хлысты приглашаютъ православныхъ на свои общія собранія, гдѣ на первыхъ порахъ не происходитъ, собственно говоря, ничего предосудительнаго: читаютъ даже безъ толкованія слово Божіе и поютъ церковныя пѣснопѣнія. Далѣе на этихъ собраніяхъ начинается толкованіе св. Писанія въ смыслѣ хлыстовскаго лжеученія, и церковныя пѣснопѣнія постепенно замѣняются хлыстовскими пѣснями. Въ послѣднемъ случаѣ для нѣсколько уже привыкшихъ къ хлыстовскимъ собраніямъ православныхъ сектанты начинаютъ продѣлывать свои фокусы, начиная съ безсмыленныхъ, кажущихся однако для

простолюдиновъ загадочными и поразительными, пророчествъ и безсвязныхъ бормотаній и кончая искусственнымъ втягиваньемъ въ себя воздуха до поразительнаго раздутія у сектантовъ живота (видимое, по ихъ объясненію, наитіе св. Духа). Овладѣвъ послѣ долгаго промежутка времени (2—3 года) жертвами любознательности и невѣжества, сектанты наконецъ приглашаютъ ихъ на свои тайныя собранія, гдѣ разгулъ страстей и бѣшенная вакханалія или совсѣмъ отталкиваетъ отъ хлыстовъ увлекшихся было ихъ лжеученіемъ или, что чаще бываетъ, навсегда приковываетъ ихъ къ сектѣ крѣпкими цѣпями животныхъ страстей, оправдываемыхъ мистическими froбреднями сектантовъ.

Въ послѣднее же время херсонскіе хлысты придумали новый пріемъ совращенія въ свою секту. Лишь только вздумаютъ въ какомъ либо заражонномъ хлыстовщиной мѣстѣ открыть общество трезвости, какъ хлысты, вообще никогда не употребляющіе никакихъ спиртныхъ напитковъ, тотчасъ стараются записаться первыми членами его, чтобы, опираясь на мнимую заботу о прекращеніи пьянства среди народа и прикрываясь единомысліемъ, въ этомъ отношеніи, съ лучшими людьми прихода, прививать не замѣтно имъ, а чрезъ нихъ и другимъ свои сектантскія заблужденія.

Это, напр., случилось въ с. Слободзеѣ, Херсонской губерніи, гдѣ 16-го марта текущаго года мною торжественно открыто общество трезвости и гдѣ подъ вліяніемъ хлыстовъ нѣкоторые изъ православныхъ въ долгомъ и нетерпѣливомъ ожиданіи открытія общества трезвости стали было устраивать вмѣстѣ съ хлыстами тайныя собранія, во время которыхъ начали самочинно читать акаѳисты, служить панихиды съ приносимымъ коливомъ и пѣть безграмотныя, привезенныя будто бы изъ Іерусалима, духовныя пѣсни.

Почти къ аналогичнымъ средствамъ пропаганды прибѣгли и хлысты м. Криваго—Рога, Херсонской губерніи.

Въ Курской губерніи, читаемъ въ отчетѣ Одесскаго Андреевскаго братства, въ слободѣ Головчинѣ, Грайвороновскаго уѣзда, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ открыто «Христіанское общество трезвости и воздержанія». По § 8 устава этого общества членамъ его предоставлено «право открытой проповѣди противъ пьянства и невоздержанія». Многочтимый русскимъ народомъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, сочувствуя добрымъ задачамъ общества, прислалъ ему свое благословеніе и разрѣшилъ ему отдѣльно издать для

распространенія среди народа одно изъ своихъ поученій, направленное противъ порока пьянства. Какъ только узнали объ этомъ криворожскіе хлысты, тотчасъ почти всѣ записались членами Головчинскаго общества трезвости, § 8 котораго даетъ имъ право открытой проповѣди, во время которой они читаютъ народу изданныя брошюры означеннымъ обществомъ, со всевозможными, конечно, комментаріями ихъ въ духѣ чисто хлыстовскаго лжеученія. Мало того, для бóльшаго успѣха своей пропаганды криворожскіе хлысты стараются теперь злоупотреблять при всякомъ удобномъ случаѣ именемъ всюду извѣстнаго и такъ горячо чтимаго православнымъ народомъ о. І. Сергіева. «Вотъ вы зовете насъ шалопутами, говорятъ они православнымъ, а на дѣлѣ оказалось, что вы сами шалопуты: вамъ о. Іоаннъ Кронштадтскій не прислалъ своего благословенія, а намъ прислалъ: вотъ его поученіе и руки». При этомъ сектанты показываютъ народу изданія Головчинскаго общества, на заглавныхъ листахъ которыхъ изображены св. крестъ и подъ нимъ двѣ соединенныя между собою кисти рукъ, какъ эмблемы христіанской дружбы и взаимопомощи. Теперь же криворожскіе хлысты сильно заботятся о томъ, чтобы имъ разрѣшили открыть, будто бы съ цѣлью противодѣйствія пьянству, а на самомъ дѣлѣ въ видахъ пропаганды, чайный трактиръ. Если этого они достигнутъ, пропаганда хлыстовщины въ Кривомъ—Рогѣ будетъ вестись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Я нарочито останавливаю вниманіе читателей «Миссіонрскаго Обозрѣнія» на послѣдняго рода способахъ пропаганды хлыстами своего лжеученія, желая предостеречь миссіонеровъ и пастырей, чтобы они, открывая общества трезвости, во главѣ ихъ уставовъ ставили такіе пункты, которыми всякая возможность поступленія въ общества трезвости у всѣхъ сектантовъ вообще и у хлыстовъ въ частности была бы совершенно отнята.

Ничѣмъ почти не отличаясь по своему религіозно-нравственному ученію и жизни, равнымъ образомъ и способамъ пропаганды отъ хлыстовъ другихъ мѣстъ, херсонскіе хлысты въ послѣднее время стали пріобрѣтать нѣкоторыя отличительныя особенности. Онѣ заключаются въ привнесеніи въ лжеученіе хлыстовъ, благодаря распростостраняемыхъ среди нихъ толстовскихъ и другихъ крайне раціоналистическихъ идей, элемента чисто атеистическаго; причемъ по нѣкоторымъ мѣстамъ Херсонской епархіи атеистическія идеи рас-

пространяются хлыстами уже не тайно, со свойственною этимъ сектантамъ осторожностію, а высказываются часто открыто, публично.

Отчеты миссіонеровъ констатируютъ, напр., факты открытаго отрицанія хлыстами нѣкоторыхъ мѣстъ епархіи воскресенія мертвыхъ и всеообщаго суда. Такъ хлысты с. Щербаней, Елисаветградскаго уѣзда, публично уже говорятъ: «если человѣкъ умеръ тѣломъ, то онъ сгнилъ и пропалъ (т. е. совершенно исчезъ и тѣломъ и душой). «Всеобщій судъ, говорятъ тѣ же хлысты,— судъ совѣсти человѣческой». Одинъ изъ окружныхъ миссіонеровъ доноситъ въ своемъ отчетѣ, что на его бесѣдѣ съ хлыстами м. Широкаго, Херсонскаго сѣзда, хлыстъ Лапенко, объясняя 2 ст. 8 главы Мр., съ безумнымъ дерзновеніемъ «назвалъ Спасителя потерявшимъ разумъ».

Очевидно херсонская хлыстовщина въ своемъ лжеученіи дѣлаетъ шагъ впередъ, въ смыслѣ приближенія къ чисто раціоналистическимъ сектамъ съ атеистическимъ направленіемъ. Этимъ именно обстоятельствомъ и объясняется въ послѣднее время успѣхъ пропаганды штундистовъ среди хлыстовъ. Такимъ образомъ борьба съ херсонской хлыстовщиной значительно осложняется и дѣлается болѣе трудной для мѣстной миссіи, ибо, безъ сомнѣнія, гораздо тяжелѣе бороться съ грубымъ невѣріемъ и полнымъ отрицаніемъ истинъ христіанства, чѣмъ съ заблужденіемъ или сомнѣніемъ въ вѣрѣ.

Не менѣе печальную картину представляетъ собою и религіозно-нравственное состояніе штундо-баптизма въ Херсонской епархіи, послѣдователей котораго считается здѣсь болѣе 5 тысячъ.

Тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ появившійся въ Херсонской епархіи штундизмъ и распространившійся оттуда по многимъ другимъ епархіямъ въ нравственной жизни своихъ послѣдователей представляется теперь уже далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ казался на первыхъ порахъ своего появленія. Теперь сами сектанты-старики открыто на бесѣдахъ сознаются, что ихъ «вѣра падаетъ», что ихъ «братство уже не то». И дѣйствительно, замѣчавшееся прежде среди штундистовъ общее стремленіе къ улучшенію нравственной жизни, выражавшееся въ трезвости (хотя часто лишь показной), сравнительной честности, во взаимопомощи, христіанскомъ провожденіи воскресныхъ дней и проч., — отошло теперь въ областъ преданій. Штундобаптизмъ въ Херсонской губерніи успѣлъ совершенно уже деморализоваться: куреніе, считавшееся прежде у штундистовъ большимъ порокомъ, пьянство, нарушеніе цѣломудрія и су-

пружеской вѣрности, корыстолюбіе, обманъ, воровство, поджоги, вражда не только къ православнымъ, но и своимъ единовѣрцамъ, среди которыхъ даже на молитвенныхъ собраніяхъ происходятъ драки, грубость, сатанинская гордость, часто открытое сопротивленіе властямъ и т. п. пороки,—вотъ что теперь характеризуетъ внутреннюю жизнь современнаго штундизма на его родинѣ,—въ Херсонской губерніи. Безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени то-же самое произойдетъ со штундизмомъ и другихъ мѣстъ, гдѣ онъ позже появился [1]). Характеризующихъ въ этомъ именно смыслѣ нравственное состояніе херсонской штунды достовѣрнѣйшихъ фактовъ такъ много, что я нахожу совершенно лишнимъ и приводить ихъ.

Религіозное состояніе штундистовъ Херсонской губерніи не можетъ быть лучше нравственнаго, такъ какъ послѣднее является прямымъ слѣдствіемъ перваго.

Протестантскій принципъ свободнаго толкованія и личнаго пониманія св. Писанія, привитый нѣмцами нашему штундо-баптизму и легшій въ основу его вѣроученія, выдержанъ русскими сектантами болѣе полно и прямолинейно, чѣмъ западными. Въ этомъ случаѣ нашъ русскій мужикъ является болѣе логично послѣдователенъ, чѣмъ его учитель нѣмецъ. Теперь уже русскіе штундисты часто учатъ своихъ учителей нѣмцевъ - колонистовъ, но чему учатъ, сейчасъ увидимъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ свободное отношеніе къ св. Писанію выражалось у мѣстныхъ штундистовъ однимъ лишь произвольнымъ толкованіемъ его мѣстъ, приводимыхъ ими въ защиту своего лжеученія или цитируемыхъ бесѣдующими съ сектантами для обличенія послѣдняго. Этотъ начальный періодъ штундизма Херсонской епархіи характеризовался необыкновеннымъ подъемомъ религіознаго духа его послѣдователей и стремленіемъ со стороны послѣднихъ къ сообразованію своей нравственной жизни съ ученіемъ слова Божія. Далѣе у штундистовъ является сомнѣніе въ богодухновенности всѣхъ книгъ св. Писанія Ветхаго Завѣта, изъ котораго сперва они признавали еще нѣкоторыя, а затѣмъ отвергли почти всѣ до одной. Этотъ второй періодъ въ исторіи мѣстнаго штундизма характеризуется особымъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всей обрядовой сто-

---

[1]) Въ штундистскихъ общинахъ Кіевской епархіи наблюдается такое-же нравственное разложеніе. Ред.

ронѣ православія, какъ не имѣющей для себя во многомъ яснаго указанія въ Новозавѣтномъ Писаніи, а основывающейся на отвергаемомъ сектантами св. Преданіи; характеризуется также этотъ періодъ развитія штунды болѣе сильной и успѣшной пропагандой его лжеученія среди православнаго населенія. Въ послѣдніе годы штундизмъ, логически вѣрный упомянутому протестантскому принципу отношенія къ св. Писанію, дѣлаетъ въ отношеніи къ послѣднему болѣе рѣшительный шагъ: онъ начинаетъ отвергать богодухновенность уже всего св. Писанія, удерживая изъ него только то, что «нравится» и что «полезно» послѣдователямъ секты, въ смыслѣ ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ обществу и государственному строю.

Вслѣдствіе подобнаго отрицательнаго отношенія къ источникамъ христіанскаго вѣроученія во многихъ уже мѣстахъ среди херсонскихъ штундистовъ замѣчается *проявленіе чисто атеистическихъ идей*, высказываемыхъ ими открыто, публично. Въ ихъ сужденіяхъ, какъ увидимъ ниже, слышится уже не только отрицаніе православія, но и грубое отверженіе всего христіанства.

«Многіе изъ штундистовъ, читаемъ въ отчетѣ братства, въ бесѣдахъ съ миссіонерами не рѣдко высказываютъ самыя крайнія раціоналистическія сужденія объ основныхъ предметахъ вѣры». «Такъ въ селѣ Лысой-Горѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Павелъ Цурканъ публично утверждалъ, что ап. Павелъ могъ погрѣшать не только въ своей частной жизни, но и въ ученіи, такъ, напр., ап. Павелъ «пришелъ въ іерусалимскій храмъ для поклоненія» (Дѣян. 24, 11) по ошибкѣ и въ этомъ случаѣ онъ поступилъ неправильно». На моихъ бесѣдахъ штундисты нѣкоторыхъ мѣстъ, объясняя цитируемыя слова ап. Павла, прямо говорятъ иногда, что св. апостолъ лгалъ на судѣ у Феликса для своего оправданія. Штундистъ того-же села Полянка на одной изъ миссіонерскихъ бесѣдъ утверждалъ, что ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ «не всегда говорилъ серьезно, а иногда говорилъ такъ себѣ, пустое».

Штундистъ м. Распополя, примыкающаго къ д. Основѣ, родины всей русской и главнаго очага херсонской штунды,—Горобець такъ смотритъ на св. Писаніе: «все, говоритъ онъ, что написано въ Писаніи, будто оно было раньше,—неправда, и все, о чемъ говорится въ немъ, что произойдетъ когда-то въ далекомъ будущемъ,—тоже неправда: существуетъ одна природа».

Штундисты с. Петроострова, Елисаветградскаго уѣзда, уже открыто отрицаютъ божество Самого Господа нашего Іисуса Христа. «Христосъ, говорятъ они, былъ простой человѣкъ, только очень умный и добрый, хотя и не чуждый еврейскихъ предразсудковъ; отъ этихъ предразсудковъ не могли вполнѣ отрѣшиться и апостолы. Чистую религію свободы, чуждую всякихъ недостатковъ проповѣдуетъ только штунда».

Вотъ вамъ немногіе, но много говорящіе образцы религіозныхъ воззрѣній современныхъ штундо-баптистовъ херсонской епархіи. Неудивительно послѣ этого, что мѣстные штундисты болѣе склонны къ бесѣдамъ и разсужденіямъ о вопросахъ соціально-политическихъ, чѣмъ чисто религіозныхъ.

Какъ трудно убѣдить людей, не изучившихъ лично нашего штундо-баптизма, въ полной политической его неблагонадежности, признанной, наконецъ, за нимъ и самимъ правительствомъ. На поголовный, напр., отказъ штундистовъ въ вѣрноподданнической присягѣ вступившему на престолъ Государю Императору многіе смотрятъ, какъ на естественный поступокъ, вытекающій будто-бы изъ ученія сектантовъ о непозволительности какой-бы то ни было клятвы. Всецѣло съ этимъ я никогда не соглашусь. Ни въ одномъ еще году не высказывали херсонскіе штундисты такъ часто и такъ смѣло своихъ надеждъ на лучшее для нихъ будущее, которое настанетъ де скоро, благодаря посторонней (заграничной) помощи, какъ высказывали это въ минувшемъ году; никогда еще не бродили среди нихъ и чрезъ нихъ распространяемые въ народѣ слухи объ отнятіи у помѣщиковъ земли и надѣлѣ ею крестьянъ, причемъ, по распространяемымъ сектантами слухамъ, послѣднюю получатъ одни только штундисты, какъ въ томъ-же году; никогда, наконецъ, не замѣчалось такого дѣятельнаго сношенія нашихъ штундо-баптистовъ съ заграничными нѣмцами-баптистами, какъ именно въ минувшемъ году. Объ ожидаемой себѣ помощи изъ-за границы штундисты не стѣсняются, высказываться даже публично, хотя и прикровенно. На моей, напр., публичной бесѣдѣ въ с. Малой-Вискѣ, Елисаветградскаго уѣзда, одинъ изъ штундистовъ по поводу изданнаго о нихъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, открыто высказался, что «хотя этотъ циркуляръ утвержденъ самимъ русскимъ Государемъ, но найдется такой, что освободитъ ихъ, штундистовъ, отъ этого ига». На вопросъ мой, кто же это можетъ быть такой, сектантъ не пожелалъ

отвѣтить и твердилъ одно, что «такое лицо найдется». Конечно, о подобныхъ чаяніяхъ и надеждахъ на заграничную (нѣмецкую) помощь штундисты высказываются публично очень рѣдко и съ большою осторожностію, по причинамъ, думаю, всѣмъ понятнымъ, но поговорите съ ними объ этомъ и о многихъ другихъ соціально-политическихъ вопросахъ (о присягѣ, войнѣ, податяхъ, судахъ и проч.) наединѣ и вы не узнаете въ этихъ, по виду иногда смиренныхъ и покорныхъ, мужичкахъ русскихъ людей: все русское у нихъ испарилось, вывѣтрилось, вытѣснилось и замѣнилось чисто нѣмецкимъ, враждебнымъ не только Церкви православной, но и государству Русскому.

Итакъ, нравственно-религіозная жизнь и соціально-политическія воззрѣнія современныхъ херсонскихъ штундобаптистовъ ушли далеко впередъ, къ несчастію, не къ лучшему а къ худшему. Всюду теперь въ ихъ общинахъ замѣчаются раздѣленія, споры, несогласія какъ въ вопросахъ соціальной, такъ и нравственно-религіозной жизни. Почти въ каждомъ значительномъ центрѣ штундизма являются новые толки: одни изъ сектантовъ отвергли всю обрядность штундистовъ, другіе начинаютъ праздновать вмѣсто воскреснаго дня субботу, третьи мѣняютъ штунду на хлыстовщину, четвертые не вѣрятъ ни въ православіе, ни въ штунду и ударились въ крайній атеизмъ и матеріализмъ. Надъ всѣмъ штундизмомъ царитъ духъ антагонизма, духъ отрицанія, царитъ духъ необузданной гордости, упрямства и своеволія. Но всѣхъ однако сектантовъ крѣпкими узами связываетъ, всѣхъ сплачиваетъ въ одно необыкновенно глубокая, доходящая до слѣпаго фанатизма ненависть ко всему, что только носитъ на себѣ печать и имя Православія.

Изъ этой бѣглой характеристики религіозно-нравственнаго состоянія сектантства Херсонской епархіи каждый, лично знакомый съ миссіонерскимъ дѣломъ, пойметъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходится ратоборствовать съ врагами православія здѣшнимъ миссіонерамъ, которые должны уже имѣть дѣло не только съ заблужденіями въ вѣрѣ, но, къ несчастію, и съ невѣріемъ, доходящимъ до полнѣйшаго отрицанія всего христіанства.

Но здѣсь невольно напрашивается на обсужденіе такой вопросъ: къ лучшему или къ худшему, въ смыслѣ успѣха миссіи, поведетъ въ будущемъ такое безотрадное религіозно-нравственное со-

стояніе херсонскаго сектантства и что нужно прежде всего и главнымъ образомъ что слѣдуетъ предпринять для успѣха дальнѣйшей съ нимъ борьбы? Вопросъ этотъ представляется далеко не лишнимъ. Но объ этомъ—до другаго раза.

Михаилъ Кальневъ.

Помѣщая вышеозначенную мрачную характеристику нынѣшняго религіозно-нравственнаго состоянія херсонской штунды, составленную на основаніи непосредственныхъ наблюденій и близкаго изученія этой секты однимъ изъ выдающихся по энергіи и ревнію дѣла тружениковъ миссіи, редакція считаетъ долгомъ пояснить, что тоже печальное явленіе духовнаго паденія послѣдователей этой секты наблюдается и въ другихъ раіонахъ распространенія штундизма. Тамъ, гдѣ штунда считаетъ за собою десятокъ—другой лѣтъ существованія, вы не узнаете уже нѣкогда дѣйствительно одушевленныхъ искателей истины и любителей слова Божія. Многіе изъ русскихъ нѣкогда набожныхъ людей прямо сдѣлались въ религіозномъ отношеніи «трупами» и даже «въ неповаплѣнныхъ гробахъ»,—людьми безъ духа живой вѣры и упованія на будущую жизнь. И это вполнѣ понятно,—ибо иначе и быть не могло въ мірѣ сектантской своевольной толпы, поправшей всѣ догматическія и историческія преданія, предоставленной водительству умственныхъ невѣждъ фанатиковъ или безнравственныхъ эксплоататоровъ;—лишенной наконецъ духовно-возвышающаго культа. Въ чигиринской, напр., штундѣ Кіевской губерніи вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ установленно тщательнымъ духовнымъ по гражданскимъ разслѣдованіямъ—существованіе крайне опаснаго атеистическаго направленія, съ проповѣдью о томъ, что священное Писаніе не должно служить для сектантовъ единственнымъ правиломъ вѣры и жизни, какъ учила раньше штунда—а *законы природы*. Въ свящ. Писаніи, по мнѣнію мужицкихъ богослововъ этой секты, много противорѣчій, слово Божіе претерпѣвало будтобы при переводахъ измѣненія и добавленія со стороны духовенства и ученыхъ богослововъ, *законы же природы всегда неизмѣнны, они вѣчны, имъ однимъ и надо только вѣрить... Человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чего требуетъ природа, а она стремится къ благу. Благо и должно быть достигаемо всякими средствами, а такъ какъ благами крестьянства завладѣли богатые, то съ ними необходима борьба...* Послѣдователи этого ученія организовали изъ себя шайку

которая перешла отъ слова къ дѣлу и ознаменовала свое направленіе цѣлымъ рядомъ воровства и вандализма въ отношеніи богатыхъ сосѣдей, такъ напр. у одного православнаго богатаго мужичка, обзаведшагося своею молотилкою, однажды ночью завистливыми героями той же сектантской партіи чигиринской штунды, были сняты шестерни и проводы и брошены въ Днѣпръ. Во главѣ этой милой компаніи «истинно вѣрующихъ христіанъ»,—какъ называютъ себя сектанты, стояли два крестьянина Ш—ко и Ч—ный, ученики революціонеровъ Дейча и Стефановича, привлекавшіеся къ отвѣтственности въ концѣ 70 годовъ по извѣстному чигиринскому политическому процессу 180, а впослѣдствіи, по возвращеніи изъ ссылки въ Сибирь, сдѣлавшіеся ярыми проповѣдниками штундизма или вѣрнѣе анархизма, въ оправѣ штундизма и невѣрія. По показанію неложныхъ свидѣтелей изъ бывшихъ послѣдователей этого безбожнаго толка штунды, Ч—ной на собраніяхъ и братскихъ собесѣдованіяхъ секты разъяснялъ, что «теперь де штунда Евангельская—глупость, пустяки, что для своего спокойствія не грѣхъ и притвориться православнымъ, можно ходить и въ церковь, а въ тайнѣ дѣлать свое штундовое дѣло, *что штунды должны непремѣнно соединиться съ политическими, такъ какъ у нихъ одинъ общій врагъ Царь. Всѣ стремленія секты должны быть направлены къ освобожденію отъ (монархической) власти Царя, а послѣ того отъ прочихъ, поставленныхъ отъ него властей, а также отъ пановъ и поповъ и тогда жизнь будетъ лучше: все будетъ общимъ, работать будутъ только три часа въ день, какъ это якобы дѣлается въ Америкѣ,* что политическіе союзники штунды,—послѣдніе многочисленны и сильны и вездѣ имѣютъ своихъ агентовъ, что для измора враговъ этой партіи имѣются такіе снаряды (бомбы), которые разрываются на сушѣ и водѣ», и проч. въ этомъ же родѣ.

Когда же одинъ изъ показателей (Титъ Шутенко), мужикъ грамотный, толковый и боящійся Бога, обдумывая всю опасность анархической проповѣди вожака своей сектантской общины, возражалъ Ч—му, что въ свящ. Писаніи заповѣдано: «Бога бойтесь, Царя чтите»,—вожакъ увѣрялъ, «что теперь Евангелію никто не вѣритъ, такъ какъ дошедшее до нашихъ временъ Евангеліе—дѣло рукъ человѣческихъ, такое же измышленіе человѣческаго разума, какъ и всѣ другія человѣческія писанія, законы и установленія».

При этомъ упомянутый вожакъ Чигиринской штунды убѣждалъ своихъ единомышленниковъ сектантовъ и пытался завести коммунистическія начала въ жизни общины, въ которой было бы все общимъ достояніемъ, сообща бы закупалась земля, снимались мельницы; такая община—увѣрялъ Ч—й—несомнѣнно будетъ процвѣтать и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ будетъ привлекать къ себѣ многихъ послѣдователей изъ бѣднаго православнаго люда и послѣдніе будутъ охотнѣе переходить въ секту изъ православія и ряды наши увеличатся. По отзыву тѣхъ же сведѣтелей, Ч—й велъ бесѣды свои хитро, постепенно пропагандируя воззрѣнія своихъ слушателей. Рѣчи его производили сильное впечатлѣніе на послѣднихъ,—хотя и возбуждали страхъ. Упомянутый Титъ Шутенко, представляя собою противовѣсъ Ч—му, не разъ обращался къ штундистамъ съ предупрежденіемъ, «что такія бесѣды до добра не доведутъ», но всѣ молчали: одни смотрѣли на вожака, какъ на благодѣтеля, другіе его боялись, какъ опаснаго человѣка. Титъ Шутенко, какъ честная натура и вѣрный сынъ Царя и отечества, не могъ долго мириться съ новымъ безбожно-анархическимъ направленіемъ Чигиринской штунды, отсталъ отъ кружка, покаялся, и возсоединился съ Церковью и не смотря на всѣ угрозы своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, сообщилъ о вредныхъ затѣяхъ мѣстной штунды приходскому священнику и мѣстному начальству.

Вотъ какія рѣчи на собраніяхъ своихъ ведетъ штунда?! Не правъ—ли былъ послѣ того въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III, издавшій законъ о воспрещеніи штундовыхъ богомоленнопроповѣдническихъ собраній, какъ одного изъ опаснѣйшихъ способовъ пропаганды всякихъ лжеученій среди русскаго православнаго народа?

Изслѣдователямъ современнаго сектантства серьезное нужно обратить вниманіе на раскрытіе во всей наготѣ религіозно-нравственнаго состоянія сектъ и ихъ преступныхъ политическихъ чаяній. Пора снять то покрывало фарисейскаго напускнаго благоприличія, которымъ вводится въ обманъ наша распинающаяся за сектантство интеллигенція и близорукіе изъ административныхъ исполнительныхъ органовъ власти.—И первые, и послѣдніе, по укоренившейся рутинѣ либеральной, смотрятъ «не на корень дѣла»,—не на міръ духовныхъ и политическихъ воззрѣній, воспитываемыхъ въ народѣ нашимъ сектантствомъ, а на поверхность — восхищаются тѣмъ, что сектанты

не пьютъ, и подати отлично платятъ. Ужъ на что былъ хваленый народъ—закавказскіе духоборы, которыми въ теченіи полувѣка восхищались не только пристава, но и губернаторы, а нынѣ, оказалось, что правительство пригрѣло страшную анархическую гидру, съ которою теперь нѣтъ сладу! Но объ этомъ поговоримъ особо въ свое время.

Преизобильно источаемыя чудеса милости Божіей отъ раки нетлѣннопочивающихъ св. и многоцѣлебныхъ мощей Святителя Ѳеодосія Черниговскаго продолжаютъ производить все болѣе и болѣе усиливающееся животворное дѣйствіе на сердца не только православноверующаго народа, но и на міръ расколосектантства.

Со времени торжества открытія мощей подъ впечатлѣніемъ опубликованнаго на страницахъ «Миссіонерск. Обозрѣнія» извѣстнаго знаменательнаго акта о признаніи истины нетлѣнія св. мощей, святости новоявленнаго Угодника Божія Ѳеодосія, прибывшими на черниговское торжество раскольниками—депутатами, въ старообрядческихъ общинахъ имя новоявленнаго чудотворца сдѣлалось знаменемъ самаго серьезнаго пререканія: одни, опираясь на очевидность дивныхъ событій, желаютъ и стремятся увѣровать въ святость великаго Угодника Божія и въ истину православія, другіе же, закоснѣлые въ своемъ упорствѣ, наипаче же начетчики и раскольничьи лжепопы, эти хищные волки въ овчей одеждѣ, всемѣрно ухищряются въ клеветѣ, лжи, обманѣ и въ нестерпимыхъ хуленіяхъ на Угодника Божія, на православную Церковь, на св. Синодъ и русскую іерархію. Верховоды раскола всячески стараются ослабить то глубокое впечатлѣніе, какое сдѣлало великое Черниговское торжество на раскольничій міръ и которое производитъ нынѣ дивныя чудеса. Помимо устной пропаганды составлены были московскими заправилами раскола по поводу открытія мощей св. Ѳеодосія клеветническія тетрадки, гдѣ, между прочимъ, подрывалось и довѣріе къ подлинности упомянутаго акта и къ достовѣрности изложенныхъ въ немъ показаній раскольничьихъ депутатовъ. Въ заграничномъ раскольничьемъ органѣ—«Словѣ правда» напечатано было, отъ имени подписавшаго актъ Владимірскаго раскольника Кудасова, что якобы они депутаты мощей и не осязали и не видали, а прикладывалися къ чему-то одѣтому въ ризы, твердому, какъ дерево... Извѣстный своими продерзостями редакторъ подпольнаго листка, Мельниковъ на этомъ основаніи увѣрялъ своихъ читателей, что въ ракѣ лежатъ

не нетлѣнные останки святаго, а деревянная колода;—на такой де обманъ православный Синодъ всегда былъ способенъ...

Подобные толки не могли не проникнуть въ среду тѣхъ раскольничьихъ общинъ, откуда были депутаты; послѣдніе были заподозрены въ лукавствѣ. И вотъ въ истекшемъ маѣ, собравшись на бесѣду православныхъ миссіонеровъ, свящ. Орловъ и мірянинъ Тарутинъ и раскольники меленковскаго уѣзда рѣшили разоблачить ложь и найти правду: потребованы были бывшіе депутаты въ собраніе на очную ставку, гдѣ публично и рѣшительно просили ихъ засвидѣтельствовать, справедливы-ли ихъ показанія въ актѣ и ложны-ли распускаемые отъ ихъ имени толки, что якобы мощи св. Ѳеодосія не дѣйствительны. Депутаты начали клятися и божитися, что все изложенное объ нихъ въ актѣ вѣрно и что они къ составленію лжи въ тетрадкахъ не причастны, причемъ пожелали слова свои тутъ же подтвердить новымъ актомъ, который и былъ составленъ. Ниже мы печатаемъ знаменательный документъ въ подлинникѣ. Актъ этотъ несомнѣнно имѣетъ важное миссіонерское значеніе, какъ очевидное разоблаченіе лжи и коварства начетчиковъ--верховодовъ, держащихъ въ погибельной тьмѣ темную раскольничью массу. Большое спасибо усерднымъ Владимірскимъ миссіонерамъ за эту ихъ услугу дѣлу миссіи.

Достойно вниманія, что даже и въ такую, омертвѣвшую въ своей вѣрѣ въ чудеса и святость угодниковъ Божіихъ, среду, какъ штунда, начинаетъ проникать слава о великомъ Чудотворцѣ Черниговскомъ и вызываетъ въ сектантахъ чувства благоговѣнія.

Изъ Херсонской епархіи сообщаютъ, что тамъ многими сектантами штундистами не разъ высказывалось миссіонерамъ желаніе самимъ воочію убѣдиться въ истинности нетлѣнія мощей св. Ѳеодосія и въ чудесахъ. Попечительный объ успѣхахъ миссіонерскаго дѣла въ епархіи Архіепископъ Іустинъ далъ миссіонерамъ благословеніе и средства исполнить благочестивое желаніе штундовыхъ соглядатаевъ. И вотъ въ началѣ мая епархіальнымъ миссіонеромъ г. Кальневымъ и двумя окружными миссіонерами—іереями предпринято было паломничество съ сектантами и новообратившимися въ Черниговъ и Кіевъ. По пути къ миссіонерско-сектантской группѣ присоединились православные и составилось трогательное братство, душъ въ сто, изъ духовно и физически немощствующихъ: всѣ съ духовнымъ трепетомъ спѣшили къ Черниговской купѣли исцѣленія,

—къ ракѣ св. мощей великаго Чудотворца. Въ числѣ паломниковъ былъ, между прочимъ, одинъ тяжко больной мѣщанинъ Ѳедоровъ, болѣе двухъ лѣтъ страдавшій нервными припадками, доводившими его до буйства и бѣснованія. Какъ во время пути на пароходѣ, такъ особенно по прибытіи въ Черниговъ, страданія его были настолько сильны, что бывшая съ нимъ жена его ужасалась при видѣ такого его положенія, говоря, что никогда онъ такъ не мучился. Едва 8—10 человѣкъ могли его привести, или—правильнѣе—принести въ соборъ, въ коемъ почиваютъ мощи Святителя; но лишь только общими усиліями приложили его къ святымъ мощамъ, какъ тотчасъ больной затихъ и потомъ попросилъ опустить на полъ его ноги, и онъ сталъ на колѣни предъ ракой угодника Божія и какъ бы впалъ въ забытье. Въ это время совершался молебенъ Святителю о здравіи болящаго; его глаза, уши, уста и грудь были помазаны елеемъ, взятымъ отъ лампады, а голова его покрыта воздухомъ отъ мощей Святителя Ѳеодосія. Чрезъ нѣсколько минутъ Ѳедоровъ самъ сталъ на ноги и уже совершенно сознательно, безъ посторонней помощи, приложился къ святымъ мощамъ, громко, во всеуслышаніе, молясь Богу объ исцѣленіи своего недуга. Чрезъ нѣсколько времени онъ выпрямился во весь ростъ и воскликнулъ: «благодарю Тебя, Господи; теперь я узрѣлъ Твой свѣтъ». Послѣ чего, обратясь къ народу, горячо благодарилъ его за молитвы о немъ. Вышедши изъ храма, Ѳедоровъ всю дорогу до квартиры шелъ совершенно спокойно, непрестанно крестясь и благодаря Бога и угодника Божія за свое исцѣленіе. 4 и 5 мая онъ былъ вмѣстѣ съ другими за церковными службами, исповѣдался и причастился святыхъ таинъ. 6 и 7 мая вмѣстѣ съ ними посѣтилъ кіевскія святыни и 9 числа возвратился въ Елисаветградъ, откуда, какъ и во всю дорогу, чувствуя себя здоровымъ, возвратился въ городъ Вознесенскъ, хваля и славя Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Всѣ сектанты, прибывшіе въ Черниговъ и видѣвшіе его чудесное исцѣленіе тамъ,—по ихъ искреннему желанію были торжественно присоединены 5 мая къ православію и удостоены святаго причащенія. О всемъ случившемся тогда же составленъ оффиціально актъ за подписью многихъ очевидцевъ, херсонскихъ миссіонеровъ и членовъ соборнаго причта. Событіе знаменательное! Въ исцѣленіи штундовой язвы сектантовъ Господь явилъ новое чудо чрезъ Своего Угодника!

На страницахъ «Вор. епарх. Вѣд» мы встрѣтили многополезный пріемъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ мѣстнаго епархіальнаго миссіонера г. Рождественскаго съ приходскимъ духовенствомъ епархіи. Знакомясь при миссіонерскихъ разъѣздахъ своихъ съ наиболѣе распространенными въ мѣстномъ духовенствѣ недоумѣніями и нуждами относительно миссіонерскаго полемическаго дѣла, новый молодой миссіонеръ (изъ кандидатовъ С.-Петербургской академіи) началъ обращаться къ духовенству съ разъясненіемъ и руководственными указаніями «въ формѣ открытыхъ писемъ», помѣщаемыхъ на страницахъ епархіальнаго органа. Такой способъ миссіонерскихъ сношеній съ духовенствомъ имѣетъ за собой весьма много преимуществъ. Самая форма письма обусловливаетъ собою болѣе живой простоты, задушевности тона, чѣмъ обычная статья. Прекрасная мысль такимъ путемъ вліяетъ на все духовенство епархіи, здѣсь невольно заинтересуются и тѣ іереи, у которыхъ о миссіи нѣтъ никакихъ ни понятій, ни заботъ, а между тѣмъ наше время таково, что всякій священникъ долженъ быть готовъ дать отвѣтъ вопрошающимъ объ уповании. При такомъ способѣ общенія, и миссіонеръ и духовенство удобно могутъ стоять на стражѣ интересовъ и успѣховъ общаго дѣла миссіи.

Послѣднее свое письмо миссіонеръ адресовалъ ко всѣмъ пастырямъ съ просьбою сообщить ему нужныя для 3 миссіонерскаго всероссійскаго съѣзда свѣдѣнія о расколосектантствѣ по цѣлому ряду намѣченныхъ г. Рождественскимъ вопросовъ.

Священникъ Самарской епархіи, о. Мих. Матюшинскій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о состоявшихся въ с. Мостахъ Николаевскаго уѣзда въ истекшемъ маѣ полемическихъ бесѣдахъ мѣстнаго благочиннаго и миссіонера о. Елпиденскаго съ извѣстнымъ раскольничьимъ апологетомъ Перетрухинымъ, котораго послѣдователи австрійскаго толка величаютъ «великимъ логофетомъ»; но по свѣдѣніямъ нашего корреспондента оказывается, что Самарская раскольничья звѣзда съ тѣми же темными пятнами, какъ и всѣ подобные ему раскольничьи логофеты и апологеты:—наемники и комедіанты, которые собесѣдуютъ не для того, чтобы найти и выяснить религіозную истину, а чтобы отуманить, затмить послѣдніе проблески здраваго смысла своей толпы и чтобы получить хорошій кушъ «за выходъ». Перетрухинъ долго не хотѣлъ являться въ Мосты на приглашеніе своихъ бѣдняковъ единовѣрцевъ, такъ какъ они не хотѣли

или не могли уплатить ему за визитъ болѣе 10 р., а онъ привыкъ получать не менѣе 50 р. И только лишь угрозы однихъ изъ австрійцевъ с. Мостовъ оставить моленную и принять единовѣріе, а другихъ—пожаловаться московскому духовному совѣту -- заставили наконецъ явиться на бесѣды, которыя длились нѣсколько дней. О. Елпиденскій, видно, миссіонеръ опытный, краснорѣчивый и начитанный въ старопечатныхъ книгахъ, такъ что Перетрухинъ, чувствуя силу оппонента и свою слабость, пытался отдѣлываться суесловіемъ и и увертками, которыя заставляли смѣяться даже самихъ раскольниковъ. А когда Перетрухинъ вздумалъ было читать что-то изъ газеты «Свѣтъ», то мѣстный наставникъ Лазаревъ зѣло возмутился этимъ и не удержался чтобы не замѣтить апологету, говоря: ты, К. А., читай намъ изъ писанія, а не изъ какихъ-то газетъ». Въ концѣ же бесѣды наставникъ бѣглопоповской мѣстной общины Киселевъ торжествующе и велегласно возопилъ: «напрасно вы, австрійцы, вызывали Перетрухина защищать вашу іерархію, онъ все время защищалъ не ваше, а наше окормляемое бѣгствующимъ священствомъ общество». Австрійцы вышли съ бесѣды мрачные и видимо недовольные на лагофета, котораго послѣ бесѣды осыпали разными ругательствами и даже хотѣли предать «жестокому тѣлесному озлобленію»... Раздосадованный въ свою очередь логофетъ, принявъ не малое утѣшеніе отъ капель монопольнаго сикера, поспѣшилъ во свояси и дорогою хорошо выпившій лагофетъ потерялъ чемоданъ съ нѣсколькими пудами книгъ, послѣднія нашелъ одинъ изъ мѣстныхъ баптистовъ, и поспѣшилъ возвратить находку по принадлежности. При видѣ багажа книгъ, растроганный логофетъ сначала билъ земные поклоны предъ иконами, а послѣ сейчасъ же началъ пить зелено вино вмѣстѣ съ трезвымъ штундистомъ». Поучительная картинка,—нечего сказать...

Э. Я.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. П. Добротинъ. *Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ лжеученію и расколу.* Изданіе журнала «Миссіонерское Обозрѣніе». Кіевъ, 1897 г. in 8° 110 стр. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Вопросъ объ отношеніи нашего уголовнаго законодательства къ еретикамъ и раскольникамъ представляетъ собою величайшій интересъ не только съ государственно-правовой, но и церковно-канонической точки зрѣнія, потому русскіе криминалисты, а также изслѣдователи каноническаго права и расколовѣды удѣляли и удѣляютъ ему должное вниманіе какъ въ спеціальныхъ курсахъ, такъ и въ отдѣльныхъ трактатахъ, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Знакомство съ вопросомъ объ отношеніи нашего уголовнаго законодателства къ еретикамъ и раскольникамъ является предметомъ настоятельной необходимости въ особенности для тѣхъ, кто приходитъ въ то или другое соприкосновеніе съ расколомъ и сектантствомъ, потому-то на страницахъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» и было охотно дано мѣсто труду Г. П. Добротина, подъ заглавіемъ «Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ расколу и лжеученію».

Изслѣдованіе г. Добротина, распадающееся на шесть главъ, чрезвычайно широко захватываетъ вопросъ объ отношеніи нашего уголовнаго законодательства къ еретикамъ и раскольникамъ, поставляетъ въ связь съ церковно-византійскимъ законодательствомъ и проводитъ параллель между нашимъ законодательствомъ и законодательствами западно-европейскихъ народовъ по данному вопросу. Иной постановки своему изслѣдованію авторъ и не могъ дать.

Наши законовѣды-криминалисты въ большинствѣ случаевъ неблагосклонно относятся къ нынѣ дѣйствующему русскому законодательству по отношенію къ еретикамъ и раскольникамъ: не смотря на то, что наши законы касательно даннаго вопроса получили опредѣленный видъ и были *кодификацированы* только послѣ весьма продолжительной переработки ихъ, люди науки, спеціально посвятившіе себя изученію русскихъ уголовныхъ законовъ, отдѣлъ нашего законодательства, интересующій насъ, считаютъ сколкомъ съ церковно-византійскаго законодательства, потому признаютъ его устарѣвшимъ настолько, что онъ якобы не можетъ идти въ сравненіе ни съ однимъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ этого рода, и нуждается въ ко-

ренной перестройкѣ. По воззрѣнію нашихъ криминалистовъ, коренныя начала нашего законодательства по отношанію къ раскольникамъ и еретикамъ *не осуществляютъ всецѣло понятій свободы совѣсти и вѣротерпимости*,—такъ какъ они, будучи проникнуты чисто-каноническимъ характеромъ, не могутъ отрѣшиться отъ устарѣвшихъ принциповъ абсолютной ортодоксіи и монопольнаго прозелитизма. Русская вѣроисповѣдная политика (слѣдовательно и отношеніе къ еретикамъ и раскольникамъ) *ненормальна;* церковь и государство, вступивши между собою въ союзъ, выходятъ изъ подлежащей имъ сферы вѣдѣнія: церковь впадаетъ въ несвойственное ей положеніе, когда, заручившись полномочіями отъ государства, принудительно поступаетъ противъ еретиковъ и раскольниковъ, вслѣдствіе чего теряетъ *свой духовный характеръ;* а равно и государство, вмѣшиваясь въ дѣла вѣры, подлежащія исключительно вѣдѣнію церкви, преступаетъ предѣлы своей власти, ограничиваетъ церковь и поставляетъ ее въ зависимое положеніе. Отсюда, по мнѣнію этихъ представителей науки, непригодность нашего уголовнаго законодательства относительно еретиковъ и раскольниковъ требуетъ настоятельной реформы, покоящейся, по подобію западно-европейскихъ кодексовъ, на началахъ личной совѣсти и вѣротерпимости. Реформа эта вытекаетъ изъ духа и характера христіанства и практическихъ соображеній нашего культурнаго вѣка, требующихъ счастія о благоденствія народовъ. Представители культуры и цивилизаціи идутъ еще дальше: они проповѣдуютъ по образцу западно-европейскихъ государствъ совершенное отдѣленіе церкви отъ государства, обоюдное существованіе которыхъ опредѣлится девизомъ: «свободная православная греко-восточная церковь въ свободномъ россійскомъ государствѣ» (5—13 стр.).

Авторъ разсматриваемой нами монографіи, въ виду такого разномыслія по данному вопросу, свое изслѣдованіе направляетъ къ той цѣли, чтобы показать, дѣйствительно-ли, какъ утверждаютъ наши криминалисты и люди культуры, отношеніе церкви къ государству въ Россіи, представляющее собою одинъ изъ типическихъ образцовъ церковно-государственнаго единства, есть явленіе ненормальное, вредное для развитія церкви и государства? Но прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, нашъ изслѣдователь разсматриваетъ два посредствующихъ вопроса, необходимыхъ для уясненія дѣла — возможно-ли съ точки зрѣнія Христова ученія допустить абсолютную свободу совѣ-

сти, вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютную, доходящую до безразличія, вѣротерпимость (14 и 16 стр.)?

Религіозная безусловная свобода въ смыслѣ права исповѣдывать то религіозное убѣжденіе, какое кому нравится, не имѣетъ основанія для себя въ положительномъ ученіи храстіанства, несогласно съ Евангеліемъ и явилось у людей западно-европейскаго образованія только *по недоразумѣнію*. Авторъ всѣ доводы въ пользу абсолютной религіозной свободы находитъ логически несостоятельными: уже въ силу того, что истина христіанскаго ученія едина, абсолютна, а не относительна, потому и общеобязательна, невозможно допустить абсолютной свободы въ дѣлѣ пониманія религіи. Отсюда становится яснымъ, почему государство не можетъ допустить абсолютной, доходящей до безразличія, вѣротерпимости; оно, по необходимости, должно стать въ то или иное отношеніе къ религіозному разномыслію. Осуществленіе же принципа послѣдователей западно-европейской культуры—*свободная церковь въ свободномъ государствѣ* — является въ дѣйствительности невозможнымъ, такъ какъ нельзя допустить, чтобы двѣ совершенно свободныхъ силы могли рядомъ другъ съ другомъ существовать безъ какой-быто-нибыло «связи» или взаимодѣйствія, ибо обѣ свободныя силы должны войти въ союзъ между собою, иначе сказать, должны войти въ борьбу, что въ дѣйствительности на западѣ и существуетъ. Потому западно-европейскія государства, включивъ въ себя церковь, какъ одну изъ корпорацій, пользуясь правомъ суверинитета, стѣсняютъ сферу автономіи церкви. Слѣдовательно, принципъ отдѣленія церкви отъ государства — одна утопія, одна мечта. Отсюда и принципы вѣроисповѣдной политики, легшіе въ основу уголовнаго западно-европейскаго законодательства относительно преступленій противъ вѣры вообще, нужно признать ложными; горькая дѣйствительность, какъ показываетъ опытъ, привела къ плачевнымъ результатамъ на Западѣ свободную церковь въ свободномъ государствѣ,—результатамъ, выразившимся въ крайнемъ религіозномъ индеферентизмѣ и атеизмѣ (III и IV главы)!

Нормальное же отношеніе между церковью и государствомъ съ точки зрѣнія истиннаго христіанства должно покоиться на началахъ единенія и союза, такъ—какъ и государство не можетъ существовать безъ нравственной силы, заключающейся въ религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ церки; равно—какъ и церковь для своего внѣшняго благоденствія и преуспѣянія нуждается въ опорѣ государства. Хри-

стіаннѣйшій и самый лучшій видъ отношеній между церковью и государствомъ — тотъ, когда онѣ единствомъ духа и вѣры входятъ между собою въ благонамѣренный и общеполезный союзъ, безъ взаимнаго посягательства на цѣлость и независимость того и другого института. Исходя изъ такого положенія, наше государство не можетъ, по образцу западно-европейскихъ государствъ, индеферентно относиться къ еретикамъ: признавъ принципъ единства истинной вѣры, оно не могло въ уголовномъ кодексѣ законовъ не вступить на путь ограниченія по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ —съ одной стороны, а съ другой — не могло оставить *православіе,* безусловно-согласное съ ученіемъ Христовымъ, безъ охраны и защиты—отъ посягательствъ лжеученій, уклонившихся отъ единства вѣры (V глава). Послѣдняя глава изслѣдованія г. Добротина представляетъ собою систематизацію уголовныхъ законовъ въ нашемъ государствѣ, направленныхъ, въ огражденіе православія, противъ сектантства и раскола.

Изъ предложеннаго нами краткаго содержанія разсматриваемой нами монографіи явствуетъ, что трудъ г. Добротина по вопросу объ отношеніи нашего законодательства къ лжеученію и расколу хотя и касается предмета не новаго, но живаго и потому всегда интереснаго, тѣмъ болѣе что и по задачамъ своимъ, и по выполненію ихъ трудъ почтеннаго нашего сотрудника вполнѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія какъ дѣятелей суда, такъ и служителей миссіи Церкви. Авторъ изслѣдуетъ данный вопросъ всесторонне и вполнѣ научно, такъ что помимо своего общаго интереса монографія г. Добротина можетъ быть весьма пригодною справочною книгою для тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасается съ нашимъ расколосектантствомъ.

Правда, по мѣстамъ изслѣдованіе г. Добротина читается не легко и требуетъ значительнаго умственнаго напряженія (въ особенности—въ вопросѣ о свободѣ совѣсти), потому далеко не можетъ претендовать на популярность; но это обстоятельство не можетъ быть поставлено автору въ вину: предметомъ содержанія вполнѣ опредѣляется и характеръ изложенія разсматриваемаго нами сочиненія. Названное сочиненіе, не имѣя заключительной главы, оставляетъ у читателя его невполнѣ пріятное впечатлѣніе незаконченнаго, оборваннаго. Это объясняется тѣмъ, что напечатанный трудъ г. Добротина составляетъ собою только первую половину осущест-

вленія той задачи, какую имѣлъ въ виду авторъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени имѣетъ печататься на страницахъ миссіонерскаго журнала и вторая половина...

Пожелаемъ же труду нашего автора, какъ безусловно полезному и интересному по самому своему существу, широкаго распространенія въ особенности среди людей интересующихся дѣломъ миссіи.

П. Козицкій.

---

2. *Спиритизмъ предъ судомъ христіанства. А. Надеждинъ.* Изданіе «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви». СПБ. 1896 г. in 16º 116 стр.

Спиритизмъ, возникшій около 50-ти лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, а оттуда перекочевавшій въ Европу и къ намъ, въ Россію, является цѣлой религіозно-философской системой, враждебной христіанству. Онъ составленъ изъ различныхъ древнихъ и новѣйшихъ мистико-раціоналистическихъ ученій, съ привнесеніемъ нѣкоторыхъ идей гуманизма и натурализма, отчасти и христіанскихъ воззрѣній. Представляя изъ себя амальгаму всевозможнаго рода ученій, онъ отвергаетъ основные христіанскіе догматы и удерживаетъ только нравственную часть Евангельскаго ученія. Отвергая такимъ образомъ сущность христіанства, спиритизмъ какъ бы хочетъ стать на его мѣсто: называетъ себя «третьимъ откровеніемъ Божія закона, новой «міровой религіей» -- безъ храмовъ и священниковъ (мѣсто послѣднихъ замѣняютъ сеансы и медіумы), задается цѣлью по своему «просвѣтить и морализовать человѣчество» и коренньмъ образомъ реформировать его — (3—5 стр.). Будучи ученіемъ богохульнымъ и богопротивнымъ, онъ какъ бы обобщаетъ въ себѣ еретическія и сектантскія доктрины. Опасность спиритизма кроется не въ самомъ характерѣ его ученія, а въ программѣ его дѣятельности: онъ дѣйствуетъ на своихъ адептовъ слишкомъ обольстительно и хитро. Онъ не требуетъ отъ своихъ послѣдователей отреченія отъ прежнихъ ихъ вѣрованій; никого и ни въ чемъ не стѣсняетъ и старается угождать вкусу каждаго: однихъ изъ послѣдователей онъ обольщаетъ религіозною свободою; другихъ—безнаказанностью въ нравственномъ отношеніи; третьихъ—наглядньмъ и будтобы осязательньмъ рѣшеніемъ непонятныхъ въ христіанствѣ вопросовъ. Такимъ образомъ спиритизмъ является опасной духовной эпидеміей для современнаго общества, легкомысленнаго, въ дѣлѣ вѣры индеферентнаго или невѣжественнаго, нервно-безпокойнаго, жаждущаго новизны и сильныхъ ощущеній (стр. 7).

Изъ представленной нами краткой характеристики спиритизма, какъ ученія, явствуетъ, что оно не есть праздное и пустое занятіе суетно-легкомысленныхъ людей, а есть пагубно -враждебная христіанству доктрина, съ которой необходимо бороться нашей церкви, всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи средствами. Трудъ г. На-

деждина, посвященный разбору спиритизма съ христіанской точки зрѣнія и изданный «обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви», является вполнѣ благовременнымъ и заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ должное вниманіе нашихъ читателей.

«Ключъ всего спиритическаго знанія» лежитъ въ ученіи о духахъ, или точнѣе, о душахъ умершихъ, сообщающихъ людямъ, при посредствѣ медіумовъ, свои новыя откровенія. Въ этомъ пунктѣ спиритизмъ, повидимому, сближается съ христіанскимъ ученіемъ о безсмертіи души и стремится, бодто-бы, поддержать и укрѣпить это ученіе. Поэтому г. Надеждинъ въ своей брошюрѣ рѣшаетъ вопросъ, *можно-ли съ библейской точки зрѣнія допустить явленіе душъ умершихъ изъ загробнаго міра и нужно-ли постоянное общеніе ихъ съ живыми людьми.* Авторъ на основаніи Слова Божія подробнымъ образомъ раскрываетъ положеніе, что души умершихъ людей ни по своему произволу, ни по желанію живыхъ людей не могутъ являться къ послѣднимъ и сообщать имъ тѣ или другія свѣдѣнія. Кромѣ этого, подобныя общенія, какъ неугодныя Богу, совершенно ненужны и излишни и изысканіе способовъ къ таковымъ общеніямъ воспрещено еще въ В. Завѣтѣ, какъ дѣло богопротивное (Втор. 18, 9, 11, 12; Лев. 19, 31; 20, 6, 26). Свято-отеческая литература, согласно съ св. Писаніемъ, подтверждаетъ невозможность и излишество явленій изъ загробнаго міра. Невозможны подобныя сношенія и съ нравственной точки зрѣнія: если человѣкъ дошелъ до такого паденія, что не слушаетъ гласа Божественнаго откровенія, то для него всякія другія увѣренія въ истинѣ будутъ напрасны (I глава, стр. 10—35).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу, имѣютъ-ли какое-либо основаніе спириты допускать надобность новыхъ откровеній послѣ всего, что дано для спасенія людей, и на основаніи Слова Божія и исторической жизни всей православной Церкви разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Спириты, вопреки Слову Божію, въ своихъ разсужденіяхъ «о прогрессѣ въ пониманіи истины» выходятъ за предѣлы дозволеннаго: они незыблемую *божественную истину* пополняютъ и измѣняютъ излюбленными мечтаніями и идеями, въ корнѣ подрываютъ христіанскіе догматы и отрицаютъ св. церковь, чѣмъ и нарушаютъ цѣлость и неприкосновенность Богооткровенной христіанской религіи (II гл., 36—66 стр.).—

Отвергши основные принципы, на которыхъ утверждается спиритизмъ, г. Надеждинъ разбираетъ съ христіанской точки спиритическія или медіумическія явленія и откровенія и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Цѣлый рядъ такъ называемыхъ спиритическихъ, или медіумическихъ феноменовъ и манифестацій (верченіе столовъ, летаніе, появленіе и исчезновеніе предметовъ, появленіе и матеріализація отдѣльныхъ частей тѣла и т. д.)—продуктъ a) фокусничества, b) злонамѣреннаго обмана и шарлатанства, c) самообмана и d) таинственности и недостаточной обслѣдованности психическихъ явленій. Самъ спиритизмъ полонъ внутреннихъ противорѣчій и фан-

тастическихъ гипотезъ: онъ оматеріализовалъ духъ человѣческій, который долженъ быть простымъ и невещественнымъ; свободу духа къ проявленіямъ онъ ограничилъ пустою и мелочною областью; общее руководство въ спиритизмѣ принадлежитъ не духамъ, а разуму человѣческому. Характеръ спиритическихъ феноменовъ и манифестацій не позволяетъ видѣть въ нихъ воздѣйствія Божественнаго: таинственно-духовная сторона спиритическихъ сеансовъ, съ настойчивостью доказываемая самими спиритами, всецѣло должна быть приписана воздѣйствію злыхъ духовъ, каковой взглядъ на это уродливое явленіе вполнѣ согласуется и съ Словомъ Божіемъ и съ святоотеческой литературой. Подобнаго взгляда на спиритизмъ держатся и протестантскіе ученые (проф. Шнейдеръ и Визеръ) и православные богословы, касавшіеся этого предмета, (Моск. митр. Филаретъ, архіепископы — Иннокентій и Никаноръ, Игнатій епископъ Кавказскій).

Въ заключеніе своего труда авторъ даетъ такую краткую характеристику спиритизма. «Спиритизмъ, это «уравновѣшенное міровоззрѣніе», представляетъ собою вѣроломное богоотступничество и возмутительное нарушеніе первыхъ заповѣдей закона Божія, запрещающихъ служеніе инымъ богамъ и твореніе кумировъ; здѣсь въ новыхъ формахъ возстановляется древнее язычество и созидаются кумиры, въ лицѣ измышленныхъ духовъ, и практикуется служеніе демонамъ, таящимся коварно подъ видомъ нашихъ умершихъ братій» (III-я глав. 67—116 стр.).

Въ виду того обстоятельства, что спиритизмъ является не менѣе, если не болѣе опаснымъ врагомъ православія, чѣмъ и всѣ ереси и секты, пожелаемъ самаго широкаго распространенія полезному труду г. Надеждина по преимуществу въ средѣ нашей интеллигенціи, влаемой всякимъ вѣтромъ ученія.

П. Козицкій.

---

3. «Сборникъ статей въ обличеніе штундизма и въ утвержденіе неопытныхъ въ истинахъ православной вѣры. Труды Ректора Екатеринославской Духовной Семинаріи Протоіерея *Михаила Разногорскаго.* Изд. Орловскаго Православнаго Петропавловскаго Братства». Орелъ. 1891 годъ II+337 стр. Цѣна 75 коп.

Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ двадцать статей о. протоіерея М. Разногорскаго, печатавшихся разновременно въ „Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, Всѣ эти статьи болѣе или менѣе похожи одна на другую по манерѣ изложенія и пріемамъ изслѣдованія предмета, тѣмъ не менѣе не всѣ одинаково пригодны для той цѣли, для которой предназначили сборникъ его издатели, — служить полезнымъ пособіемъ для пастырей Церкви въ борьбѣ со штундизмомъ и надежнымъ руководствомъ для утвержденія православныхъ христіанъ въ истинахъ вѣры и благочестія.

Сборникъ начинается статьей „О единствѣ Церкви". Уже одно заглавіе этой статьи можетъ сразу же возбудить нѣкоторое недоумѣніе въ читателѣ, знакомомъ съ основными вопросами противоштундистской полемики. Конечно, вопросъ о Церкви есть одинъ изъ основныхъ вопросовъ этой полемики. Но изъ многихъ частныхъ предметовъ, обнимаемыхъ вопросомъ о Церкви, ближайшее значеніе для цѣлей полемики со штундистами должно имѣть раскрытіе той истины, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, и уясненіе главнымъ образомъ двухъ существенныхъ признаковъ истинной Церкви—полноты заключающихся въ ней благодатныхъ даровъ и богоучрежденности ея іерархіи. Доказывать же противъ штундистовъ истину единства Церкви нѣтъ особенной надобности, такъ какъ, съ одной стороны, сектанты не высказываютъ никакихъ отрицательныхъ сужденій по этому предмету, а съ другой—самое положеніе о единствѣ Церкви не можетъ послужить основаніемъ для какихъ либо выводовъ, обличающихъ заблужденія штундизма. И въ дальнѣйшихъ статьяхъ о. Разногорскаго эта истина, положенная имъ какъ бы во главу угла, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого приложенія.

Такимъ образомъ, въ первой статьѣ о. Разногорскій говоритъ о томъ, о чемъ ему собственно не было нужды говорить и умалчиваетъ о томъ, что слѣдовало разсмотрѣть основательно и обстоятельно,—о томъ, что спасеніе возможно только въ учрежденной Господомъ Церкви, обладающей полнотою благодатныхъ даровъ, сообщаемыхъ вѣрующимъ въ таинствахъ чрезъ законно рукоположенныхъ священниковъ. Правда, авторъ касается послѣдняго вопроса въ третьей статьѣ сборника („О богоучрежденности и непрерывности Священноначалія въ Христовой Церкви"), однако не даетъ ему и здѣсь ни достаточно твердой постановки, ни яснаго и всесторонняго разрѣшенія. При томъ же, благодаря этому отступленію, въ содержаніе самой статьи привносится новый предметъ, въ заглавіи не указанный, а то, что, судя по заглавію, должно бы составлять прямой и единственный предметъ ея, остается въ свою очередь слабо выясненнымъ и недостаточно твердо обоснованнымъ.

Еще возбуждаетъ недоумѣніе заглавіе статьи пятой: „О неповторяемости св. таинства крещенія". Штундисты совсѣмъ не учатъ, что таинство крещенія можно повторять, и никогда не повторяютъ своего крещенія; если же они перекрещиваютъ приходящихъ въ ихъ секту православныхъ, то лишь потому, что считаютъ недѣйствительнымъ совершаемое въ прав. Церкви крещеніе дѣтей. Поэтому въ вопросѣ о крещеніи противъ штундистовъ слѣдуетъ доказывать не то, что крещеніе неповторяемо, чего штундисты и не оспариваютъ, но то, что крещеніе можетъ и должно быть совершаемо и надъ дѣтьми и въ этомъ случаѣ должно считаться такъ же дѣйствительнымъ и неповторяемымъ, какъ и крещеніе, совершаемое надъ взрослыми. Собственно говоря, эта мысль доказывается и въ разсматриваемой статьѣ, но доказывается такъ неловко, что трудно разобрать, къ чему собственно авторъ ведетъ свои разсужденія,

—къ тому ли, что крещеніе вообще неповторяемо, или же къ тому собственно, что не должно повторять его надъ людьми, крещенными въ дѣтскомъ возрастѣ.

Вообще недостатокъ точности и ясности въ формулировкѣ и отчетливости въ разрѣшеніи обсуждаемыхъ вопросовъ,—недостатокъ, довольно ощутительный въ статьяхъ о. Разногорскаго, вошедшихъ въ составъ разсматриваемаго сборника. Недостатокъ этотъ особенно ощутителенъ тѣмъ, что читателю часто бываетъ очень трудно уловить основную мысль автора и въ ея раскрытіи и обоснованіи выдѣлить существенное и важное отъ случайнаго и не имѣющаго прямаго отношенія къ дѣлу.

Въ своихъ статьяхъ о. Разногорскій говоритъ много *отъ Писаній*. Однако и въ этой особенности многіе могутъ усмотрѣть скорѣе недостатокъ, нежели достоинство. Конечно, не только можно, но и должно приводить тексты св. Писанія, которыми заблужденія штундизма опровергаются, и чѣмъ больше такихъ текстовъ приводится, тѣмъ лучше. Но говорить отъ Писаній безъ очевидной въ томъ надобности, по одной только привычкѣ украшать рѣчь текстами—не всегда назидательно и полезно.

Не можемъ не отмѣтить еще одинъ частный пріемъ о. Разногорскаго, по нашему мнѣнію, не вполнѣ удачный. Онъ нерѣдко въ заключеніе всѣхъ своихъ разсужденій прибѣгаетъ къ такому доводу: „такъ учитъ Церковь, которая есть столпъ и утвержденіе истины“. Думаемъ, каждому понятно, что для сектантовъ, отвергающихъ авторитетъ Церкви, такое доказательство не можетъ имѣть рѣшительной силы.

Нельзя не пожалѣть, что то основательное знаніе св. Писанія, которымъ безпорно обладалъ авторъ статей, не съ большимъ искусствомъ приложено къ дѣлу обличенія штундизма. Только опытные миссіонеры, основательно изучившіе вѣроученіе штундизма и достаточно искусившіеся въ тонкостяхъ противоштундистской полемики, могутъ, пожалуй, извлечь надлежащую пользу изъ того малоупорядоченнаго матеріала, какой представляютъ собою статьи разсмотрѣннаго нами сборника. Признать же этотъ сборникъ „*надежнымъ* руководствомъ для утвержденія православныхъ христіанъ въ истинахъ вѣры и благочестія“ — дѣло рискованное.

Н. В.

Извѣстія и замѣтки.

а) *Знаменательный документъ.*

1897 года. Мая 25 дня. Мы нижеподписавшіеся старообрядцы, крестьяне деревни Борковки Меленковскаго уѣзда уставщики: Бѣглопоповскаго—Владиміръ Алексеевъ Сѣдовъ и поморскаго согласія Федоръ Ермолаевъ Кудасовъ и безпоповецъ крестьянинъ деревни Песочной Андрей Кузьминъ Володинъ, симъ свидѣтельствуютъ предъ Богомъ и людьми, что подписанный нами Актъ, въ г. Черниговѣ есть непреложная истина, а вышедшее показаніе писанное уставомъ, наполненное разными хулами на угодника Божія св. Ѳеодосія отъ имени Владиміра Сѣдова, есть **ложь** и **клевета** на насъ и мы въ составленіи ея не участвовали, признавая таковую гнусную клевету измышленіемъ лукаваго;—въ чемъ и подписуемся... На подлиномъ подписали: Владиміръ Алексѣевъ Седовъ «*Я ложь не писалъ.* Федоръ Кудасовъ и Андрей Володинъ.

Подписку отбиралъ, возившій, ихъ въ г. Черниговъ, миссіонеръ свящ. Владиміръ Орловъ. При семъ присутствовалъ приставъ 1-го стана Мелнековскаго уѣзда М. Доброхотовъ. Означенное показаніе дано вышеозначенными старообрядцами во время публичной бесѣды въ селѣ Шиморскомъ въ присутствіи мѣстныхъ священниковъ и миссіонеровъ, при стеченіи 200 народа. Священникъ Іоаннъ Кедринъ, Священникъ Василій Рождественскій, Миссіонеръ Александро-Невскаго Братства Тимофей Николаевъ и приложена печать Церкви Шиморскаго села. Съ подлиннымъ верно, въ чемъ Выксунское волостное правленіе и удостовѣрило Мая 26 дня 1897 года.

Волостной старшина.

— — — — —

b) Обслѣдованіе закавказскаго сектантства.

Въ газетѣ **Кавказъ** напечатано слѣдующее сообщеніе: „въ началѣ истекшаго мая чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовъ былъ командированъ стасъ-секретаремъ К. П. Побѣдоносцевымъ въ распоряженіе г. Главноначальствующаго князя Г. С. Голицына, согласно желанію его сіятельства, для всесторонняго изслѣдованія современнаго состоянія закавказскаго сектантства и, въ частности, духоборческой секты, въ качествѣ извѣстнаго знатока русскаго сектантства и миссіонерскаго дѣла. Въ 1890 году, въ виду развитія на югѣ Россіи штунды, В. М. Скворцовъ временно откомандированный въ

Кіевъ, въ распоряженіе кіевскаго генералъ-губернатора, для порученій по сектантскимъ дѣламъ, въ 1896 году былъ командированъ въ Закавказье Св. Синодомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по дѣлу о духоборческой же сектѣ. Въ послѣдній свой пріѣздъ на Кавказъ почтенный изслѣдователь провелъ въ Закавказьѣ два мѣсяца, посѣтилъ всѣ селенія духоборческія, много бесѣдовалъ съ послѣдователями разныхъ партій этой секты, а также осматривалъ центры и другихъ сектъ, послѣдователей которыхъ въ нашемъ краѣ числится около 80 т.

22 іюня В. М. Скворцовъ отбылъ къ мѣсту своего служенія.

От Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 23 Іюля 1897 года.
Цензоръ, Профессоръ Академіи, Протоіерей *І. Корольковъ.*

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, домъ № 22.

Въ складѣ книгъ при Редакціи журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ имѣются въ продажѣ слѣдующія противосектантскія и миссіонерскія изданія.

I. Миссіонерскіе листки для народа:

а) *Отвѣты изъ Слова Божія вопрошающимъ*:

а) 1 О вѣрѣ и дѣлахъ, б) о Законѣ Христіанскомъ, в) о Ветхомъ Завѣтѣ, г) о Св. преданіи и д) о толкованіи Св. Писанія (въ форматѣ **стѣннаго** листа) ц. 3 к.

2 О Святилищѣ или Храмѣ, (съ изображеніемъ Кіево-Печерской Лавры) . . . . „ 3 к.

3 О Царской власти . . . . „ 3 к.

4 О почитаніи Пресв. Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ брошюрахъ, (съ изображеніемъ иконы Божіей Матери Кіевскаго Владимірскаго Собора) „ 3 к.

Тоже въ форматѣ **стѣннаго** листа . . . . . . „ 4 к.

Слово о. Іоанна Кронштадскаго съ портретомъ его въ форматѣ стѣннаго листа . . . . „ 2 к.

Святоотеческое наставленіе о Крестѣ Христовомъ и крестномъ знаменіи въ форматѣ стѣннаго листа, съ изображен. креста, окружен. поклоняющимися ангелами „ 2 к.

5 О прославленіи Св. Угодниковъ Божіихъ . . . . „ 2 к.

6 О почитаніи Св. Угодниковъ и Св. мощей . . . „ 3 к.

7 О молитвенномъ ходатайствѣ Св. Угодниковъ Божіихъ . . . . „ 3 к.

8 О почитаніи св. иконъ . . . . „ 8 к.

б) 9 Берегись ложной и безразсудной клятвы . . . . „ 1 к

10 Новыя чудеса и раскольничье исповѣданіе у раки Святителя Ѳеодосія, чудотворца Черниговскаго, съ изображеніемъ Угодника Божія . . . . . . „ 3 к

11 Житіе Святителя Ѳеодосія (съ изображеніемъ) . „ 3 к.

12 Царское паломничество Ихъ Величествъ на поклоненіе святынямъ Кіева . . . . „ 2 к.

2. Противосектантскія брошюры

(изданія „Миссіонер. Обозрѣнія“).

Существенные признаки и степень вредности мистическихъ и раціоналистическихъ сектъ и раскольничьихъ старообряд. толковъ. *В. М. Скворцова*. . . . „ 20 к.

Общій характеръ старообрядческаго раскола, существенные признаки и степень вредности отдѣльныхъ толковъ. *Его-же* . . . . „ 10 к.

Къ вопросу о борьбѣ со штундовою сектою. *Его-же* . „ 25 к.

Богуславское общество трезвости и борьба со штундою. *Его-же.* . . . . „ 40 к.

Берегись штунды и крѣпко держись Св. Православія. Четыре открытыхъ письма мирянина — простеца. *К. Ярмака* . . . . „ 15 к.

Торжество православія на Московскихъ коронаціонныхъ торжествахъ. *Его-же* . . . . „ 10 к.

Спасительная охрана вѣрующихъ отъ увлеченія лжеучителями. *Ѳ. Синельникова* . . . . „ 7 к.

Бесѣда со штундо-баптистами о христіанской „Святости“ по руководству преп. Іоанна Кассіана. Миссіонера *Д. Боголюбова* . . . . ц. 5 к.

Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ лжеученію и расколу *Г. П. Добротина* . . . . „ 1 руб.

Правила св. Василія Великаго къ охраненію и созиданію правой вѣры и благочестія христіанскаго *Н. П.* . . „ 10 к.

О таинствѣ священства и церковной Іерархіи въ обличеніе ученія мнимо-дух.-христіанъ. Миссіон. Свящ. *Кутепова* . . . . „ 30 к.

Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого въ 2-хъ част. Часть 1-я „ 15 к.

Новые плоды ученія гр. Толстого *Л. Тихоміровa* . . . ц. 5 к.

Апологія нетлѣнія св. мощей *А. Вишневскаго* . . . . . „ 5 к.

Торжество православія XIX вѣка, въ нетлѣніи св. мощей 4-хъ новопрославленныхъ угодниковъ Божіихъ Россійской Церкви. Прот. *Михайловскаго* . . . . „ 5 к.

Условія успѣшнѣйшей борьбы съ сектантствомъ *И. Ф. Яновскій* . . . . „ 40 к.

Братское воззваніе къ старообрядцамъ безпоповскаго раскольничьяго толка . . . . „ 2 к.

Предсмертное слово увѣщанія старца—архипастыря къ заблуждающимся въ вѣрѣ штундистамъ и прочимъ сектантамъ . . . . „ 2 к.

Какъ возражаютъ сектанты и раскольники и что отвѣчаютъ православные миссіонеры . . . . „ 3 к.

Ко дню 400-лѣтія (1 мая 1497—1897 г.) св. священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи . . . . „ 3 к.

Цѣны обозначены безъ пересылки. При выпискѣ **Миссіонерскихъ листковъ** не менѣе сотни экз. дѣлается 10% уступки, таковая же уступка дѣлается и на прочихъ изданіяхъ при выпискѣ на сумму не менѣе 10 р.

Редакторъ-издатель **В. Скворцовъ**.

ПРОТИВОСЕКТАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ ежемѣсячно въ **двухъ выпускахъ**, въ объемѣ отъ 8 и болѣе печатныхъ листовъ.

Посвящается дѣлу, такъ называемой, **внутренней**, по преимуществу **противосектантской миссіи** отечественной Церкви, въ борьбѣ ея съ *раціоналистическимъ и мистическимъ сектантствомъ*, существующимъ среди православнаго населенія многихъ епархій, то въ видѣ старыхъ сектъ—*духоборства*, *молоканства*, *жидовства*, то въ новѣйшихъ формахъ—*штунды*, *баптизма*, *пашковщины*, *толстовщины*, а также въ видѣ тайныхъ сектъ—*хлыстовства*, *шалопутства*, *мормонства*, *скопчества* и др., а также **противораскольничьей** миссіи.

Во вторые выпуски журнала входятъ отдѣлы:

I) **Положительное изъясненіе и полемико-истолковательный разборъ мѣстъ Свящ. Писанія**, извращаемыхъ лжеученіями русскаго сектантства. II) **Извлеченіе изъ твореній св. отцевъ** (преимущественно II—IV вв.) и произведеній знаменитѣйшихъ авторовъ отечественной Церкви—ученія о тѣхъ догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ истинахъ вѣры, относительно коихъ неправо мыслятъ русскіе сектанты. III) **Очерки и разсказы** изъ религіозной и бытовой жизни русскаго сектантства и раскола. IV) **Бесѣды** въ обличеніе лжемудрованій русскаго сектантства и раскола. V) **Догматическія** проповѣди, **катихизическія** поученія и **библійско-истолковательныя** бесѣды. VI) **Внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія**. VII) **Миссіонерскіе листки**, представляющіе отвѣты изъ слова Божія вопрошающимъ.

Въ книжкахъ **втораго выпуска** предметомъ особыхъ заботъ Редакціи будетъ **проповѣдническій** отдѣлъ. Здѣсь, на ряду съ догматическими и катихизическими поученіями, будутъ помѣщаться **апологетическія поученія** и **обличительныя** противъ заблужденій **сектантства и раскола**, а также **бесѣды на евангельскія** и **апостольскія** чтенія, съ святоотеческимъ истолкованіемъ извращаемыхъ сектантскимъ лжемудрованіемъ текстовъ новозавѣтнаго Писанія.

Въ отдѣлѣ **внѣбогослужебныхъ чтеній** приготовлены къ печати **историко-апологетическіе очерки** *жизни и письменности* **мужей апостольскихъ и вселенскихъ отцевъ и учителей первыхъ 3 вѣковъ**, какъ неложныхъ свидѣтелей истины, содержимой православною Церковью.

Независимо отъ напечатанія въ журналѣ **«Миссіонерскихъ листковъ»**,—по нѣкоторымъ догматическимъ вопросамъ, послѣдніе издаются въ форматѣ **стѣнныхъ**, а также **отдѣльными брошю-**

Настоящая книжка высылается одна, а кн. I за августъ будетъ выслана одновременно со 2 кн. за сентябрь.

рами съ священными изображеніями, соотвѣтственными содержанію, въ противовѣсъ сектантству, искусно пользующемуся для распространенія своего лжеученія особыми стѣнными таблицами и листами, съ напечатанными на нихъ въ тенденціозномъ подборѣ текстами Св. Писанія.

Такимъ образомъ, представляя вполнѣ обработанный и готовый матеріалъ для учительства *въ церкви, внѣ церкви и въ школѣ,* книжки втораго выпуска предназначаются для всѣхъ чадъ православной Церкви, **да нѣкоторое будетъ имъ подано духовное дарованіе** (Римл. I. II): здравымъ и богатымъ вѣрою въ вящшему **возрастанію** и обогащенію, немощнымъ и колеблющимся къ **утвержденію и охраненію,** заблуждающимъ **ко вразумленію**; согрѣшающимъ **ко исправленію** «доколѣ всѣ придутъ въ мѣру полнаго возраста Христова, Который есть Глава Церкви—Тѣла Своего». (Еф. IV, 12—15 ср. 2 Тим. Ш, 15 и 16). **Противящимся** истинѣ Божіей и отпадшимъ отъ Церкви дано будетъ здѣсь не мало потребныхъ наставленій, увѣщаній и обличеній въ духѣ **кротости со всякимъ долготерпѣніемъ, не дастъ-ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины.** (2 Тим. II, 25).

Редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія", въ чувствѣ глубочайшаго почитанія Особы Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія, сочла своимъ долгомъ, въ ознаменованіе исполнившагося въ истекшемъ году 35-лѣтія святительскаго служенія высокочтимаго доблестнаго іерарха Русской Церкви, исходатайствовать себѣ у Его Высокопреосвященства дорогое право печатать въ журналѣ **слова и рѣчи,** произнесенныя архипастыремъ въ разныхъ мѣстахъ его епископства, доселѣ неизданныя, представляющія собою **высокіе образцы** церковнаго проповѣдничества. **Проповѣди Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія** печатаются *особымъ приложеніемъ* во **вторыхъ** выпускахъ «Миссіонер. Обозрѣнія» съ начала 1897 г.

Цѣна годовому изданію журнала въ **24 выпуска** со всѣми приложеніями и пересылкою прежняя—**пять** руб., при подпискѣ на полугодіе **три** руб., заграницу **семь** руб.

Желающіе при журналѣ получить 8 выпусковъ *Миссіонерскихъ листковъ* изданія 1896 года, а равно и имѣющіе выйти въ новомъ году отдѣльными отъ журнала **брошюрами и стѣнными листами** прилагаютъ **одинъ** руб. къ подписной цѣнѣ.

Подписка принимается и на журналъ 1896 г. Цѣна годов. изд. **5** р. Контора редакціи ж. «**Мис. Обозр**». за перемѣною квартиры покорнѣйше проситъ по всѣмъ дѣламъ Редакціи адресоваться такъ: **Кіевъ, Кадетскій переулокъ домъ № 13-б.**

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ.**

Редакторъ **Н. В. Переверзевъ.**